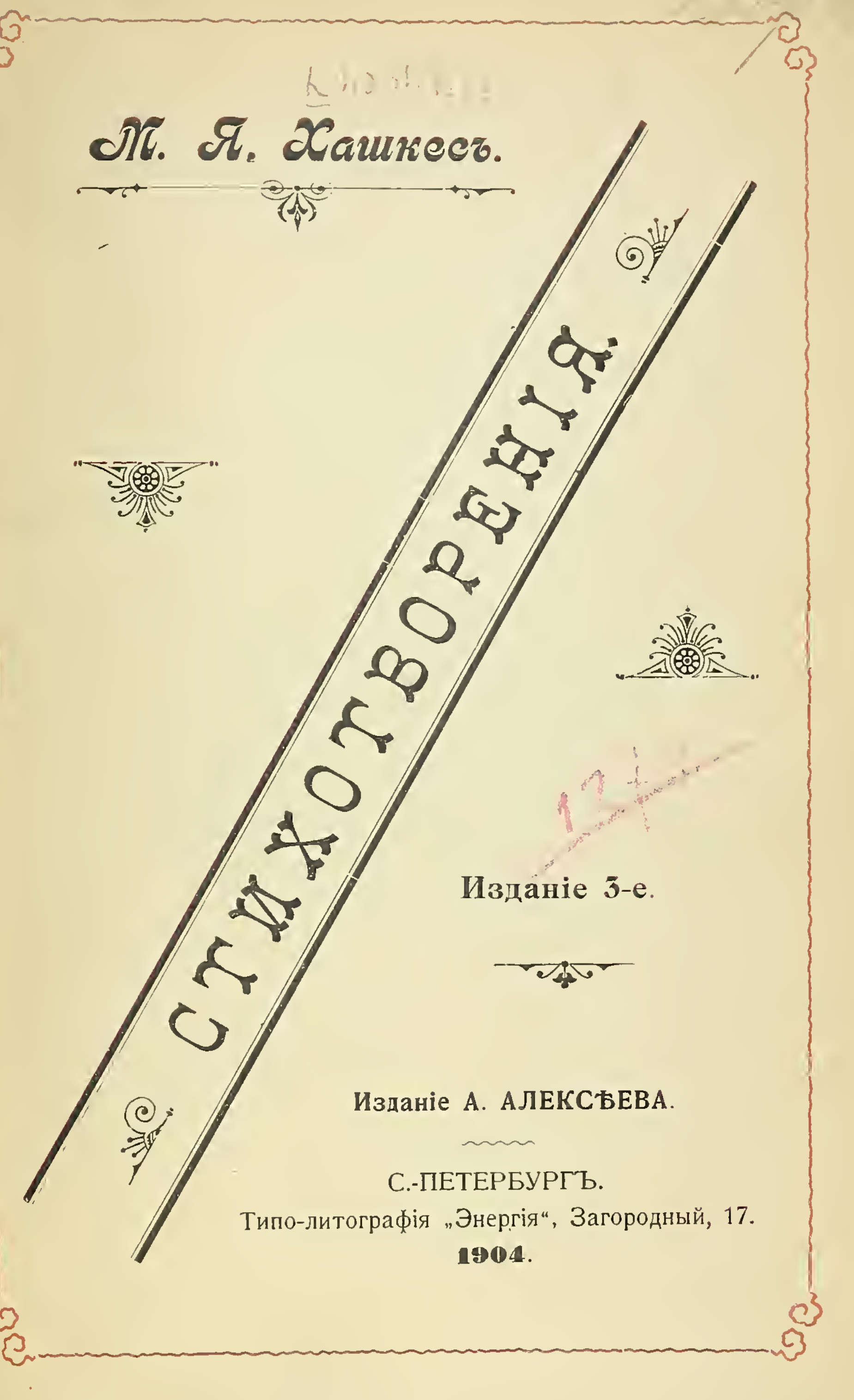


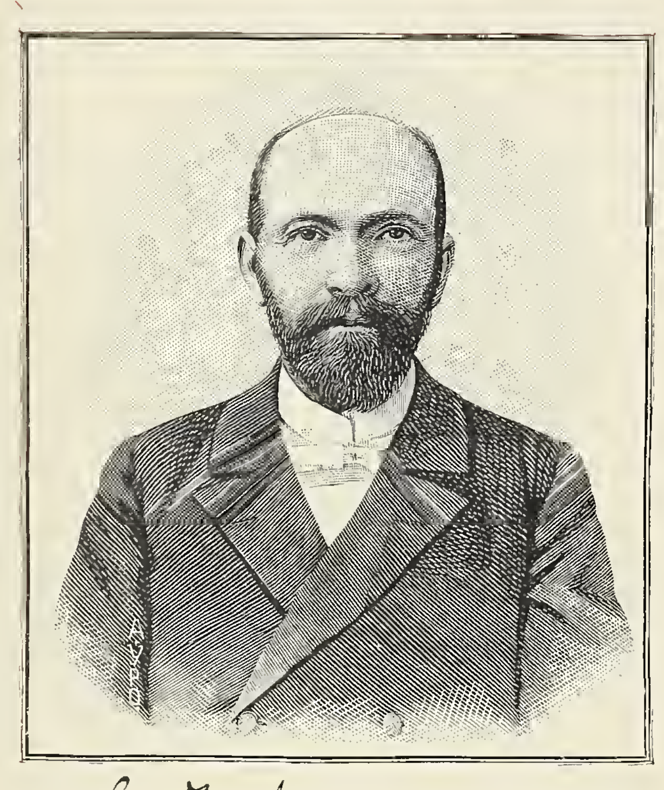
М. Я. Хашкесъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Изданіе 3-е.

Изданіе А. АЛЕКСѢЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія", Загородный, 17.
1904.



M. J. Mibichow –

(M. J. Lexsach)

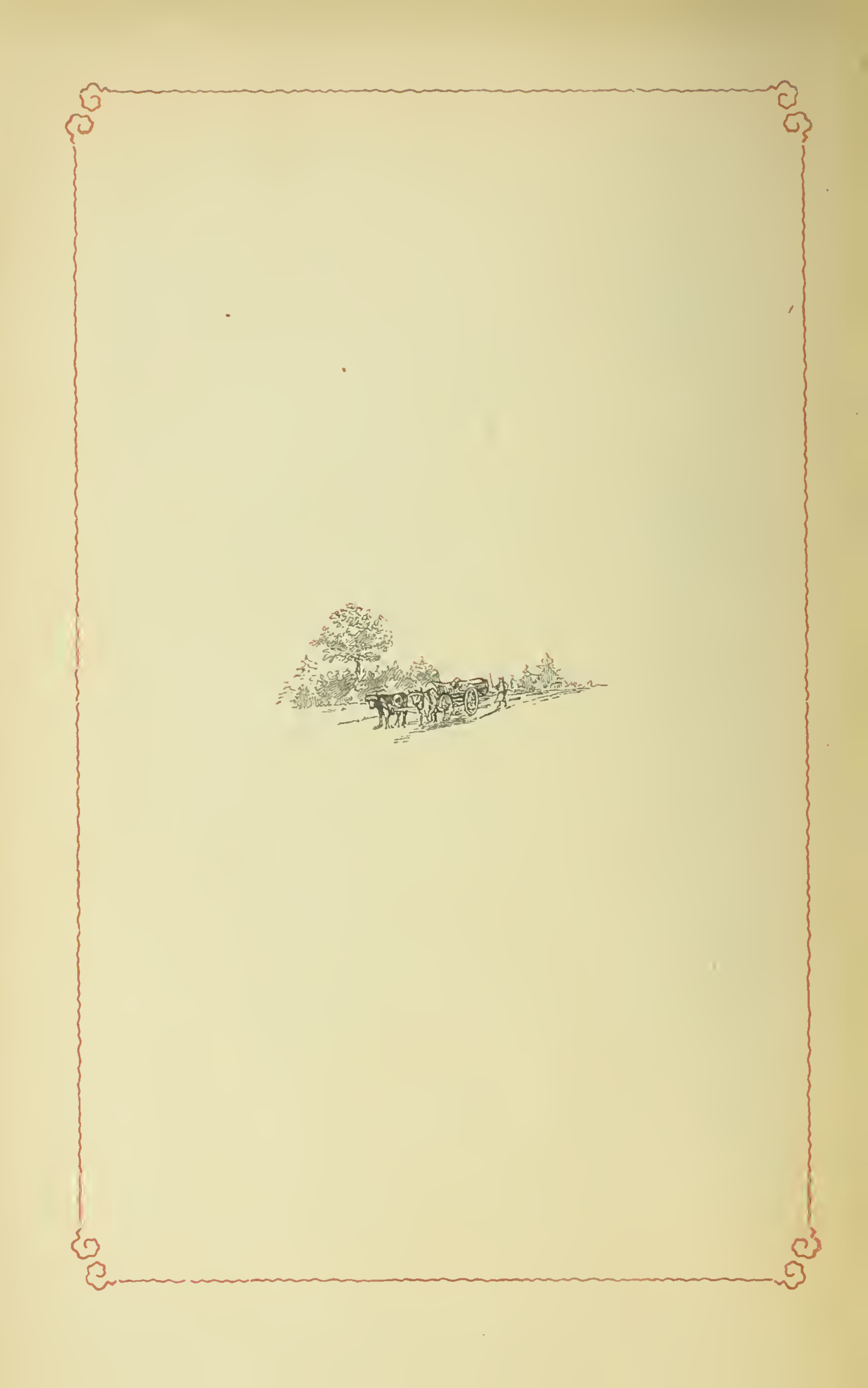
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Народу моему.

Что могу тебѣ дать, мой народъ дорогой?
Только слабое груди дыханье.
Только сердце, согрѣтое свѣтлой мечтой,
Да на лучшіе дни упованье.

Міръ завѣтныхъ идей, все, что въ сердцѣ горитъ,
Все, что предано мукамъ, волненью;
Чувства міръ, гдѣ любовь, словно призракъ, паритъ,
Словно сонъ, фантастической тѣнью.

Мой народъ дорогой! Больше дать ничего
Не могу... Такъ бери, что имѣю:
И мой сонъ, и любовь, и меня самого
Вмѣстѣ съ жизнью, съ душою моею!.



Отчизна.

Что такое отчизна? Въ этомъ словѣ святомъ
Намъ волшебное скрыто значенье.
Лишь услышимъ въ краю отдаленномъ, чужомъ
Этотъ звукъ—почему во мгновенье

Вспыхнутъ очи и сердце забьется порой?
Если тѣхъ мы случайно встрѣчаемъ,
Съ кѣмъ не бились сердца общей жизнью одной,
Съ кѣмъ мы чужды, кого мы не знаемъ.

Почему словно братьями станутъ они
И подъ звукъ всѣмъ невѣдомой рѣчи,
Межъ чужими, почувствовавъ узы родни,
Открываютъ объятья при встрѣчѣ?

Что такое отчизна! Клочекъ-ли земли,
Что во прахѣ у насъ подъ ногами?

[1]

Или нивы, что рожью кругомъ поросли?
Но весною, играя волнами,

Ихъ затопитъ рѣка, вѣтры пыль разнесутъ
И кургановъ могильныхъ громады,
Что надъ предками нашими гордо встаютъ,
Время сгладитъ и ихъ безъ пощады.

Изверженье вулкановъ грозитъ городамъ...
Все измѣнно на лонѣ природы:
Гдѣ долина была—горы высятся тамъ.—
Гдѣ-жъ отчизна! журчащія воды?

Но и тѣ утекаютъ, струясь въ океанъ,
И волна, что тебя омывала,
Убѣгаетъ къ прибрежьямъ невѣдомыхъ странъ...
Надъ кремнистой пустыней Урала

И надъ высью Альпійскихъ заоблачныхъ горъ
Облака не одни-ли и тѣ-же?
Не одинъ-ли созвѣздій сіяющій хоръ?
Гдѣ-жъ отчизна родимая? Гдѣ-же?

Или то племена, что родятся и мрутъ
Вкругъ тебя, но сосѣди порою

Межъ собою кровавыя распри ведутъ...
А отзывчивой чуткой душою

Можетъ быть и чужой лучше кровныхъ друзей
Намъ откликнется дружески въ жизни—
Или говоръ отъ люльки знакомыхъ рѣчей
Насъ приводитъ къ единой отчизнѣ?

Гдѣ-жъ отчизна? Въ предѣлахъ родного села,
Гдѣ мы тѣломъ случайно родились?
Но душа вѣдь у насъ вдалекѣ расцвѣла,
Божьимъ духомъ мы тамъ обновились.

Почему-же отчизна въ странѣ лишь одной,
А не въ общей великой вселенной,
Если страны сосѣдей въ борьбѣ мелочной,
Полны вѣчно враждой неизмѣнной?

Или память героевъ и славныхъ борцовъ,
И отъ общей бѣды избавленье
Намъ отчизну даютъ? Такъ толпа храбрецовъ,
Что бездомны, что смѣло въ сраженье

Выплываютъ по бурному лону морей,
Отдаваясь съ безстрашіемъ бою,

Въ вольномъ морѣ отчизну находятъ скорѣй...
Люди-жъ, связаны общей судьбою,

Такъ враждебны въ ничтожномъ и мелкомъ бою...
Гдѣ-жъ: на Рейнѣ, у Темзы, у Нила,
Отыскать намъ по крови отчизну свою?
Всѣхъ народовъ вражда осѣнила,

А чужіе становятся братьями намъ...
Такъ отчизна—не призракъ-ли это?
Иль на школьной скамьѣ, по учебнымъ листкамъ,
Затвердивъ, мы на поприщѣ свѣта

Повторяемъ то слово безъ смысла? О, нѣтъ!
Пусть его объяснить мы не въ силахъ;
Только слышится намъ тайный чудный привѣтъ
Въ этихъ звукахъ завѣтныхъ и милыхъ.

Мы готовы и жертвовать жизнью порой
Ради этого чуднаго звука...
За отечество кровь проливаетъ герой:
Что ему и погибель, и мука?

Этотъ звукъ будитъ свѣтлыя чувства въ сердцахъ
Электрической искрою дивной...

Мы не выразимъ этого чувства въ словахъ,
Но понятенъ намъ голосъ призывный.—

Что такое отчизна? То дубъ вѣковой,
И могучаго дуба коренья
Соки жизни изъ почвы сосутъ мiровой,
Тамъ, гдѣ предковъ росли поколѣнья.

Гдѣ за нами и дѣти во-слѣдъ подростутъ...
Изъ земли, изъ пространства, изъ влаги
Соки жизни могучiе корни сосутъ...
Звуки буйной воинской отваги.

Громкiй кликъ торжества, стонъ печальныхъ скорбей,
Мысли, рѣчи и говоръ народный—
Это пища живая для чудныхъ корней,
Это пламя любви благородной.

А когда съ дуновенiемъ бури порой
Дубъ киваетъ главою могучей,
Словно эхо вѣковъ, въ стонахъ пѣсни родной
Слышны чудныя трели созвучiй...

Словно арфа Эолова въ чащѣ вѣтвей
Тамъ повѣшена, скрыта незримо...

Тамъ въ тѣни отъ дождя и палящихъ лучей
Пусть глава твоя будетъ хранима!

Слушай пѣсни родныя—такъ сладки онѣ...
Къ нимъ прислушайся чуткой душою,
Позабывъ о кореньяхъ, взгляни къ вышинѣ
И любуйся зеленой листвою!

* * *

Есть края, гдѣ таятся въ земной глубинѣ
Драгоцѣнные камни порою.
Сколько чаръ въ ихъ трепещущемъ дивномъ огнѣ,
Въ граняхъ, полныхъ волшебной игрою!

Изумрудъ, брилліантъ и огнистый рубинъ
Манятъ прелестью ихъ драгоцѣнной.
Ищутъ ихъ въ лонѣ горъ и пустынныхъ долинъ;
Та земля дорога для вселенной.

Много золота, много рудъ серебра
Также кроютъ подземныя нѣдра:
Дорога та долина, мила та гора,
Гдѣ земля намъ даруетъ ихъ щедро.

Но земля есть другая: ни чудныхъ камней,
Ни металловъ въ ней нѣтъ благородныхъ,
Но зато хлѣбъ насущный родится на ней
И питаетъ собою голодныхъ.

Лучше золота хлѣбъ нивы доброй, родной
И рубиновъ огнистыхъ дороже.
Ты пошли урожай въ лѣтній радостный зной
Золотистымъ колосьямъ, о Боже!

Драгоцѣнные камни въ своей красотѣ
Служатъ роскоши, прихотямъ моды,
А кормящею нивой въ ея простотѣ
Въ мірѣ Божіемъ сыты народы.

Такъ въ душѣ человѣка всѣхъ вычурныхъ фразъ
Чувство братское въ мірѣ дороже...
Гордый разумъ сверкаетъ, какъ яркій алмазъ,
Но простора ты чувству дай, Боже!

Пусть горитъ бриллiантъ, и блеститъ изумрудъ...
Слава ихъ красотѣ величавой,
Но пускай въ этомъ мірѣ и праведный трудъ
Увѣнчается доброю славой!...

Весна.

Весны упоенье, весны оживленье
Волнуетъ всѣмъ радостно кровь.
Но вешней порой и былое мученье
Ростка не даетъ ли намъ вновь?

Вкругъ почки и зелень съ игрой изумрудной,
Впивать ароматъ я готовъ.
Но всюду встрѣчаю я въ нѣгѣ той чудной
Шипы ядовитыхъ цвѣтовъ...

Весна! утѣшенье въ чертоги и хаты
Ты вѣстницей доброй несешь,
Но словно для насъ лишь однихъ умерла ты,
Къ евреямъ ты въ гости нейдешь!..

Тебя мой народъ ждетъ давно и напрасно,
Двѣ тысячи слишкомъ ужъ лѣтъ,

Но ты мимо насъ пролетаешь безстрастно...
Отрады отъ скорби намъ нѣтъ...

Ты щедрой вездѣ расточаешь рукою
Даровъ драгоцѣнныхъ запасъ...
Одни только мы позабыты тобою,—
Мракъ зимній въ жилищахъ у насъ...

Межъ братьевъ права и любовь разсыпая,
Къ народу взгляни моему!
Хоть мы не рабы, но и воли не зная,
Мы чужды и всѣмъ, и всему...

Какъ вѣтка сухая народъ одинокій
Въ веснѣ міровой на землѣ,
И вьемся канатомъ вкругъ мачты высокой,
На жизненномъ мы кораблѣ...

Пусть нынче для казни и муки кровавой
Не служимъ мы жертвами вновь,—
Изъ тысячи поръ все же съ честью и славой
Струится еврейская кровь...

Пускай раздувать заблужденье не стало
Костры фанатизма для насъ,

Но ядъ клеветы брызжетъ все жъ, какъ бывало,
Надъ каждымъ и всѣми заразъ...

Пусть въ Гетто, насъ будто бы въ чумномъ подвалѣ
Не держатъ отъ міра вдали,
Позора же нашего пламя едва-ли
Не ярче вдоль улицъ зажгли...

Ужъ мы не напомнимъ теперь Агасфера,
Ужъ мы не подобны ему;
Не рубитъ, какъ лѣсъ, насъ топоръ изувѣра,
Не гонятъ насъ будто чуму.—

Но словно тростникъ, хаты наши трепещутъ,
О будущемъ дума томитъ,
Въ углу наши старыя цѣпи все блещутъ,
Гнетъ стараго въ новомъ лежитъ...

Весна благодатная радостно вѣетъ
На новый посѣвъ, на расцвѣтъ...
Когда же она къ Іудеямъ развѣетъ
Отраду въ скорбяхъ и привѣтъ?

Весны упоенье, весны оживленье
Волнуетъ всѣмъ радостно кровь,
Но вешней порой и былое мученье
Ростка не даетъ ли намъ вновь?..

Сумасшедшій.

I.

Я— сумасшедшій, говорятъ...
Меня безчестнымъ обозвали...
Противенъ имъ мой грустный взглядъ
Какъ воплощеніе печали.
Имъ чуждый средь родной страны,
Съ дѣлами, съ думами моими,
Противенъ я... Они умны,
А я безуменъ между ними.

II.

Да, потому что я, какъ воръ,
У нихъ въ глазахъ, въ отрепьяхъ грязныхъ,
И дико мой блуждаетъ взоръ
Изъ—подъ лохмотьевъ безобразныхъ,
А ихъ осыпала судьба

Своими лучшими дарами...
Межъ нихъ я въ образѣ раба,
Безумецъ между мудрецами...

III.

Безумнымъ стать не мудрено
Отъ поруганій этихъ вѣчныхъ,
Гдѣ лишь насиліе одно...
А средь раззореній безконечныхъ
Безправенъ я въ родной странѣ...
Съ ума сойдешь тутъ поневолѣ...
Итакъ, безумца, кличку мнѣ
Дать гордымъ братьямъ мудрено ли?

IV.

Съ ума сойдешь всего скорѣй,
Слова Суворина читая,
Что намъ нужна для алтарей
Кровь человѣка пролитая...
И горькій нашъ удѣлъ таковъ,
Въ томъ нашъ недугъ и все страданье,
Что въ мірѣ искони вѣковъ
Мы терпимъ это нареканье...

V.

На наши паспорта взгляни...
Отъ нихъ съ ума сойдешь невольно:
Тамъ Ицка, Янкель... Всѣ они
Евреи... Этого довольно,
Чтобъ ихъ позоромъ заклеймить,
И племенемъ назвать ихъ вреднымъ
Тамъ, гдѣ на свѣтѣ Божьемъ жить
Разрѣшено Евреямъ бѣднымъ...

VI.

Разрѣшено?! Права даны
На жизнь?! Мнѣ странно! Объясните!
Чтобъ жить среди родной страны,—
Есть паспортъ у меня,—взгляните...
Но—только въ городѣ одномъ,
На улицѣ одной до гроба!..
Кто-жъ сумасшедшій въ разѣ томъ?
Иль сумасшедшіе мы оба?!..

VII.

Вы, въ первый разъ сіянье дня
Увидя, какъ и я вскричали...

И васъ не также-ль, какъ меня,
Уста родимыя лобзали?
Меня такимъ же молокомъ
Кормила мать у доброй груди...
Скажите въ случаѣ такомъ—
Не равноправные-ль мы люди?

VIII.

Когда безъ спроса въ день осьмой
Обрѣзанъ былъ я,—вы-ль страдали?
Съ единовѣрцами покой
Найду въ землѣ—вамъ нѣтъ печали...
Но вы влачить мнѣ жизнь мою
Въ одномъ Бердичевѣ велѣли,
А пасть подъ Плевною въ бою!..
Гдѣ-жъ право въ томъ безумномъ дѣлѣ?

IX.

Конецъ у всѣхъ одинъ, друзья,
Религіи хоть разны... Вѣрьте,
Что, сгнивъ водой не стану я,
А вы бульономъ послѣ смерти...

Не дымомъ вы, я—не огнемъ...
Вамъ быть не выше, мнѣ не ниже...
Мы равно подъ землей сгніемъ,—
Пусть на землѣ права одни-же...

X.

Коль скоро кровь течетъ во мнѣ,—
Безправьемъ какъ не возмущаться?
Я живъ?—движенья дай вполнѣ...
Плачу?—такъ дай и наслаждаться...
Я гражданинъ,—ужели правъ
Просить, какъ милостыни въ жизни?
Дойдетъ солдатъ, враговъ поправъ,
До офицера хоть въ отчизнѣ...

XI.

Нѣтъ! Жидъ весь вѣкъ простой солдатъ
Подъ кличкой Ицка... Шуткой злою
Онъ названъ—нашъ гражданскій братъ...
Отъ школьнаго двора съ собою
До улицы еврейской онъ
Влачитъ гражданство тупо, дико...

Твои права пустой лишь звонъ...
Ихъ, не сойдя съ ума, сыщи-ка!

XII.

Пусть такъ! Но кто жъ изъ насъ, друзья,
Безумнѣй? Молви, судъ вселенной!—
Крича отъ страшной боли, я
Иль вы въ кичливости надменной,
Сочтя себя за мудрецовъ?
Я-ль, сознавая униженье,
Иль отъ излишества даровъ
Вы, приходя въ остервененье?

XIII.

Что-жъ? Можетъ быть, безуменъ я...
Да въ васъ всегда-ль мышленье здраво?
Сомнѣваюсь я, друзья...
А быть нормальнѣй лучше, право,
Вѣдь будетъ для обоихъ насъ:
Я жилъ бы широко, безпечно,
И не былъ бы тогда для васъ
Я роковымъ вопросомъ вѣчно...

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Генріеттѣ Осиповнѣ Тронъ.

Русскій языкъ.

Русскую рѣчь ты, еврейскій ребенокъ,
Прежде всего изучать не забудь,
Если въ Россіи ты вскормленъ съ пеленокъ!
Родинѣ-матери чуждымъ не будь!
Божіе пламя святого завѣта
Чисто и свято въ душѣ ты храни!
Но между Русскихъ рожденъ ты для свѣта,
Не забывай же великой родни!

Русскій языкъ величавый, могучій—
Будто какъ дубъ, что вознесся главой
Къ грозному небу, бесѣдуя съ тучей,
Съ бурею страшной въ борьбѣ роковой.
То онъ и гибокъ, и нѣженъ порою
Словно тростникъ надъ прозрачной волной,
Въ часъ, какъ ласкаетъ златистой игрою
Поле и ниву полуденный зной...

Вѣщимъ глаголомъ въ устахъ у поэта
Онъ загудитъ, зарокочетъ какъ громъ,
То, какъ ручей въ блескѣ луннаго свѣта,
Нѣжно-журча, зазвенитъ серебромъ;
То съ горделивою пальмой на югѣ
Сходенъ онъ звукомъ высокихъ рѣчей,
То завыванію сѣверной вьюги
Вторитъ народною пѣснью своей.

Вѣщаго слова созвучія блещутъ
Острой и свѣтлою сталью меча,
То задушевною нѣгой трепещутъ,
Словно фіалки при блескѣ луча...
Въ нихъ выливаются радость и горе,
Вмѣстѣ въ нихъ слиты и мощь, и краса...
Русскій языкъ необъятенъ, какъ море,
Чистъ, какъ при зорькѣ весенней роса.

Будто какъ солнечный лучъ во вселенной,
Снова и снова онъ вѣчно творитъ,
И надъ главою пѣвца вдохновенной
Свѣтлый вѣнецъ изъ созвучій горитъ.
Русскій языкъ—и дитя великана,
И дуновенье въ цвѣточныхъ листкахъ...

Древность ковала какъ молотъ Вулкана
Золото русскаго слова въ вѣкахъ...

Древнимъ завѣтомъ проникнутый въ жизни,
Съ дѣтскихъ пеленокъ, отъ люльки, Еврей,—
Если родился ты въ нашей отчизнѣ,—
Русскому слову учись ты скорѣй!
Къ дальнимъ краямъ не стремись ты безъ цѣли:
Родина больше сокровищъ таитъ...
Пусть у еврейскихъ дѣтей въ колыбели
Первое слово по русски звучитъ!

СОТВОРЕНІЕ МІРА.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Въ преддверіи неба.

Архангелы: Михаилъ, Гавріилъ, Уріилъ, Рафаилъ, Сатана.

(Дѣйствіе происходитъ въ первобытной темнотѣ).

ГАВРІИЛЪ.

Что это Всевышній такъ долго не принимаетъ насъ на аудіенцію?

САТАНА.

Старикъ, должно быть, не выспался.

ГАВРІИЛЪ.

Глупый дьяволъ! Развѣ ты не знаешь, что Всевышній никогда не спитъ?

САТАНА.

Ну, иногда случается... Вотъ кто никогда не спитъ,—такъ это я!

РАФАИЛЪ.

Вотъ что, господа. Я былъ у Него Самого; мнѣ показалось, что Онъ нездоровъ, и я хотѣлъ прописать ему что-нибудь, но онъ насмѣшливо улыбнулся, какъ будто надъ моей простотой, и я ушелъ. Онъ Самъ, кажется, скучаетъ.

САТАНА.

Особенно въ присутствіи врача.

ВТОРАЯ СЦЕНА.

(Въ глубинѣ сцены слышится звонокъ. Гавріилъ поднимаетъ занавѣсъ. Открывается безконечность. Направо-Всевышній на сафировомъ престолѣ и на алебастровомъ тронѣ; вокругъ полумракъ).

ВСЕМОГУЩІЙ.

Уріилъ!

УРІИЛЪ.

Что прикажете?

ВСЕМОГУЩІЙ.

Да будетъ свѣтъ!

(Уріилъ дотрогивается до своихъ глазъ и возникаетъ свѣтъ).

ВСЕМОГУЩІЙ.

Гавріилъ! Созови сейчасъ всѣ небесныя воинства!

(Гавріилъ трубитъ: изо всѣхъ краевъ неба появляются легіоны ангеловъ, херувимовъ и серафимовъ и располагаются около трона. Архангелы становятся на ступеняхъ. Сатана остается въ нѣкоторомъ отдаленіи сзади трона).

ВСЕМОГУЩІЙ.

Вамъ, слуги вѣрные, привѣтъ мой! Повелѣнье
Услышьте новое: въ имперіи моей,
Во всей вселенной мнѣ замѣтно утомленье,
И сферъ механика все движется труднѣй...
Какой-то вялый ходъ и сонный, и безстрастный
У звѣздъ, и у планетъ, у солнцъ, и у кометъ...
И даже я боюсь, что въ день одинъ прекрасный
Вдругъ остановится, пожалуй, цѣлый свѣтъ...
Машина станетъ вдругъ... А остановка—это
Вѣдь, значитъ, смерть.. И вотъ постройкѣ старой свѣта
Дать новый элементъ рѣшенье у меня.
Такъ новое создамъ я тѣло міровое

Изъ четырехъ стихій: земли, воды, огня
И воздуха; притомъ, хочу ему живое,
Я населенье дать. Подъ именемъ *земли*
Пусть этотъ новый міръ вращается вдали.
Адама я надъ нимъ содѣлаю владыкой.
Съ натурой существо животною и дикой,
Но геніемъ притомъ безсмертнымъ одаренъ,
Природу побѣждать повсюду будетъ онъ
И отъ земли душой на небо вознесется,
Ставъ равенъ ангеламъ...

САТАНА.

Ха, ха!..

ВСЕМОГУЩІЙ.

Что онъ смѣется?

САТАНА.

Какъ не смѣяться мнѣ надъ фразою такой!

ВСЕМОГУЩІЙ.

Что такъ?

САТАНА.

Міровъ новѣйшихъ сотворенье
Мнѣ лишнимъ кажется. Во первыхъ, никакой
Въ нихъ надобности нѣтъ. Лишь только попеченье
Намъ будетъ лишнее... Отъ новыхъ тѣхъ міровъ
Мы можемъ только ждать капризовъ; съ небесами
Они затѣютъ споръ. А во вторыхъ, межъ нами
Я, съ позволенія, сказать Тебѣ готовъ,
Что представляется Адамъ, скажу по чести,
И аномаліей, и небылицей мнѣ:
Полу-животное и *полу-ангелъ* вмѣстѣ,
То ниже всякаго животнаго вполнѣ
Онъ будетъ по землѣ во прахѣ пресмыкаться,
То выше ангеловъ задумаетъ забраться...

ОДИНЪ ИЗЪ ХЕРУВИМОВЪ.

Мнѣ кажется, на этотъ разъ Сатана вполнѣ
правъ.

ВСЕМОГУЩІЙ.

Я, Вѣчный, долженъ лучше знать, что дѣлаю!
Теперь, друзья мои, великое мгновенье!

Какая мысль меня подвигла на творенье—
Въ далекомъ будущемъ, въ дали грядущихъ дней,
Я это разовью впослѣдствіи яснѣй.
Теперь же, отъ кого вся жизнь *проистекаетъ*,—
Пусть тотъ грядущее по волѣ направляетъ.
Планету новую по вкусу Я создамъ,
А управляющимъ да будетъ ей—Адамъ,
Сынъ неба и земли; безсмертной и небесной
Душою одаренъ, во всей странѣ окрестной
Онъ долженъ принципъ зла, какъ и въ самомъ себѣ,
Повсюду побѣждать. Пускай съ тобой въ борьбѣ
Онъ будетъ, Сатана,—противникъ Бога вѣчный—
И побѣдитъ тебя... Вѣдь въ битвѣ безконечной
Изъ свѣта чистаго созданныхъ духовъ рой
Побѣду безъ борьбы имѣетъ надъ тобой.
Но человѣкъ съ природою двойною
Тебя да побѣдитъ, возставъ въ борьбѣ съ тобою!

САТАНА.

Такъ, значитъ, можно мнѣ съ нимъ будетъ побрататься?

ВСЕМОГУЩІЙ.

Вполнѣ дозволено.

САТАНА.

Ну, въ случаѣ такомъ,
Я veto взять назадъ готовъ теперь, признаться,
И познакомиться въ большую честь притомъ
Съ Адамомъ я вмѣняю.

ВСЕМОГУЩІЙ.

Я обращаюсь къ вамъ
Теперь, всѣхъ четырехъ стихій мои министры!
Спѣшите тотчасъ-же, въ своемъ усердьи быстры,
Въ хаоса магазинъ; скорѣй возьмите тамъ
Весь нужный матеріалъ, и новую планету
Постройте тотчасъ же, и укажите ей
Путь направленія въ круженіи по свѣту
Межъ солнцемъ въ радостномъ сіяніи лучей
И кроткою луной. Украсьте вы при этомъ
Ее всей прелестью.

САТАНА. (*Про себя*).

Старикъ нашъ сталъ поэтомъ...

ВСЕМОГУЩІЙ.

Пусть будетъ этотъ міръ подобенъ небесамъ
Въ своемъ величіи и будетъ членъ достойный
Всего творенія съ его красою стройной.
Потоки мощные пускай и здѣсь, и тамъ,
Всю землю бороздя, играютъ и струятся.
Пускай вздымается лазурный океанъ
Красою дѣвственной... Надъ зеленью полянъ
И радостныхъ долинъ пусть горы громоздятся,
Подъявъ свое чело до царства облаковъ.
Пусть міръ прелестнѣйшихъ растеній и кустовъ
Красуется вездѣ тамъ по холмамъ и нивамъ,
Земля одѣнется въ зеленый свой нарядъ,
И пышные цвѣты во всей красѣ царятъ,
Сверкая радужнымъ плѣнительнымъ отливомъ.
Пускай блестятъ съ вѣтвей роскошные плоды;
По склонамъ горъ шумятъ, какъ чудные сады,
Гигантскіе лѣса... И тамъ пусть миріады
Кишатъ живыхъ существъ: въ подземной глубинѣ,

Въ пространствѣ воздуха и въ голубой волнѣ—
Вездѣ животныя, крылатыя и гады.
И жизнь да царствуетъ вездѣ въ созданьи томъ!
Но юнаго всего созданія вѣнцомъ
Да будетъ человѣкъ, какъ царь всего творенья.
Изъ естества земли тѣлесно сотворенъ,
Онъ духомъ будетъ намъ подобенъ отъ рожденья.
И гражданинъ земли и неба станетъ онъ.
Тѣлесно смертный, онъ безсмертенъ пусть душою.
Его создайте вы во образѣ мужскомъ
Сперва лишь одного надъ перстію земною.
Изъ плоти же его, изъ крови вы потомъ
Создайте и жену, чтобъ съ дивной красотою
Въ ней лучшій идеалъ онъ видѣлъ бы мечтою,
Чтобъ въ общей жизни ихъ была ему она
Могуществомъ любви всецѣло предана.
Да будетъ первая чета людскихъ твореній
Стволомъ безчисленныхъ, несмѣтныхъ поколѣній.
Итакъ, вамъ сказанъ планъ. За дѣло же скорѣй,
И въ шесть моментовъ вы сейчасъ его свершите.
Моменты тѣ должны носить названье дней.
Громовымъ залпомъ вы конецъ мнѣ возвѣстите.

САТАНА. (*Про себя*).

Прочно ли будетъ это дѣло, въ самой основѣ котораго столько противорѣчій? Если бы старикъ не былъ вѣченъ, онъ могъ бы сказать: „Après nous le déluge“!

(*Раздается сильный и продолжительный раскатъ грома*).

ХОРЪ СЕРАФИМОВЪ.

Твореніе перваго дня окончено!

ХОРЪ ХЕРУВИМОВЪ.

Аллилуія!

(*Залпы и хоралы неоднократно повторяются*).

ВСЕМОГУЩІЙ. (*При наступившей тишинѣ*).

Теперь окончено вполнѣ земли творенье.
Пусть мнѣ предстанетъ міръ принять благословенье.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

(Герольдъ подаетъ сигналъ трубою. Земной шаръ медленно поднимается въ отдаленной глубинѣ небесъ и становится все лучезарнѣе; сопровождаемый четырьмя архангелами онъ, тихо паря, приближается къ трону Всевышняго. На возвышенномъ средоточіи земнаго шара стоитъ чета первородныхъ людей, слегка одѣтая свѣтлымъ облакомъ. Достигнувъ авансцены, земля останавливается, а человѣческая чета преклоняетъ колѣни передъ Всевышнимъ).

ВСЕМОГУЩІЙ.

Творенье новое привѣтствуйте со Мной
Вы, легіоны силъ небесныхъ! Во вселенной
Теперь оно—звеномъ отъ цѣпи міровой
И Мной освящено. А ты, перворожденный,
Мной созданный Адамъ,—ты будешь царь земной,
Душой небесною безсмертью сопричастный,
Сокровищъ міровыхъ владыко полновластный.
Адама—мать земля всещедрою рукой
Тебѣ ихъ отдаетъ; владѣй ты мудро ими,
Но болѣе всего—владѣй самимъ собой

[33]

И руководствуйся законами Моими,
Что духъ тебѣ внушитъ отъ неба, данный Мной.

САТАНА. (*Про себя*).

Вотъ здѣсь-то поглядимъ...

ВСЕМОГУЩІЙ.

Жену тебѣ дарую,
Подругу вѣчную на жизнь твою земную.
Пусть будетъ Евою на вѣки названа,
И человѣчества грядущаго она
Да будетъ матерью!.. Отъ ней всѣ поколѣнья.
И вотъ вамъ мой завѣтъ небеснаго велѣнья:
Духъ въ жизни мужескимъ да будетъ существомъ,
Пусть *душу* женская природа воплощаетъ.
Одно вы будете,—сольетеся *въ одномъ*,
И существо одно обоихъ да вмѣщаетъ.
Возстаньте, празднуйте Субботу,—день седьмой
Творенія земли, оконченнаго Мной!

(*Адамъ и Ева встаютъ. Изо всѣхъ сферъ и безднъ раздаются небесныя торжественныя мелодіи; къ*

ихъ тихому пѣнію присоединяются хоры ангеловъ, херувимовъ и серафимовъ).

ХОРЪ.

L'echah daudi likras kalah!
P'ne Schabbas n'kablah!

(*Адамъ и Ева обнимаются. Занавѣсъ падаетъ*).

ЭПИЛОГЪ.

САТАНА.

Ха! ха! ха! Кто это смѣется? Это я смѣюсь! Я, Сатана!.. Почему? Потому, что отъ серьезнаго до смѣшнаго—одинъ шагъ, и къ чести Сатаны, этотъ шагъ отъ новаго творенія до его порчи не долго заставитъ ждать себя. Если намъ не удастся у Адама,—попробуемъ кое-что сдѣлать черезъ мадамъ Еву. Я уже провожу все это человѣчество въ будущемъ. Готовъ биться объ закладъ лучшимъ мѣстомъ въ преисподней, что перво-

родный сынъ этой чистой человѣческой четы сдѣлается братоубійцей... Потомъ будетъ всемірный потопъ, Вавилонское смѣшеніе національностей... Затѣмъ, завоевательныя войны, гоненія за вѣру, реакціи... Ха! ха! ха! Чего путнаго надѣешься отъ всего этого, старикъ?

(Сильный громовой ударъ. Занавѣсъ поднимается. Появляется неисчислимая группа окутанныхъ воздушными мантіями духовъ съ лучезарными терновыми вѣнцами на главахъ).

ГОЛОСЪ СВЕРХУ.

Преклони колѣни во прахѣ, Сатана, передъ духами будущихъ мучениковъ! Это благоразумные и благороднѣйшіе изъ людей,— это человѣчество. Остальное — балластъ. Этотъ балластъ—въ хижинахъ ли онъ будетъ, во дворцахъ ли—принадлежитъ тебѣ. Тѣ-же—наслѣдники небеснаго царства.

Нашъ культурный вѣкъ.

I.

Противорѣчій вѣкъ, и глупый, и смѣшной!
Коснѣнье старое смѣшалось съ новизной.
У современности какъ будто-бы броженье,
Гдѣ сусломъ виноградъ вздымается со дна.

Но это не струя огнистаго вина,
Прозрачно-свѣтлаго, а трупа разложенье.
Что выйдетъ изъ него? О томъ грядущій вѣкъ
Узнаетъ, а пока тревожный человѣкъ,

Какъ будто-бы въ бреду исполненный томленья,
О дальнемъ будущемъ лелѣетъ сновидѣнья.
Противорѣчія—куда ты не взгляни:
Мы не хотимъ войны, мы не хотимъ рѣзни.

Гуманный этотъ вѣкъ иной исполненъ славой,
А все-жъ, чтобъ поддержать «вооруженный миръ»,
Чтобы не встрѣтиться съ расправою кровавой,
Всѣ платятъ подати,—кто бѣденъ, нищъ и сиръ!..

Мы все то дѣлаемъ, что отрицаемъ сами,
Смѣясь надъ клятвой, мы клянемся небесами...
Слуга презрѣніемъ къ владыкѣ своему
Исполненъ до конца, а служитъ—все-жъ ему...

Онъ издѣвается надъ силою надменной,
Но пресмыкается предъ ней, какъ гадъ презрѣнный...
И мелкій эгоизмъ, и трусость тамъ и тутъ!
Повсюду эгоизмъ, онъ выше идеала!

Подъ знаменемъ его кипитъ рабочій трудъ,
Онъ выше, чѣмъ законъ, всей жизни въ немъ начало...
Тотъ жалкій эгоизмъ и мелкій, и пустой—
Не самолюбіе, что съ жаромъ благороднымъ

Ведетъ людей впередъ свѣтиломъ путеводнымъ
И возвышается надъ мелкой суетой.

То лицемѣріе: мы часто лицемѣримъ
Предъ небомъ, предъ людьми, предъ совѣстью своей,

Порой въ безсмертье мы воистину не вѣримъ,
А все-жъ творимъ обрядъ, крестя своихъ дѣтей.
Поэты старые когда-то воспѣвали
И дружбу, и любовь, о свѣтломъ идеалѣ

Пѣлъ Шиллеръ пламенный, отъ суетной земли
Звалъ Гете къ небесамъ... Тѣ времена прошли...
О дружбѣ, о любви забылъ нашъ вѣкъ практичный,
И идеалъ померкъ подъ копотью фабричной.

Наука, даже та внушаетъ намъ теперь,
Что человѣчеству родоначальникъ—звѣрь,
И мы отъ обезьянъ... Рабы стихійной силы,
Мы, какъ животныя, сойдемъ въ свои могилы.

Ну, а животному, что обратится въ прахъ
И въ грязь,—зачѣмъ мечтать о дальнихъ небесахъ?
Для насъ ли созданы надзвѣздные чертоги?
Намъ лишь въ грязи искать земного барыша...

Не отнята-ль у насъ безсмертная душа?
И вотъ, какъ нищіе, стоимъ мы на дорогѣ...
Да, словно нищіе!.. Минувшіе вѣка
Въ своихъ усиліяхъ такъ много міру дали,

И изобрѣтеній такъ масса велика...
Культура и прогрессъ, однакоже, едва-ли
Насъ осчастливили и дали сладкій плодъ...
Вкусилъ ли этотъ плодъ страдающій народъ?

Приблизились ли мы ко счастью и блаженству?
Далеко ли ушли дорогой къ совершенству?
Счастливѣе ли мы, чѣмъ предки старыхъ дней,
Съ цивилизаціей прославленной своей,

Что намъ прельщаетъ взоръ лишь яркой мишурою,
Лишь формой внѣшнею, когда подъ ней внутри
Лишь тлѣнье старое, куда ни посмотри?
Надъ силою стихій безсмысленной, слѣпою

При помощи машинъ уже кичимся мы,
Но знанія лучи насъ изъ духовной тьмы
Еще не вывели, и бродимъ мы, какъ прежде,
Въ своихъ страданіяхъ, какъ жалкіе слѣпцы...

Не шлите-же укоръ вы прадѣду-невѣждѣ,
Во всеоружіи культуры, мудрецы!..

II.

Въ вѣкахъ мыслители, какъ вѣщіе пророки,
Вселенной задали великіе уроки
И пламя бросили возвышенныхъ идей.
Потомствомъ оцѣненъ ихъ подвигъ величавый,

Ихъ имена блестятъ неугасимой славой,
Но души, какъ въ быломъ, все тѣ-же у людей...
Царятъ по прежнему разладъ, и скорбь, и муки...
Тысячелѣтнія усилія науки

Къ чему насъ привели? Отъ нихъ комфортъ людской,
Быть можетъ, изощренъ и формой щегольской
Плѣняютъ цѣлый міръ повсюду бездѣлушки,—
Цивилизаціи блестящія игрушки,

А духъ людей средь волнъ порока, лжи и зла,—
Какъ неподвижная, безплодная скала;
Ученіе Христа съ его святой любовью
Давно со славою царитъ по всей землѣ,

Убійство и грабежъ, запятнанные кровью,
Давно осуждены былыхъ вѣковъ во мглѣ;
О братствѣ и любви во храмахъ слышны рѣчи,—
А все жъ освящена межъ братьями война.

Наука, даже та изобрѣтать должна
И пушки новыя, и страшныя картечи,
Чтобъ разомъ убивать по множеству людей,
Готовя гибель имъ вѣрнѣй и быстрѣй,

И не украдкою, не тайный грѣхъ свершая,
Но Бога къ помощи въ молитвахъ призывая.
Преданіе гласитъ, что съ Евою Адамъ
Запретный плодъ въ раю, изъ жажды наслажденья,

Вкусили демонскимъ повѣривши рѣчамъ,
Что Каинъ Авеля изъ зависти и мщенья
Коварно умертвилъ, Іаковъ обманулъ
Въ своекорыстіи за первородство брата,

И проданъ братьями Іосифъ былъ когда-то
Съ корыстной цѣлію... Но этотъ вѣкъ минулъ.
А что же принесли въ эпоху просвѣщенья
Великіе борцы, глашатаи идей

И всѣ апостолы высокаго ученья?
Великій Гуттенбергъ не улучшилъ людей.
Подъ знаменемъ святой и животворной вѣры
Горящіе костры воздвигли изувѣры,

И іезуиты жгли еретиковъ на нихъ.
Изъ философіи, изъ чистаго мышленья
Родились суетно софистовъ лжеученья;
Тираны для побѣдъ, для почестей своихъ

Струили кровь людей, а свѣтлое искусство,
Забывъ призваніе, забывъ святое чувство,
Льстя вкусамъ площаднымъ, дешевый фиміамъ
Возноситъ не святымъ далекимъ небесамъ,

А идоламъ земнымъ... Промышленность, торговля,—
Обманчивы и тѣ—затѣйливая ловля
Въ хитросплетенные, коварные силки,
Куда свои гроши относятъ бѣдняки,

Чтобы изъ нихъ богачъ составилъ милліоны;
А въ лоно душное столичныхъ городовъ
Промышленность зоветъ несчастныхъ бѣдняковъ
Изъ тишины полей, гдѣ ясны небосклоны,

Гдѣ зыблется въ тиши цвѣтущій пышный лугъ,
Гдѣ ждутъ рабочихъ рукъ и серпъ, и мирный плугъ,
Гдѣ пахаря зовутъ къ труду святому нивы,
А онъ, забывъ свои родимыя поля,

Въ столичномъ омутѣ разврата и наживы,
Разгульной пѣснею кручину веселя,
Съ работой тяжкою, со скудной, жалкой пищей
Капиталиста рабъ и вѣчно бѣдный нищій.

Не людоѣды мы и къ дикарямъ порой
Миссіонеровъ шлемъ, гордяся мишурой
Цивилизаціи прославленной и древней,
Какъ можетъ блескъ столицъ гордиться предъ деревней.

Но гордый вѣка сынъ подъ громъ своихъ побѣдъ
Не хуже-ль, чѣмъ дикарь? Онъ тоже людоѣдъ,
И ближнихъ губитъ онъ, не внявъ ихъ горькимъ стонамъ,
По силѣ правъ своихъ, поддержанный закономъ

Не Божьимъ, а людскимъ... О, нашъ практичный вѣкъ!
Мы даже трупы жжемъ, чтобъ мертвый человѣкъ

Не отнималъ земли... Быть можетъ, наши внуки,
Внимая голосу практической науки,

И кости мертвецовъ разумно пустятъ въ ходъ,
Чтобъ дали и онѣ имъ прибыль и доходъ...

Гробовщикъ.

Гробовщикъ, мой пріятель, за чаркою мнѣ
Разсказалъ про свои приключенья.
На-яву они были, иль только во снѣ,—
Полны оба мы въ этомъ сомнѣнья...

Да не все ли равно? Жизнь и сонъ у людей,—
Такъ похожи и то, и другое!
Не жалѣлъ мертвецамъ онъ работы своей,
Имъ убранство давалъ дорогое.

Для богатыхъ шли бархатъ, атласъ и парча,
Все съ отдѣлкою модной и новой.
Но и бѣдному онъ не кой-какъ, не съ плеча,
Дѣлалъ гробикъ уютный сосновый,

И старался его состругать поплотнѣй
И по мѣркѣ. Изъ міра столицы

Много онъ снарядилъ на кладбище людей,
Имъ построивъ домовъ вереницы,

И при этомъ вздыхалъ о судьбѣ бѣдняковъ,
Что покончили съ жизненной битвой.
Онъ добрякъ былъ и въ долгъ очень много гробовъ
Отпускалъ по усопшимъ съ молитвой.

Но однажды,—какъ вышло, не знаетъ онъ самъ,—
Перенесся онъ силою чудной
Въ край невѣдомый, дальній, къ инымъ небесамъ.
Тамъ прибрежье травой изумрудной

Окаймляло зеркальный, лазурный заливъ;
Солнце юга отрадно блистало,
А подъ сѣнію пальмъ и роскошныхъ оливъ
Голубая волна трепетала.

Все дышало довольствомъ и нѣгой вокругъ.
Тамъ не знали, что значитъ кручина?
Каждый ближнему былъ и товарищъ, и другъ,
О враждѣ—никакого помина...

Тамъ не знали недуговъ, несчастій и бѣдъ
Подъ сіяющимъ радостнымъ свѣтомъ,

Умирали же изрѣдка, разъ во сто лѣтъ,
Да не въ каждомъ столѣтьи при этомъ...

Нѣтъ болѣзней,—такъ, значитъ, не нужно врачей...
Безъ врача, значитъ, гроба не надо.
Тамъ, гдѣ въ блескѣ негаснущихъ вешнихъ лучей
Вѣчно царствуютъ миръ и отрада,

Очень радъ былъ сначала добрякъ гробовщикъ,
Что не нужно работы печальной,
Что не нужно гробовъ... Свѣтелъ былъ его ликъ
Въ этой чудной странѣ идеальной,

Гдѣ и смерть, какъ диковинка, очень рѣдка,
Гдѣ и самъ, полный чаръ упоенья,
Не стругая гробовъ, проживетъ онъ вѣка,
Зная только одни наслажденья...

Но, увы! какъ привычка сильна у людей!
Заскучалъ мой пріятель невольно:
Ни покойничка нѣтъ въ блескѣ вешнихъ лучей!..
Сердцу какъ-то неловко и больно...

Хоть одинъ бы, хоть маленькій гробикъ стесать!..
И къ работѣ такъ чешутся руки!..

А кругомъ какъ на зло—только миръ, благодать,
Да гармоніи жизненной звуки!

И къ Правителю, голову рабски клоня,
Онъ явился съ покорной мольбою:
— Ваша Свѣтлость! домой отпустите меня!
Въ этотъ край занесенъ я судьбою,

Въ этотъ чудный блаженный и радостный край,
Гдѣ не знаютъ недуга и смерти...
Но, увы! безъ гробовъ мнѣ и сладостный рай
Хуже самаго ада, повѣрьте!..

Отпустили его. Это правда, иль сонъ—
Какъ узнать? Но изъ міра столицы
Отправляетъ съ особымъ усердіемъ онъ
На кладбище гробовъ вереницы...

Быль.

Въ темнотѣ, вдоль улицъ Гетто,
Взадъ-впередъ толпа снуетъ,
Но причина—не торговый
И не рыночный разсчетъ:

Сынъ Израиля сегодня
Сводитъ счетъ съ собою самъ,
Чтобы въ праздникъ примиренья
Вечеркомъ войти во храмъ.

За годъ всѣ грѣхи омывши
Покаянія слезой,
Онъ предстанетъ передъ Богомъ
Обновленъ и чистъ душой;

Но изгладить грѣхъ онъ можетъ
Предъ людьми лишь только тѣмъ,

Что сотретъ слѣды проступка
Въ покаянный день совсѣмъ.

Потому-то нынче въ Гетто
Весь народъ—одна семья;
Отчужденные роднятся,
И враги теперь—друзья.

Гдѣ-жъ любовь ненарушима,
Тамъ вдвойнѣ она сильнѣй;
Какъ въ событіи великомъ,
Крѣпче дружба и тѣснѣй.

Въ бѣлыхъ блещущихъ одеждахъ
Стройно женщины идутъ
И грядущій родъ рукою
Материнскою ведутъ.

На привѣтъ къ отцамъ и дѣдамъ
Всѣ спѣшатъ, чтобы при томъ
Старцы ихъ благословили
Предъ священнымъ торжествомъ.

Тяжко болѣнъ первый Парнасъ,
Въ его домѣ скорбь царитъ,

Онъ вдвойнѣ теперь страдаетъ:
Нельзя въ храмѣ ему быть.

Это мучаетъ больного,
И раскаянья полна
Сотворенною виною,
Въ немъ душа омрачена.

«Тяжко въ общинномъ совѣтѣ
Оскорбилъ раввина я!
Въ сто пудовъ какъ будто бремя—
На душѣ вина моя!

И не выкупить вины мнѣ,
Не могу идти къ нему,
Чтобы вымолить прощенье
Согрѣшенью моему»...

Такъ безпомощно стоналъ онъ
Въ тщетной горести своей
Посреди безмолвно грустныхъ
Домочадцевъ и друзей.

Но жена съ надеждой молвитъ:
«Помощь Божья близко, вѣрь!»

И при словѣ томъ внезапно
Растворилась въ домѣ дверь.

На порогъ, съ величьемъ старца,
Поклонясь, раввинъ предсталъ,
И умомъ, и добротою
Кроткій ликъ его сіялъ.

Съ нимъ былъ милый и прекрасный
Юный отрокъ-ученикъ,
Словно ангельской красою
У него свѣтился ликъ.

У постели сѣсть раввина
Приглашаютъ, давъ почетъ.
Гость, еще не сѣвъ, больному
Съ лаской руку подаетъ:

«Долгъ святой пришелъ свершить я
Передъ праздникомъ святымъ,
Возвѣстить Вамъ милость Божью,
Богъ пошлетъ ее больнымъ».

Руку поданную крѣпко
Тутъ больной въ волненьи сжалъ,

«Baruch hapa!—онъ рыдая
Молвилъ,—Богъ мнѣ васъ послалъ!

О, раввинъ, проступокъ тяжкій
Противъ васъ я совершилъ,
Онъ меня въ недугъ повергнулъ,
Смертнымъ горемъ омрачилъ».

— «Оскорбленіе простилъ я
И забылъ его давно.
Да царитъ Господь лишь въ сердцѣ,
Зло-же—пусть погребено!

Примиренья день и тѣло
Исцѣлитъ, и душу вамъ!
Имя Божіе гдѣ славятъ,
Тамъ вездѣ Господень храмъ!»

Лишь раввинъ окончилъ слово,
Всталъ больной съ постели самъ,
И на шеѣ друга волю
Далъ онъ полную слезамъ.

Уходя, благословенье
Кроткій старецъ далъ ему,

И царитъ, какъ прежде, радость
Вновь у Парнаса въ дому.

Въ темнотѣ, въ жилищахъ Гетто
Льется яркій блескъ свѣчей,
Въ храмъ спѣшатъ на свѣтлый праздникъ
Толпы набожныхъ людей.

Море пламенное блещетъ,
Изъ «Іаковля шатра»
Предъ вступающимъ сверкаетъ
Свѣтло—яркая гора.

Дорогъ свѣтъ Израелиту,—
Онъ элементъ его святой
Съ первыхъ дней существованья
Вплоть до крышки гробовой.

Жизни въ главные моменты
До могилы съ юныхъ лѣтъ
Вѣкъ его проводитъ свято
Божій гласъ: «Да будетъ свѣтъ!»

Всюду—въ домѣ или въ храмѣ,
За трапезой, за мольбой,—

Все собою освящаетъ
Лучъ свѣтильника златой.

Повсюду видно оживленье:
Тамъ мужчины, жены тутъ
Въ бѣлыхъ блещущихъ одеждахъ
Просвѣтлѣнныя идутъ.

Съ ярко-звѣздной высью неба
Озаренный сходенъ Храмъ;
Какъ несмѣтный міръ духовный,
Люди радостные тамъ.

Въ хоръ ужъ община собралась
Грянуть стройною мольбой;
Вотъ къ священному ковчегу
Подошелъ раввинъ сѣдой.

Онъ показываетъ Тору,
Всѣ встаютъ со всѣхъ сторонъ.
Какъ святой знаменоносецъ,
Во главѣ народа онъ:

«Чистымъ сердцемъ, правымъ духомъ
Радость шлетъ свой лучъ святой;

Въ Богѣ, правые, ликуйте,
Преклонясь предъ нимъ съ мольбой»!

Тотъ глаголъ пѣвца святого
Спѣлъ торжественно раввинъ.
Весь народъ ему завторилъ
Стройно, всѣ тутъ, какъ одинъ,

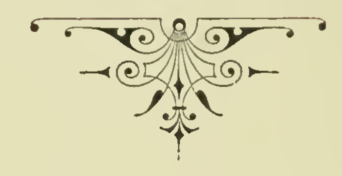
Вотъ раввинъ вокругъ престола
Со святынею идетъ,
И закона свитокъ всѣмъ онъ
Для лобзанія даетъ.

Но въ ковчегъ уже уложенъ
Снова свитокъ, и потомъ
Канторъ гимны запѣваетъ
Въ умиленіи святомъ.

Отъ заката до заката
Длится этотъ день святой.
Покаяніе снимаетъ
Тяжкій гнетъ съ души людской:

Въ покаяньи—примиренье,
Грѣшникъ чистъ въ грѣхѣ быломъ,

И въ сіяньи дня послѣднемъ
Онъ мирится съ божествомъ.



Бунтъ въ аду.

I.

Въ черный день однажды черти
Собрались въ аду толпой,
Чтобы противъ Вельзевула
Сговориться межъ собой.

II.

Господинъ ихъ и владыка,
По примѣру всѣхъ владыкъ,
Худшимъ слугъ вознаграждая,
Самъ брать *лучшее* привыкъ.

III.

„Все должно пойти иначе!
Быть рабами не хотимъ!

Не дождемся лучшей доли,—
Такъ работу прекратимъ!".

IV.

Словомъ, какъ обычай славный
Нынѣ есть и у людей,—
И въ аду такимъ манеромъ
Вышла стачка у чертей.

V.

Но владыка не смутился,
Не встревожился ничуть;
Съ чисто дьявольской насмѣшкой
Смогъ на дѣло онъ взглянуть.

VI.

И сказалъ онъ:—„Вотъ прекрасно!
Радъ я вѣсти въ свой чередъ!
Самъ хотѣлъ васъ отпустить я,
Дѣлу *новый* дать полетъ...

VII.

Такъ лѣнивы вы, что нынѣ
Ослабѣла власть моя,
И ребятамъ малымъ даже
Ужъ не страшенъ больше я"!...

VIII.

„Нѣтъ!—сказалъ ему ораторъ
Шайки дьявольской въ отвѣтъ,—
Ты найдешь вполнѣ, какъ прежде,
Подъ своею властью свѣтъ!

IX.

Гдѣ ни ступишь,—*ложь* и только,
Лицемѣрье, зло, обманъ...
Гдѣ жъ они,—тамъ цѣлой свитѣ
Всѣхъ пороковъ доступъ данъ!

X.

Лишь однимъ усердьемъ *нашимъ*
Все достигнуто!.. И вотъ,

Мы хотимъ вознагражденья
За труды, за тьму заботъ!“

XI.

„Жалко, братцы, но систему
Не хочу я измѣнить...
Убирайтесь лучше къ черту...
Вѣкъ мнѣ вамъ не угодить!“

XII.

„А!—со злобой засмѣялись
Черти всѣ ему въ отвѣтъ,—
Проживешь *безъ насъ* недѣлю,
Да и то, пожалуй, нѣтъ!“...

XIII.

Что-жъ творитъ владыка умный?
Онъ отъ мукъ свободу далъ
Тотчасъ безднѣ осужденныхъ,
Ввелъ ихъ въ пламенный свой залъ.

XIV.

Всѣхъ вѣковъ тамъ *дипломаты*
Затолпились у дверей;
Сзади нихъ—кокетки-дамы
Съ адской прелестью своей.

XV.

„Вновь на землю выходите!“
Онъ вѣщалъ, махнувъ рукой;
„Въ роли дьяволовъ смущайте
Вы хитро людской покой!“

XVI.

Радость жадная сверкаетъ
Изъ коварныхъ ихъ очей,
Ждутъ—лишь двери бы открылись,
Чтобъ свершить побѣгъ скорѣй.

XVII.

Черти всѣ на конкуррентовъ
Иронически глядятъ,

И съ насмѣшливымъ поклономъ
Сатану благодарятъ.

XVIII.

Вотъ ватага *третья* входитъ
Въ блескѣ адскаго огня,
И теперь ужъ, очевидно,
Наготовѣ вся родня.

XIX.

Черти! что вы поблѣднѣли,
Видя этотъ, третій, хоръ?...
Это лишь старухи... Впрочемъ,
Безпощаденъ ихъ задоръ...

XX.

„Братцы!—вскрикнулъ чертъ-ораторъ,
Хмуря съ ужасомъ чело,—
И *онѣ* идутъ на землю
Умножать бѣду и зло!...

XXI.

Если станетъ *ихъ* хозяйство,—
Наше сгибнетъ въ тотъ же часъ:
Злыя женщины старухи
И хитрѣй, и ловче насъ!“...

XXII.

Обстоятельствамъ невольно
Покорились дьявола.
Такъ окончена ихъ стачка
Конкуренціей была.

Мысли

Зачѣмъ свѣтъ знанія употреблять во зло
И вѣры убивать имъ чистое стремленье?
Есть благороднѣе алмазу назначенье,
Чѣмъ только рѣзать имъ стекло...

* * *

Встарь графовъ не было, а были лишь рабы,
Но сталъ и рабъ теперь по милости судьбы
Свободенъ будто графъ, хотя, сказать по чести,
Тѣ и другіе—голодны всѣ вмѣстѣ.

* * *

Жандармовъ вездѣ вереницы
Въ свободнѣйшей самой странѣ...
Среди богатѣйшей столицы
Тьмы нищихъ встрѣчаются мнѣ...

* * *

Будь сердцемъ ты нѣженъ, глубокъ по уму,
Не всякій способенъ на это,
Дай міру собою, что нужно ему,
И станешь ты мужемъ средь свѣта...

* * *

Богатый, пестрый рой мечтаній и идей
Подъ спудомъ пусть въ душѣ твоей не остается:
Изъ тьмы родной земли цвѣтокъ на волю рвется
Для свѣта и лучей...

* * *

Кто—Шиллеръ ли, Гете ли выше поэтъ?...
Избави насъ Богъ отъ подобнаго спора:
Прекрасна въ румянномъ сіяньи аврора,
Прекрасенъ и солнца полуденный свѣтъ...

---

* * *

Невѣрья нѣтъ, и слово это
Пустая выдумка одна.
Душа людская въ вихрѣ свѣта
Все будетъ вѣрою полна.

Пускай въ лучахъ своей побѣды
Сіяетъ разумъ нашихъ дней,
Пусть заблуждались наши дѣды,
А мы на все глядимъ яснѣй.

Когда-то пнямъ въ лѣсу молились,
Былъ святъ изъ дерева Перунъ,
И предъ кумирами струились
Хвалебные аккорды струнъ.

Всѣ были полны вѣры старой
Въ косматыхъ лѣшихъ и чертей,

И грезились съ волшебной чарой
Толпы причудливыя фей.

Теперь исчезли привидѣнья
Давно минувшихъ старыхъ лѣтъ,
И разумъ полонъ просвѣтлѣнья,
И старой вѣры въ сердцѣ нѣтъ...

Иной, быть можетъ, лицемѣритъ,
Другому-жъ кажется порой,
Что онъ ужъ ни во что не вѣритъ
Своей холодною душой...

Но то ошибка лишь пустая:
Ведя житейскую борьбу,
Все-жъ мы, о счастіи мечтая,
То въ случай вѣримъ, то въ судьбу,

То вѣримъ въ собственныя силы,
То въ помощь добрую небесъ,
И такъ идемъ мы до могилы...
Пусть прежнихъ сказокъ старый бѣсъ

Исчезъ, но съ новымъ духомъ вѣка
Другая вѣра здѣсь и тамъ

Гнѣздится въ сердцѣ человѣка,
Придавъ полетъ его мечтамъ...

Не все равно-ль!—размыслимъ строго:
Какая вѣра, лишь она
Не отвращала-бы отъ Бога,
Стремленій суетныхъ полна,

И сердце чистое съ привѣтомъ
Звала-бы радостно къ нему,
И благодатнымъ горнимъ свѣтомъ
Сіянье сыпала во тьму...

Послѣдній день Діогена.

Мудрецъ Синопа былъ ужъ старъ, изнемогалъ,
Валялся безъ питья его сосудъ разбитый.
Подъ тѣнью бочки тамъ старикъ одинъ лежалъ,
Давно самимъ собой и міромъ позабытый.

Бредъ лихорадочный въ тиши его томилъ,
И страннаго онъ былъ исполненъ сновидѣнья:
Въ укромной хижинѣ, среди уединенья,
Казалося ему, онъ жизнью новой жилъ.

Вдругъ нѣжное одно какое—то созданье
Ходило за больнымъ, чтобы смягчить страданье.
Проснулся онъ, и что жъ? Онъ видитъ предъ собой
Прелестный призракъ сна ужъ наяву, живой...

Подъ кровъ привѣтливый, пока онъ грезилъ смутно,
Волшебная рука его перенесла.

Ликъ юной женщины являлся поминутно;
Изъ комнаты другой она поспѣшно шла

На всякое его легчайшее движенье.
Какъ объ отцѣ дитя, лелѣя попеченье,
Была стыдливая Аспазія предъ нимъ.
При ней старуха мать. Ее трудомъ своимъ

Она, полна любви, полна заботъ, кормила,
Въ трудѣ охотно день съ разсвѣта проводила.
На дняхъ, неся свой хлѣбъ въ уплату за труды,
Больного старика подъ бременемъ нужды

Увидѣла она, свершая путь знакомый.
Въ снѣ лихорадочномъ онъ былъ объятъ истомой.
Тутъ въ хижину свою она его снесла
И, силы юныя съ тѣхъ поръ удвоивъ, стала

Лелѣять двухъ друзей, что ей судьба дала.
А если времени ей днемъ не доставало,
То можно было ей отнять часы отъ сна.
Все видѣлъ Діогенъ: упорную работу,

Любовь и нѣжную горячую заботу.
И вновь душа его любви къ людямъ полна.

Въ скитаньяхъ по свѣту видать ему случалось,
Что бѣдняку богачъ даритъ избытокъ свой.

Но это жертва ли святая совершалась?
Лишь удовольствіемъ мѣнялись межъ собой...
А жертвы онъ искалъ и чистой, и высокой:
Желать помочь другимъ, страдая самому.

Тутъ въ скромности нѣмой, безвѣстной, одинокой
Ту доблесть въ хижинѣ пришлось найти ему.
Вновь къ человѣчеству любовь въ немъ воскресаетъ,
Въ немъ вѣра ожила въ достоинство людей,

Утраченной мечты въ душѣ огонь играетъ...
Уже не бремя жизнь, и есть значенье въ ней...
Чего онъ вѣкъ искалъ, то вдругъ нашелъ въ мгновенье.
Путь жизни совершенъ, она прошла какъ сонъ...

Но дня послѣдняго пусть коротко теченье,
А мигомъ взволновалъ всю жизнь былую онъ...
Аспазію назвалъ онъ дочерью своею:
Ужъ въ мірѣ не одинъ теперь онъ былъ, а съ нею.

Когда же смертный часъ отмѣченъ былъ судьбой,—
Въ могилу онъ унесъ ея любовь съ собой...

Италія.

Италія! страна чудесъ,
Страна любви и вдохновенья,—
Всѣхъ крайностей соединенье:
Сіянья дѣвственныхъ небесъ

Съ пучиной непроглядной ада,
Уродства терній и шиповъ
Съ красой плѣнительной цвѣтовъ.
Тебѣ привѣтъ мой скромный шлю:

Тебя, колѣнопреклоненный,—
Тебя, Италія, пою!
Когда роскошнымъ обаяньемъ
Окутанный, къ себѣ развратъ

Манитъ людей; когда названьемъ
Самыхъ небесъ зовется адъ;

Когда подъ нѣжной скорлупою
Хранится жесткое ядро,

А сердце кроткое людское
Питаетъ зло, а не добро;
Когда растлѣніе на смѣну
Приходитъ скромному стыду,

Ложь—истинѣ и лѣнь—труду;
Когда любовь теряетъ цѣну,
Теряютъ слезы чистоту,
А дѣти—смѣхъ и простоту;

Когда висятъ на вѣтви рядомъ
Плодъ белладоны молодой
И померанецъ золотой,—
Смотря на нихъ печальныхъ взглядомъ,

И сердцемъ глубоко скорбя,
Я вспоминаю про тебя...
О, ты прекрасная страна!
Ты—какъ невѣста молодая,

Когда любуется она
Собой, къ ручью лицо склоняя,—

Такъ точно смотришься и ты,
Сіяя блескомъ красоты,

Въ лазури двухъ морей окружныхъ,
Покоясь въ ихъ объятьяхъ дружныхъ,
Отъ снѣжныхъ горделивыхъ горъ,
Отъ рощъ тѣнистыхъ, благовонныхъ,

Отъ чистыхъ, голубыхъ озеръ,
Лазурью неба озаренныхъ,
Отъ яркихъ Генуи садовъ,
Отъ пышныхъ мраморныхъ дворцовъ,

Что посреди венеціанскихъ
Каналовъ высятся толпой,—
До ясныхъ неаполитанскихъ
Зеркальныхъ водъ, гдѣ день-деньской

Несутся пѣсни переливы
И шепчется съ волной волна,—
Ты вся прекрасна, горделива,
И нѣги, и любви полна...

И вотъ идутъ поперемѣнно
Къ тебѣ сосѣднихъ странъ сыны

Лобзать твой прахъ, для нихъ священный,
Дивиться красотѣ страны,

Когда-то славной и могучей,
Грозившей ближнимъ всѣмъ, какъ туча,
Что по небу передъ грозой
Несется вольною стезей...

Твоей красою вдохновляться
Давно уже привыкъ поэтъ,
И живописцу улыбаться
Въ другой странѣ не станетъ свѣтъ

Такъ ясно, весело, радушно,
Какъ твой... И всѣ единодушно
Тебѣ хваленья воздаютъ
И пѣсни про тебя поютъ...

Но, какъ отшельникъ одинокій,
Я въ комнатѣ моей сижу,
И съ грустью тайной и глубокой
Въ страницы дней былыхъ гляжу;

Но въ нихъ себѣ найти не можетъ
Отвѣта мой усталый умъ

На все, что такъ его тревожитъ,
Что въ немъ вселило столько думъ...

Съ невольнымъ трепетомъ и страхомъ
Смотрю на древніе листы,
Гдѣ гнуснымъ и позорнымъ прахомъ
Свою смѣнила славу ты...

Ты кровью ближнихъ возвышалась,
Ты кровью ближняго жила,
Въ крови враговъ своихъ купалась
И кровь друзей своихъ лила

Съ поры, какъ кровью обагренный,
Ремъ, основатель Рима, палъ.
До той поры, когда дрожалъ,
При имени Нерона,—

До той поры, когда бѣжалъ
Онъ отъ злодѣйства Домиціана,
Пролился крови не потокъ
И не рѣка, не ручеекъ,—

Пролились крови океаны.
Ты помнишь-ли Господень громъ,

Что разразился надъ тобою?
Ты помнишь-ли, какъ той грозою

Былъ потрясенъ и лѣсъ, и домъ,
Какъ Этны гордая вершина,
И нивъ цвѣтущая равнина,
И моря плещущій прибой,

И Альповъ снѣжныя громады,
И Колизея колоннады,
Остатки древности сѣдой,—
Все трепетало подъ грозой,

Слѣдя оторопѣлымъ окомъ,
Какъ бурнымъ на тебя потокомъ
Надвинулся народовъ строй?..
Ты помнишь-ли, какъ тронъ гнилой

Твоихъ владыкъ сломился съ трескомъ,
И ты въ тотъ мигъ простилась съ блескомъ
Былымъ и славою былой?..
Напрасно смолкнуть ты молила

Грозу въ тѣ страшные часы;
Судьба на гибель осудила

Могучій блескъ твоей красы,
За кровь она тебѣ отмстила.

Чтобъ ты слезами искупила
Ту кровь, что прежде пролила,
Когда еще сильна была.
Свершилось!.. Горькими слезами

Листы исторіи твоей—
Былины невозвратныхъ дней—
Орошены... И я, глазами
Печальными смотря на нихъ,

Скорблю о бѣдствіяхъ твоихъ...
Изъ тьмы временъ передо мною,
Изъ мрака строгой старины—
Твой образъ предстаетъ порою:

Я вижу пышный блескъ страны
Великой, грозной и надменной,
Я слышу бранный крикъ войны
И громъ побѣды вожделѣнной...

Но образу тому во слѣдъ
Идетъ на смѣну призракъ черный,

Въ глазахъ его не блещетъ свѣтъ,
И на устахъ улыбки нѣтъ;

Скорбя объ участи позорной,
Онъ испускаетъ вопль покорный.
Раба онъ сознаетъ въ себѣ
Подъ игомъ тяжкимъ властелина

И, отдавая дань судьбѣ,
Предъ нимъ склоняетъ низко спину.
Свершилась грозная борьба,—
И вотъ владычица земная,

Грѣхи былые искупая,
Преобразилася въ раба...
Но кто-же, кто въ твоемъ паденьи,
Италія, виновенъ былъ?

Германца-ли мечъ тебя сразилъ,
Иль Галлъ въ жестокомъ озлобленьи
Тебя на вѣки покорилъ?
Нѣтъ, ты одна сама виною

Паденья быстраго была.
Ты приговоръ свой надъ собою

Сама смертельный изрекла:
Въ пылу безумнаго раздора

Сама искала ты позора,
Сплотиться не умѣла ты,
Соединиться не хотѣла
Въ едину кровь, едино тѣло,

Сойтись въ единыя мечты...
Когда порою улыбался
Тебѣ свободы ясный ликъ,
На этотъ смѣхъ не откликался

Въ Италіи отрадный кликъ!
Нѣтъ, ты, ловя свободы мигъ,
Сама себя тогда терзала,
И въ нѣдрахъ собственныхъ своихъ

Свою погибель обрѣтала.
Такъ и осталась ты съ тѣхъ поръ
Разрозненной и раздробленной;
Такъ и свершился приговоръ,

Тобою же опредѣленный;
Такъ, обезсилѣвъ, истощилась,

Поверглась ты на вѣки въ грязь...
И на сѣдыхъ твоихъ руинахъ

Проводитъ строгій перстъ временъ
Ряды торжественныхъ именъ,
Гласящихъ о твоихъ сѣдинахъ,
О дѣтствѣ доблестномъ твоемъ

И о величіи быломъ...
А подъ родными именами
Слова проклятія видны,—
И тѣми скорбными словами

Пророчества изречены,
Что на всегда похоронили,
Какъ будто въ горестной могилѣ,
Все, чѣмъ когда-то такъ сильны

Въ Италіи народы были.
Но все-же счастіе судьбѣ
Угодно было дать тебѣ:
Ужели тѣмъ ты не счастлива,

Что ты великою была,
Что знамя силы горделиво

Ты нѣсколько вѣковъ несла?
И развѣ ярко не блистаютъ,

Какъ звѣзды въ небесахъ ночныхъ,
Тѣ, кто для прошлыхъ дней твоихъ
Безсмертье славы доставляютъ?
Твоихъ сподвижниковъ толпа

Необозрима и несчетна
И, имъ благодаря, тропа
Проторена тобою плотно
Къ безсмертной памяти людской;

И вѣрь:—когда бы подъ собой
Тебя похоронилъ нещадно
Потопъ иль небосводъ громадный,
И огнемъ-бы своимъ сожгла

Тебя твоихъ вулкановъ лава,—
То все-жъ съ твоей бы смертью слава
Твоя во вѣкъ не умерла.
Но смолкъ восторгъ мой... Тишиною

Объятъ, я одинокъ сижу
И съ тайнымъ трепетомъ гляжу

На рядъ именъ, что предо мною
Начертанъ времени рукою,

На образы твоихъ людей,
Опоры лучшихъ прошлыхъ дней.
Готовъ упасть я на колѣни
Предъ этой славною толпой

И смѣлой ихъ почтить хвалой!..
Но... вмѣсто образовъ, лишь тѣни
Нѣмыя вижу передъ собой
И сознаю, что рядъ побѣдныхъ

Именъ—созвучій рядъ безвредныхъ
И безполезныхъ, и пустыхъ..
Я сознаю, что отъ былыхъ
Вѣковъ ничто не сохранилось,

Чѣмъ прежде высоко гордилась
Твоя побѣдная страна...
А почему? Раздроблена,
Измѣнчива, непостоянна

Была Италія всегда,—
И блескъ утратила нежданно,

Какъ-бы падучая звѣзда...
Но все-же въ скорби и печали

Ты не лишилась красоты,
И въ мірѣ цѣломъ есть едва-ли
Страна прекраснѣе, чѣмъ ты.
Прекрасна ты въ своихъ руинахъ,

Останкахъ древности сѣдой;
Прекрасна въ храмахъ и картинахъ,
Что прелестью своей живой
Чаруютъ зрителя невольно;

Прекрасна неба бирюзой,
Что свѣтитъ надъ тобой привольно;
Прекрасна зеленью луговъ,
Что нѣжно такъ благоухаютъ;

Прекрасна тѣнью рощъ, садовъ,
Что вѣчно пышно расцвѣтаютъ;
Прекрасна красотой твоихъ
Мужчинъ и женщинъ молодыхъ,

И въ звукахъ своего названья,
Италія, прекрасна ты,

Какъ о грядущихъ дняхъ мечты
И о былыхъ воспоминанья!..

Но, можетъ быть, ко мнѣ тая
Обиду за призывъ нежданный,
Спросить хотѣла-бъ ты меня:—
—«Къ чему, учитель самозванный,

«Ты расточаешь мнѣ хвалы
«И сочиняешь порицанья?
«Скажи: тебѣ-ль меня понять,
«Полей и тундръ, питомецъ, снѣжныхъ?

Не могу, повѣрь, унять
Потокъ моихъ признаній нѣжныхъ!
Мнѣ не забыть красы твоей
И нѣги твоего дыханья,

Когда надъ головой моей,
Мнѣ лавры сыпали лобзанья;
Когда, какъ бы въ волшебномъ снѣ,
На мощныхъ крыльяхъ вдохновенья

Летѣть, летѣть хотѣлось мнѣ,
Чтобы слагать тебѣ хваленья;

Когда на днѣ моей души
Подъ волшебствомъ твоей тиши

Єлагались робко пѣснопѣнья!
И мысленнымъ моимъ очамъ
Предсталъ впервые призракъ чудный:
Я видѣлъ образъ дѣвы блудной.

Она бродила по скаламъ,
Сложивъ съ мольбою къ персямъ руки,
Съ трудомъ скрывая въ сердцѣ муки,
И по ея нагимъ плечамъ

Спускались кудри золотые;
И ноги двигались босыя
По жгучимъ камнямъ и глинамъ,
Не зная ни жары, ни боли.

Полдневный солнечный припекъ
Блудницу нестерпимо жегъ;
Но жертва покаянной воли—
Все также неизмѣнно шла

Она съ покорностью упорной.
Все Магдалина отдала

Для искупленія позорной
И блудной жизни;—плоть и кровь,

И страсть земную, и любовь,
Веселье оргій беззавѣтныхъ,
Мольбы поклонниковъ несмѣтныхъ,
Довольство, роскошь, суету,

И прежній блескъ, и красоту,
И только объ одномъ молила,
Чтобъ небо въ благости своей
Грѣхи былые ей простило...

И вотъ, когда я передъ ней,
Передъ отшельницей святой
Стоялъ въ подножіи дикихъ скалъ,
Мнѣ голосъ тайный прошепталъ:

«Италія передъ тобой!»

Солнце.

То солнце, что теперь сіяетъ мнѣ привѣтомъ,
Сіяло встарину надъ люлькою моей;
Оно-жъ,—сомнѣнья нѣтъ,—когда прощусь со свѣтомъ,
Прольетъ ко мнѣ на гробъ сіяніе лучей.

То солнце, что зоветъ болящихъ къ воскресенью
И озаряетъ все благое на землѣ,—
Къ позору своему свѣтило избіенью
Евреевъ гибнущихъ, когда въ свирѣпомъ злѣ

Безсмысленной толпы неистовая сила
Ихъ то тутъ, то тамъ терзала и громила...

Пухъ.

Я помню страшное гоненье—
Въ еврейскомъ городкѣ погромъ:
На лицахъ ужасъ и смятѣнье,
И стоны, и мольбы кругомъ...

Но вопли матерей покорныхъ
И крикъ испуганныхъ дѣтей
Не въ силахъ удержать позорныхъ
И необузданныхъ страстей.

Смотря въ тоскѣ неизъяснимой
На моремъ лившуюся кровь
И панику толпы гонимой,
Я думалъ:

«Гдѣ-же та любовь,
«Что завѣщалъ вамъ вашъ Учитель,

«Принявъ страданья на крестѣ?
«Гдѣ та любовъ, что Самъ Спаситель

«Хранить въ сердечной чистотѣ
«Вамъ повелѣлъ? О, еслибъ можно,
«Чтобъ этотъ пухъ, что изъ перинъ,
«Растерзанныхъ сейчасъ безбожно,

«Надъ гладью луговыхъ равнинъ
«Летаетъ подъ шатромъ воздушнымъ,
«Чтобъ пухъ тотъ, небеса, до васъ
«Взлетѣвъ, повѣдалъ о бездушномъ

«Насильи, явленномъ сейчасъ!
«Собой усыплетъ тронъ Творца,
«И скажетъ, что творится долу!
«Что скорби нашей нѣтъ конца,

«Что мы страдаемъ отъ разбою,
«Что Имъ-же избранный народъ,
«Забитый загнанный судьбою,
«Въ печали тяжкой слезы льетъ,

«Что въ страхѣ онъ изнемогаетъ,
«Теряетъ разумъ, духомъ палъ,

«И взоры къ небу поднимаетъ
«Въ надеждѣ, чтобъ Господь послалъ

«Его печалямъ облегченье,
«Чтобъ далъ Онъ бодрости и силъ
«Всѣ эти перенесть мученья,
«И чтобъ конецъ имъ положилъ!

«О, еслибъ только можно было,
«Чтобъ пухъ донесся къ небесамъ,
«И самого-бы Михаила,
«Межъ ангеловъ увидѣвъ тамъ,

«Просилъ еврейскаго патрона,
«Чтобъ защитилъ онъ свой народъ,
«И у божественнаго трона
«Молилъ онъ Господа щедротъ!»

И долго въ грустномъ размышленьи
Я, волю давъ моимъ мечтамъ,
Слѣдилъ, какъ тихо въ отдаленьи
Пухъ поднимался къ облакамъ.

Ты немощенъ и слабъ.

Ты немощенъ и слабъ, мой народъ дорогой,
Любимый горячо и беззавѣтно мной!
Но не въ конецъ еще въ тебѣ забыты силы,
Еще не загнанъ ты на самый край могилы.

Нѣтъ теплится любовь еще въ груди твоей,
Ты вѣру сохранилъ и въ правду, и въ людей,
Надежды полонъ ты на будущее счастье...
Но жаль, что вѣра та, надежда и любовь

Не озарятъ кромѣшной тьмы ненастья!..
И, какъ осеннiй дождь, твоя сочится кровь
Подъ острымъ лезвiемъ вражды неукротимой...
Но... ненавидимый, забитый и гонимый,

Ты все-же будешь жить, мой дорогой народъ,
Пока въ груди твоей еще любовь живетъ!

Колыбельная пѣсня.

Тихимъ, сладкимъ сномъ покойся,
Сынъ мой дорогой!
Ничего пока не бойся
Юною душой!

Спи, пока обрядъ священный
Не былъ совершенъ,
Спи, покамѣстъ твой смиренный
Не нарушенъ сонъ.

* * *

Дни пройдутъ—и надъ тобою
Совершатъ обрядъ,
Но Обрѣзанье Святое
Дастъ тебѣ лишь рядъ

Мукъ, гоненій и страданій
О свободѣ грезъ,
И безчисленныхъ терзаній,
И горючихъ слезъ.

Былое.

I.

Въ облетающей дубравѣ
Дико буря завываетъ,
И могучія вершины
Гнетъ и яростно ломаетъ.

Въ землѣ Россійской, далеко,
Вдоль пустынныхъ нивъ печальныхъ,
Бѣлый саванъ въ яркихъ искрахъ,
Въ огонькахъ горитъ кристальныхъ.

Засвѣтивъ очагъ въ избушкѣ,
Данъ сидитъ съ подругой милой.
Онъ ее съ лобзаній первыхъ
Съ неизмѣнной любитъ силой.

Онъ сокровище—ребенка
Съ отчей лаской обнимаетъ;

На родителей малютка
Съ дѣтской радостью взираетъ.

Не страшися, дорогая!
Буря зла, лиха, сердита;
Но надъ кровомъ нашимъ бѣднымъ
Есть Господняя защита.

За тебя съ людьми готовъ я
Биться твердою рукою,
А Господь и въ бурѣ этой
Правитъ мощію святою!

Крѣпокъ въ битвѣ я и зорокъ,
Не боюся я напасти...
Смѣло Рубена,—ты помнишь,—
Спасъ я разъ изъ волчьей пасти...

Самъ, какъ звѣрь, я страшно бился
Безоружною рукою...
И бушующая буря
Да смирится предо мною!..

Такъ усни-же безъ тревоги
И вкуси отдохновенье,

Заключивъ дитя въ объятья,—
Мирно будетъ пробужденье!..

Но съ предчувствіемъ тревожнымъ
Мать грядущаго боится,
И предъ нею рой ужасный
Страшныхъ призраковъ толпится.

II.

Далеко, въ странѣ Черкесовъ,
Гдѣ Кавказскихъ скалъ громады
Оглашаютъ звуки сабель,
Свищутъ пули безъ пощады,—

Русскій лагерь ярко блещетъ
У подошвы горной кручи,
И холодный вѣтеръ гонитъ
Снѣговыя въ небѣ тучи.

Тамъ надъ бездной на обрывѣ
Юный воинъ одинокій
Обращаетъ взоръ къ вершинѣ
Недоступной и высокой,—

То Василій Храбрый; посланъ
Онъ, по волѣ генерала,
На труднѣйшій постъ воинскій.
Никогда не колебала

Сердца воина опасность.
Смѣлъ восточный врагъ лукавый,
Но во тьмѣ ночей холодной
Съ нимъ боролся онъ со славой.

Кто такой Василій этотъ?
Про него никто не знаетъ,
Но всегда онъ первый въ битвѣ,
Впереди онъ выступаетъ.

Не робѣлъ онъ предъ врагами...
Но исполнено страданья
Сердце юноши, и скорбно
Въ немъ встаютъ воспоминанья

Изъ младенчества, гдѣ видѣлъ
Сердцу милыя картины;
Но для воина—въ нихъ тѣни
Горя, ужаса, кручины...

III.

О, тяжелыя минуты!
Вѣдь соратники, быть можетъ,
Заподозрятъ, насмѣхаясь,
Что боязнь его тревожитъ...

И боецъ безумно рвется
Въ пламя вражіей дружины,
Словно, грустный, ищетъ смерти
Вмѣсто жизненной кручины...

Плескъ волны и ропотъ вѣтра
Раздаются одиноко;
Какъ друзья, его проводятъ
Темнота и шумъ потока.

Какъ дорожкою пустынной
Вдаль скользитъ Гуронъ проворный,
Ловко крадется Василій
По пути къ вершинѣ горной.

На обрывѣ тамъ дозоромъ
Стражъ Черкесъ во тьмѣ шагаетъ.
Тутъ врага Василій быстро,
Во мгновеніе хватаетъ;

Со скалы бросая въ пропасть
Мощно-львиною рукою,
Самъ на землю онъ ложится,
Будто преданный покою.

Самъ незримый, въ лагерь вражій
Смотритъ онъ изъ отдаленья...
Видитъ,—сабли и кинжалы
Точатъ тамъ для нападенья.

«Ладно!»—весело онъ молвитъ,—
«Я провѣдалъ ваши ковы!..
Лишь на насъ вы нападете,—
Будемъ встрѣтить васъ готовы»...

IV.

Къ генералу Пассекъ быстро,
Какъ стрѣла, Василій мчится
Принести ему извѣстье.
Вотъ и утро золотится.

«Молодецъ!»—начальникъ молвилъ,—
«Храбро всѣмъ намъ спасъ ты жизни!

«Царь твой подвигъ благородный»
«Наградитъ потомъ въ отчизнѣ!»

Слово тайное пароля
Отъ поста къ посту несется;
Въ оживленьи русскій лагерь,
Чуть земли нога коснется.

Пушки, будто цѣлымъ лѣсомъ
Вкругъ Черкесовъ грозно встали.
Тщетно, знать, враги и рано
О побѣдѣ возмечтали...

Чу, бряцаютъ глухо сабли,
Пушекъ залпы въ отдаленьи...
У враговъ блѣднѣютъ лица
Въ ихъ внезапномъ изумленьи.

Крови алые потоки
По снѣгамъ съ холмовъ струятся;
Изъ ауловъ дымъ и пламя
Въ вышинѣ небесъ клубятся.

V.

Войско въ царскую столицу
Потянулося весною.

Царь желаетъ личной встрѣчи
Съ храброй доблестной толпою

Покорителей Кавказа,
Славныхъ громкими дѣлами.
Наградить ихъ Царь желаетъ
Похвалой и орденами.

Чу, гремя, рокочутъ трубы:
Александръ идетъ державный;
Вкругъ Него народа волны,
Громкій хоръ, хвалебно, славный—

Будитъ Онъ, весь окруженный
Свитой блещущей придворной;
И народъ предъ Нимъ съ почтеньемъ
Разступается покорный.

Всталъ предъ войскомъ повелитель,
Тишь настала гробовая.
Раздавать награды хочетъ
Царь, храбрѣйшихъ вызывая.

Первымъ былъ еврей Василій
Вызванъ между храбрецами

Адъютантомъ: предъ отчизной
Онъ прославился дѣлами;

Онъ Царю уже извѣстенъ.
Тихой робкою стопою
На площадку онъ выходитъ
Съ опущенной головою.

Какъ отецъ родному сыну,
„Ты свободенъ!“—Царь вѣщаетъ,—
„Георгія Святаго крестъ
„Пусть на груди твоей сіяетъ!“

VI.

По дубовой чащѣ путникъ,
Въ плащъ закутанный дорожный,
Озираяся, проходитъ,
Торопливый и тревожный.

У него дрожатъ колѣни,
Сердце бьется, замирая...
Живы-ль вы, родитель—старецъ
И старушка дорогая?

Тѣсной улицей деревни,
Какъ на крыльяхъ, онъ несется,
И сгорая нетерпѣньемъ,
Сердце трепетное бьется.

Свѣтъ въ окнѣ родимой хаты...
Но при немъ тамъ ихъ-ли очи?
Полный страхомъ и надеждой.
Взоръ вперилъ онъ въ сумракъ ночи.

Тамъ за лампою, въ избушкѣ
Старичекъ сидитъ съ женою.
Сильно оба измѣнились
Подъ кручиною лихою.

—«Гдѣ теперь сынокъ нашъ милый?»
Со слезами мать вздыхаетъ.
—«Врядъ ли Рубенъ живъ на свѣтѣ!...»
Мрачно старецъ отвѣчаетъ.

—«Милосердъ Господь и мощенъ,
Чудеса творитъ порою!»—
Молвитъ мать,—«я преклоняюсь
Передъ волей всеблагою!...»

Весь дрожа, Василій входитъ...
—«Мать! Отецъ!»—онъ восклицаетъ,
И предъ старцемъ и старухой
На колѣни упадаетъ.

Не воинскій блескъ мундира
Видитъ старецъ предъ собою,
Не героя, лавръ и орденъ—
Мать съ восторженной душою

Сына найденнаго снова
Лишь въ объятья заключаютъ,
Съ сыномъ найденнымъ ихъ Бога
Милосердье прославляютъ...

Іошуа бенъ Хананья.

Іошуа бенъ Хананья во всевѣдѣньи глубокомъ
Былъ пропитанъ древа знанья благодатнымъ сладкимъ сокомъ.
Не красивъ былъ только съ виду и тѣлесной красотой
Не блисталъ, не могъ онъ въ мірѣ никого плѣнить собой.

Во дворцѣ у Адріана разъ онъ былъ, и тамъ сказала
Дочь царя съ насмѣшкой злою, что она не ожидала
Какъ въ подобной оболочкѣ и невзрачной и простой,
Геній мудрости высокій свѣтлый тронъ воздвигнулъ свой..

—„О, царевна!—молвилъ Равви,—твой отецъ, ты знаешь это,
Держитъ сокъ изъ винограда въ погребу вдали отъ свѣта,

И пока блеснетъ въ бокалахъ благородное вино,—
Въ з о л о т ы х ъ сосудахъ развѣ тамъ оно
заключено!"

—„Вѣрно ты смѣешься, Равви!.. Развѣ сокъ изъ
винограда
Въ золотыхъ сосудахъ держатъ? Нѣтъ, хранить,
конечно, надо
Только въ бочкахъ деревянныхъ благородное вино:
Отъ блестящаго металла лишь испортится оно..."

—„Такъ, прекрасная царевна! Но вѣдь ты жъ
сказала мнѣнье,
Что въ изящныхъ формахъ только генiй сыщетъ
выраженье,
И когда морщинъ глубокихъ ты увидѣла черты,
Посмотрѣвъ на блѣдный образъ безъ тѣлесной
красоты

Изможденнаго страданьемъ, преклоненнаго годами,
И заботою сердечной, и тяжелыми трудами,—
Тамъ, гдѣ мужественной силой формы тѣла не
цвѣтутъ,
Ты не вѣришь, что и генiй, и душа жить могутъ
тутъ...

Да, не въ золотѣ хранится сокъ душистый винограда—
Въ оболочкѣ деревянной упоенія отрада
Совершается и бродитъ, и изъ ней потомъ она
Брызнетъ огненной струею животворнаго вина...

Такъ душа подъ оболочкой незатѣйливой, простою
Сохраняется и дышетъ свѣтлой истиной святою...
Пусть по виду бренно тѣло, что во прахѣ рождено,
И порой пустымъ насмѣшкамъ служитъ пищею оно,—

Но съ высотъ незримыхъ брызнетъ мигомъ пламя вдохновенья,
Воплотитъ въ живое слово золотыя сновидѣнья,
Въ то мгновенье въ каждомъ знакѣ благородный духъ сквозитъ,
И его огонь священный вкругъ таинственно разлитъ.

Тутъ въ гармоніи съ духовнымъ и тѣлесное бываетъ,
Въ этотъ мигъ душа на тѣло свѣтъ священный проливаетъ..."
Такъ промолвилъ Равви съ жаромъ,—рѣчь огнемъ полна была—
И ему царевна руку къ поцѣлую подала...

Весною.

Сижу я на мшистомъ утесѣ весною,
    Склонивъ на ладони чело,
Волна предо мною бѣжитъ за волною,
    Тоска сжала грудь тяжело.

Мнѣ помнится, прыгало сердце какъ волны
    Въ счастливые лучшіе дни,
Теперь всѣ мечтанья отчаянья полны,—
    Какъ мрачныя волны они.

Бѣгущія волны, струя голубая,
    Въ весеннихъ привѣтныхъ лучахъ!..
Какъ было все радостно, сердце лаская!
    Теперь же лишь слезы въ очахъ...

Веселое пѣніе птицъ отдается
    Печалью въ душѣ и тоской;

Слеза за слезою струится и льется
И бурной, и мрачной рѣкой.

И лучъ благотворный, и прелесть расцвѣта,
Лазурь и сіяніе дня,—
Не радуетъ душу больную все это,
Лишь горе въ душѣ у меня...

* * *

Сижу я на мшистомъ утесѣ весною,
Печалью надорвана грудь...
Ужель въ этомъ блескѣ и весенней красою
Себя умертвитъ кто-нибудь?..

Москва, 22 Марта 1889 г.

* * *

У разныхъ народовъ и въ разныхъ вѣкахъ
Измѣнны, различны воззрѣнья;
Что гнѣвно и строго топтали во прахъ,
Считая грѣхомъ преступленья,

То скоро въ сіяніи яркихъ лучей
Изъ праха вставало надъ міромъ,
И новый кумиръ предъ очами людей
Царилъ надъ упавшимъ кумиромъ.

Караемый грознымъ и строгимъ судомъ,
Преступникъ съ названьемъ злодѣя
Не разъ былъ увѣнчанъ лавровымъ вѣнцомъ.
Его міровая идея,

Которую люди считали за зло,
Предъ ликомъ иныхъ поколѣній
Какъ пламя изъ пепла сіяла свѣтло,
И былъ не злодѣй онъ, а геній...

[113]

Такъ Эллины тѣхъ, кто не вѣрилъ въ боговъ,
Считали сынами разврата,
И такъ христіанъ въ лонѣ первыхъ вѣковъ
-Язычники Рима когда-то

Травили звѣрями, терзали и жгли...
И нынѣ зовутъ мусульмане
«Гяурами» насъ... для восточной земли
Преступники—всѣ христіане...

За грѣшную «ересь» науку порой
Считалъ инквизиторъ суровый,
И самъ Галилей, свѣтлой мысли герой,
Съ идеей отважной и новой,

Увы, отказаться былъ долженъ отъ ней,
Отъ свѣтлой идеи прекрасной...
Такъ съ ядомъ смертельнымъ по волѣ людей
Сократъ выпилъ кубокъ ужасный...

Не такъ ли и Гусса когда-то сожгли
На яркомъ кострѣ изувѣры?
Не такъ-ли на суетномъ лонѣ земли
Въ кровавыхъ бояхъ изъ-за вѣры

Несмѣтныя жертвы погибли въ вѣкахъ?
Не такъ-ли же ихъ преступленья,
Омытыя кровью, въ грядущихъ годахъ
Стяжали почетъ поклоненья?

Ужели же опытъ минувшихъ вѣковъ
Пропалъ и безплодно, и даромъ,
И міръ заблуждаться какъ прежде готовъ
Путемъ и избитымъ, и старымъ?

Нѣтъ! Въ свѣтломъ, разумномъ стремленьи впередъ
И съ жаждою правды и свѣта,
Пускай человѣчество смѣло грядетъ,
Любовью и братствомъ согрѣто!

Терпимость и къ истинѣ свѣтлой любовь
На знамени новаго вѣка
Пускай засіяютъ, и братскую кровь
Какъ прежде рука человѣка

Въ огнѣ фанатизма не льетъ по землѣ!..
Врачуя страданья и муки,
Пусть мирно заискрится въ жизненной мглѣ
Свѣтъ истины, мысли, науки!..

Стѣнные часы.

Наслѣдье двухъ вѣковъ отъ предковъ старыхъ дней!
Старинные часы! для новыхъ поколѣній
Вы мирной, правильной механикой своей
Ведете строгій счетъ несущихся мгновеній:
Секунда отойдетъ въ число минувшихъ лѣтъ,—
Секунда новая бѣжитъ за ней во слѣдъ.

Какъ часто взоръ людской украдкою за вами
Слѣдилъ то съ радостной надеждой, то съ тоской,
То съ нетерпѣніемъ и страстными мечтами,
То устрашалъ вашъ звонъ людской души покой,
А вы безчувственны... Что радость вамъ и горе?..
Стучите, будто бы съ судьбою въ заговорѣ...

На клики радости и горькій стонъ скорбей
Всегда вашъ звонъ въ отвѣтъ—свидѣтель безу-
частный...
Вздохъ умирающихъ и первый крикъ дѣтей,

Рожденья часъ и смерть,—всегда встрѣчалъ безстрастный,
Въ часъ утренній будилъ привычнымъ языкомъ,
Заботы чарой сна оковывалъ тайкомъ.

О, еслибы я зналъ таинственное слово,
Которымъ бы я могъ изъ области тѣней
Давно минувшее для жизни вызвать снова!
Часы старинные! скорѣй душѣ моей
Повѣдайте про все, что предано забвенью!
Скажите о быломъ иному поколѣнью!

И вотъ звучитъ въ отвѣтъ мнѣ мѣрный звонъ часовъ,
—«Мы все идемъ впередъ, оставь же насъ въ покоѣ!
Безъ страха ты гляди въ даль будущихъ вѣковъ
И къ жизни изъ могилъ ты не зови былое,
Мы время мѣряемъ, но въ мірѣ суеты
Припомни: къ вѣчности готовишься идти»...

* * *

Печаль своей души, тоску сердечной боли
Не раздѣляй ни съ кѣмъ. Бѣги ты отъ людей
Въ пустыню, въ темный лѣсъ, одинъ тамъ плачь на волѣ;
Тамъ тронешь камни ты бездушные скорѣй...

* * *

Когда твоя душа тайникъ свой открываетъ,—
Природа въ тишинѣ сочувствія полна;
Страданій собственныхъ сама она не знаетъ,
И, вторя, отразитъ печаль твою она...

* * *

Она сочувственна, а люди другъ на друга
Бросаютъ бѣглый взоръ, и глухо сердце ихъ

Къ мученьямъ и скорбямъ имъ чуждаго недуга...
Какое дѣло имъ до свѣжихъ ранъ твоихъ?!

* * *

Все страстью собственной кипитъ въ земной юдоли.
Что людямъ до тебя среди своихъ скорбей?
Не раздѣляй съ людьми своей сердечной боли,
И плакать въ темный лѣсъ бѣги отъ нихъ скорѣй...

Пѣсни сердца, будто листья,
Вѣтромъ жизни разнесло.—
Листья дерева, что въ жизни
Никогда не расцвѣло.
Листья, падайте на землю,
Вы—предтечи зимней мглѣ.
Тихо падайте на гробы,
Гдѣ надежды спятъ въ землѣ...

А все таки—весна.

Еще апрѣль непостоянный,
А ты уже блестишь, весна...
Что значитъ твой приходъ нежданный?
Душа тревогою полна,

* * *

Мы смущены твоимъ привѣтомъ,
И раннимъ блескомъ, и тепломъ,
Такъ рано яснымъ вешнимъ свѣтомъ
Ты не дарила насъ въ быломъ...

* * *

Меня сомнѣніе тревожитъ:
Ужъ не обманъ-ли кроешь ты,
И не поддѣльны ли, быть можетъ,
Вся эта зелень и цвѣты!..

* * *

Я не могу взглянуть безпечно
На пестроту твоихъ цвѣтовъ,
И шубу заложить, конечно,
Еще помедлить я готовъ!..

* * *

Но нѣтъ! Хотя не по примѣру
Ты прежнихъ лѣтъ ясна, свѣтла,
На этотъ разъ лелѣю вѣру,
Что ты воистину пришла...

* * *

Прости, я грустнымъ подозрѣньемъ
Тебя, быть можетъ, оскорбилъ,
Въ былыя весны я мученьемъ
За упованія платилъ...

Свадьба.

Весенній вечеръ палъ полупрозрачной мглой,
Долины и поля, и горы обнимая;
И ярче звѣздочки на выси голубой
Въ серебряныхъ вѣнцахъ затеплились сверкая.

И вотъ изъ тихаго жилища на крыльцо
Выходитъ старецъ; онъ поднялъ свое лицо
Къ небесной высотѣ, гдѣ звѣзды блещутъ хоромъ,
Какъ будто онъ межъ нихъ отыскиваетъ взоромъ

Посланника небесъ изъ горнихъ странъ къ нему.
Но упованію онъ преданъ одному,
Что къ небесамъ дойдетъ его мольба святая,
Мольба признательной и набожной души,

И благовѣстіемъ таинственнымъ блистая,
Сіяетъ звѣздный хоръ ему въ ночной тиши.

Отцовъ священныя свершая завѣщанья,
Въ вечерній часъ мольбу онъ шлетъ къ Царю царей:

Всегда былъ набоженъ маститый Моисей.
Онъ въ страхѣ Божіемъ и полный упованья
Провелъ свой вѣкъ. Въ семъ старикъ и молодой,—
Всѣ знаютъ,—свято чтутъ его передъ толпой.

И вотъ лишь укрѣпилъ, исполнясь умиленья,
Мольбою душу онъ въ отрадныя мгновенья,
Супруга кроткая тутъ Сара подошла,
Съ любовью свой поклонъ вечерній отдала;

Но онъ промолвилъ ей съ горячею слезою:
— «О, Сара! глубоко взволнованъ я душою...
Благословенъ Господь, мнѣ на закатѣ дней
Такъ много радости подъ старость посылая!

Мнѣ этихъ сладкихъ слезъ не отирай съ очей!
Одинъ лишь только разъ, въ разлукѣ покидая
Родителей моихъ, горчайшихъ слезъ потокъ
Я въ скорби проливалъ... Съ тѣхъ поръ счастли-
вый рокъ

Такъ щедро льетъ ко мнѣ лучи благословенья,
Что переполненъ я избыткомъ умиленья...

Когда ложится вдругъ покровъ вечерней мглы,
Въ давно минувшее я уношусь душою,

И тѣни прежнихъ лѣтъ такъ живы и свѣтлы
Изъ позабытаго встаютъ передо мною;
Теперь съ давно-былымъ грядущее слило
Свое сіяніе такъ солнечно свѣтло,

Что радости вмѣстить въ моей душѣ нѣтъ силы...
Покамѣстъ не дошелъ я до дверей могилы,
Угодно небесамъ, чтобъ я узрѣлъ дѣтей—
Рувима вѣрнаго съ Рахилью нѣжной нашей

Въ любви, въ сіяніи ихъ свадебныхъ свѣчей...
Благословенье Богъ излилъ мнѣ полной чашей:
Намъ дѣву чистую, какъ ангела, Онъ далъ,
Которой добраго пока я сдѣлалъ мало.

Ты знаешь—сиротой она къ намъ въ домъ по-
пала,
Какъ жертва нищеты. Ее къ себѣ я взялъ
Отеческой рукой отъ бѣдствій и невзгоды;
Тогда я спасъ ее въ младенческіе годы...

Ты доброй матерью всегда для ней была,
И могъ-ли думать я, чтобы она могла

Для сына моего, возлюбленнаго мною,
Стать высшимъ счастіемъ—подругой дорогою?

Онъ любитъ, и въ отвѣтъ онъ искренно любимъ.
Такъ восхотѣлъ Господь.—Его благословимъ!
Насъ внуки окружатъ веселою толпой,
Какъ праведники мы сойдемъ во гробъ съ тобой...

Теперь одно хочу тебѣ, жена, сказать:
Предъ тѣмъ какъ въ городокъ за раввиномъ послать,
За хоромъ мальчиковъ и за пѣвцомъ, — хочу я
На свадьбу пригласить всѣхъ бѣдняковъ кругомъ.

Ихъ лучшей пищею на свадьбѣ угощу я,
И лучшимъ напою при этомъ ихъ виномъ,
Чтобъ отъ скорбей своихъ нашли они забвенье,
Чтобъ въ грустныя сердца влилось къ нимъ утѣшенье...

Чѣмъ Богомъ награжденъ такъ щедро я вполнѣ,—
То бѣднымъ удѣлить отрадно будетъ мнѣ...»
Тутъ кротко голову жена въ отвѣтъ склонила:
— «Всегда моихъ отцовъ святая Божья сила

Спасала благостно средь горя и скорбей,—
Такъ и у насъ теперь, забывъ свои лишенья,
Пусть не останется никто безъ утѣшенья,
И каждый страждущій будь первымъ изъ гостей...»

Для пира брачнаго покои убраны
По старымъ и простымъ обычаямъ страны.
Сокровищъ множество съ святыней родовою
И утварь древняя въ сіяніи горятъ.

Невѣста-же, надѣвъ свой праздничный нарядъ,
Сидитъ подъ бѣлою и легкою фатою,
Затканной золотомъ; стыдливо скроменъ взоръ,
Кругомъ ея подругъ большой толпился хоръ,

То съ нѣжной ласкою невѣсту украшая,
То рѣчи съ матерью невѣстиной ведутъ.
Въ открытое окно вотъ комната другая
Видна; толпа мужчинъ по праздничному тутъ.

Женихъ, конфузливый счастливецъ между ними,
Его привѣтствуютъ всѣ взорами своими.
Снаружи мальчики, толпясь, въ окно глядятъ
На блескъ и золото, цвѣты и украшенья,

На пестрый балдахинъ, и глазки ихъ горятъ
При общей радости участьемъ оживленья.
А вотъ обширный залъ. Тамъ круглый столъ;
за нимъ
Пируютъ бѣдные, гостепріимству рады,

Отъ горя и нужды вкушая мигъ отрады,
Съ благословеніемъ признательнымъ своимъ,
И славятъ доброту и щедрость Моисея.
Лишь юноша одинъ съ поникнувшимъ челомъ,

И блѣденъ и угрюмъ, тоску въ душѣ лелѣя,
Какъ будто всѣмъ чужой за свадебнымъ столомъ
Сидитъ, сдержавъ слезу какой-то тайной боли,
Что взоръ его мрачитъ и каплетъ противъ воли.

Вздыхаетъ глубоко и тяжко онъ порой,
Весь полный тайною, невѣдомой тоской.
Съ участіемъ Моисей его печаль нѣмую
Замѣтилъ издали и жалостью согрѣтъ;

Хотѣлось бы ему страдальцу въ грудь больную
Влить утѣшеніе, отраду и привѣтъ.
Ему пріятно дать хоть мигъ успокоенья
Тѣмъ, кто всегда несетъ гнетъ горя и лишенья.

Съ участьемъ дружескимъ онъ къ юношѣ идетъ
И проситъ съ ласкою отеческой во взорѣ
Все разсказать ему про скорбь свою и горе,
Какой постигъ его въ хаосѣ жизни гнетъ?

Но тщетно. Юноша спокойно отвѣчаетъ
Съ притворствомъ:—«О, весьма вы добры, су-
дарь мой,
Но ошибаетесь... Со мною такъ бываетъ,
Что безъ причинъ тоска гнететъ меня порой...»

Старикъ, его сосѣдъ, при этомъ рѣчь заводитъ
—«Не безпокойтесь вы объ юношѣ,—его
Я знаю ужъ давно... нерѣдко на него
Какая-то тоска невольная находитъ...

Онъ скрытенъ, молчаливъ, отчета даже самъ
Не можетъ скорби дать и льющимся слезамъ...»
Отходитъ Моисей, но все-жъ не безъ сомнѣнья
Онъ на несчастнаго глядитъ изъ отдаленья,

Не сводитъ глазъ съ него; а юноша при томъ
Охваченъ скорбью ужасною такою,
Что весь дрожитъ; изъ глазъ горячею рѣкою
Текутъ потоки слезъ; въ отчаяньи нѣмомъ

Ужъ онъ не сдержитъ ихъ... И тутъ нетерпѣливо
Къ нему рѣшительно подходитъ Моисей:
—«О, юноша! Зачѣмъ упрямо и строптиво
Вы лжете предо мною? Но зоркости моей

Вѣдь вамъ не обмануть... Зачѣмъ отъ утѣшенья
Отказываться вамъ, когда, быть можетъ, мнѣ
Судьба дала для васъ возможность облегченья
Отъ бѣдъ и отъ скорбей?... Какія бы онѣ

На свѣтѣ ни были, но вы еще въ расцвѣтѣ,
Еще такъ юны вы, не знаете, какъ въ свѣтѣ
Мѣняется судьба, а нѣтъ надеждъ у васъ...
Ужель въ отчаяньи въ васъ вѣры лучъ угасъ?

Вѣдь нашей вѣрою отцовской вы согрѣты...
Въ пророческихъ устахъ вамъ Божіи завѣты
Извѣстны; вспомните-жъ священное одно
Вы изреченіе: людямъ гласитъ оно,

Что слабыхъ, страждующихъ возноситъ Богъ изъ праха
И съ сильными земли Онъ сравниваетъ ихъ...
Пойдемте-же со мной, повѣдайте безъ страха
Все горе ваше мнѣ и гнетъ скорбей своихъ:

Быть можетъ, въ горькое и тяжкое мгновенье
Даруетъ вамъ Господь нежданное спасенье!..»
При этомъ юноша безмолвно колебался,
Но въ дальній Моисей отвелъ его покой

И заклиналъ его, и убѣдить старался,
Пока тотъ палъ предъ нимъ съ горячею слезой:
«О, утѣшитель мой!—воскликнулъ онъ рыдая,
—«Вы благородный мужъ! Вы ангелъ! Ниспошли

Вамъ Богъ и рай небесъ, и счастіе земли!
Съ моей печалью великою блуждая,
Я вѣкъ былъ одинокъ... Никто среди людей,
Когда я шелъ стезей печальною моей,

Не утѣшалъ меня съ любовію такою,
Такою дружеской, отеческой рукою!
Васъ долженъ огорчить разсказъ печальный мой:
Я жертвѣ обреченъ ужасной, роковой!

Не слушайте меня; я знаю, осужденья
Не вызовутъ у васъ моей души мученья...
Я былъ не тѣмъ, что сталъ; не посреди кручинъ,
Не въ нищетѣ судьба родиться мнѣ велѣла.

Отецъ мой былъ богатъ; я былъ одинъ лишь сынъ;
Родители меня любили безъ предѣла.
Былъ равви Исаакъ сосѣдомъ у отца,
Благочестивый мужъ, и узы дружбы тѣсной

Взаимной и святой скрѣпляли ихъ сердца.
Имѣлъ онъ дочь одну, и съ дѣвушкой прелестной
По прихоти судьбы родился я на свѣтъ
Въ одинъ и тотъ-же день; другъ друга мы любили;

Забавы, шалости и игры дѣтскихъ лѣтъ,
Все крѣпче и дружнѣй сближаясь, мы дѣлили...
Все дружественнѣй былъ святой союзъ дѣтей;
Дома родителей довольствомъ процвѣтали,

Какъ вдругъ ужасный рокъ всей силою своей
Нежданно насъ настигъ и ввергъ во тьму печали.
То праздникъ радостный былъ нашей пасхи. Вдругъ
Злодѣи въ городкѣ убійство совершили:

Тамъ христіанскаго ребенка вдругъ убили.
Кто былъ убійцею,—никто не зналъ вокругъ.
И вотъ раздался крикъ: «то, знать, Евреевъ дѣло...
Младенца кровь была для хлѣба имъ нужна!...»

Какъ небо нѣкогда въ Египтѣ потемнѣло,
И пала саранча какъ тучи пелена,—
Такъ бросился народъ и рыцари толпами
Въ разбоѣ, въ грабежѣ... Богатыхъ съ бѣдняками

Всѣхъ въ цѣпи бросили. Затѣмъ, промчался годъ,
Отецъ и Исаакъ уже свободны стали,
Пропало все у насъ, и все мы потеряли;
Лишь отчій кровъ одинъ—спасительный оплотъ

Отъ бури и дождя остался. Со смиреньемъ
Мы горе вынесли и думали: Богъ далъ,
И онъ же взялъ... Сердца надежда утѣшеньемъ
Питали мы въ тиши, и вѣры гласъ шепталъ:

Надѣйтесь, Господа во вѣки прославляя!
Но не окончилась вся мѣра бѣдъ и зла,
И Исаакова жена во гробъ сошла.
Не стану говорить о томъ, какъ я, рыдая,

Глубоко горевалъ, какъ рѣки слезъ изъ глазъ
Дочь дѣвушка лила съ отчаяньемъ мятежнымъ.
Тогда замѣтили отцы любовь межъ насъ
Со всѣмъ огнемъ ея и искреннимъ, и нѣжнымъ.

Они, благословивъ союзъ нашъ навсегда,
Насъ по библейскому закону обручили.
Значенья таинства не могъ я знать тогда,
Но сердцемъ оцѣнилъ его я въ полной силѣ:

Сказали мнѣ, что жить я съ дѣвушкою той
Отнынѣ долженъ вѣкъ, любить ее душой—
А больше ничего и не желалъ я въ свѣтѣ...
О, Боже, видящій всю глубь души моей

И вѣдающій все, что скрыто отъ людей,
Я чистъ былъ и тогда, какъ и въ мгновенья эти!
Такъ чѣмъ-же предъ Тобой, отецъ мой, согрѣшилъ,
Что гнѣвъ Твой тяжко такъ разверзнулся надъ нами?

Но словъ, простите, нѣтъ!.. Все разсказать нѣтъ силъ!...
Я говорить могу лишь горькими слезами...
Надъ нашимъ городкомъ царила тишина.
Я ужъ покоился, обвѣянъ чарой сна,

Вдругъ слышится: пожаръ! Вскочилъ я: предо мною
Испуганная мать... Она взываетъ мнѣ,
Хватая трепетно:—«Скорѣй бѣжимъ съ тобою!
Скорѣй! погибло все! Уже весь домъ въ огнѣ!»

Мнѣ памятны ея и вопль, и содраганья...
Что было далѣе,—не помню... Безъ сознанья
Я кѣмъ-то изъ огня былъ вытащенъ. Потомъ,
Чрезъ долгіе часы я на пескѣ сыромъ

Пришелъ въ себя въ степи, а на землѣ со мною
Рыдала мать моя и волосы рвала.
Отецъ и Исаакъ погибли; смерть взяла
Обоихъ въ эту ночь, и тою-же порою

Дочь Исаакова пропала; объ ней,
Увы, никто кругомъ не вѣдалъ изъ людей!..
Покинуты въ бѣдѣ стояли мы уныло.
О, это зрѣлище и камни бы смягчило,

Но люди холодно шли мимо: холоднѣй
Казались ихъ сердца безчувственныхъ камней...
И вздохи матери, и стонъ мой безъ отвѣта
Звучали, вѣтеръ ихъ въ пустынѣ разносилъ.

И скоро мать моя сошла во мракъ могилъ,
Оставивъ одного меня въ хаосѣ свѣта...
И посохъ странника ребенку данъ судьбой,
Чтобъ въ жизни идти... Зачѣмъ не къ сѣни гробовой?

Работать я хотѣлъ, пріобрѣтать, учиться,
Чтобы не нищимъ быть, а съ пользою трудиться.
Я былъ по набожнымъ обычаямъ отцовъ
Талмуду лишь ученъ, но зналъ я, что ученье

Живетъ и у другихъ племенъ и языковъ.
Учился много я. Но тщетное стремленье!
Какъ будто бы клеймо позорное виситъ
На лбу моемъ... вездѣ кричали мнѣ: ты—жидъ!

И дикій гнѣвъ тогда огнемъ объялъ мнѣ душу:
За вѣру смѣете меня вы поносить!
Я буду голодать и по міру просить
Съ сумой насущный хлѣбъ, но вѣры не нарушу!..

Чѣмъ болѣе я былъ отъ знанія гонимъ,
Тѣмъ жарче полонъ былъ стремленіемъ своимъ,
И всѣмъ Германіи прославленнымъ поэтамъ
Я несъ отъ сердца дань, согрѣтъ ихъ теплымъ
свѣтомъ.

Какою страстностью горѣла грудь моя!
Въ Германію! вызывалъ въ мечтѣ мятежной я,
Скорѣй въ Германію! Хотя бы на мгновенье
Увидѣть привелось мнѣ даже нивы тѣ,

Гдѣ мудрость возрасла въ духовной красотѣ,
И гдѣ свободное не гонятъ убѣжденье...
Не спросятъ тамъ: кто я—христіанинъ, еврей?
Увижу въ людяхъ я тамъ братьевъ и друзей,

По чувству и любви имъ буду братьевъ ближе,
Когда къ свободѣ я рожденъ, какъ и они же...
Такъ тѣшилъ я себя напрасною мечтой,
Мнѣ утѣшеніемъ въ моихъ скорбяхъ порой

Бывало дѣтскихъ дней въ душѣ воспоминанье:
Какъ будто чудное небесное созданье
Сіялъ волшебный ликъ во тьмѣ моихъ скорбей.
То дѣвушка была, что я любилъ когда-то...

Какъ юноша, ее ужъ я любилъ сильнѣй.
Съ тѣхъ поръ ужъ десять лѣтъ промчалось
безъ возврата,
И вотъ, я услыхалъ, что вы всѣхъ бѣдняковъ
На пиръ свой радостный, веселый пригласили.

О, благородный мужъ! Я зналъ, вы не забыли
Ихъ благомъ надѣлить вамъ посланныхъ даровъ.
Про свадьбу слышалъ я: съ питомицею вашей
Вашъ сынъ вступаетъ въ бракъ, и домъ вы
полной чашей

Отверзли для сиротъ, покинутыхъ дѣтей...
О, благородный мужъ! Я къ вамъ пришелъ невольно.
И,—вы повѣрите-ль?—мнѣ выговорить больно...
О, кто повѣритъ мнѣ?.. Съ невѣстою моей,

Съ подругой прежнею я встрѣтился... И кто-же,
О, кто она? Рахиль!.. ее узналъ я, Боже!
Она, которую вы взяли съ дѣтскихъ лѣтъ...
Она, уже давно оплаканная мною!

Я думалъ, что ея уже на свѣтѣ нѣтъ...
Но я узналъ ее... Узналъ я подъ фатою
Любовью блещущій взоръ дѣвственныхъ очей...
О, какъ мнѣ не узнать! Клянусь,—въ душѣ моей,—

Простите мнѣ,— клянусь,—нѣтъ дерзкаго желанья,
Иныхъ стремленій нѣтъ,—молю лишь объ одномъ:
Позвольте только мнѣ не покидать вашъ домъ,
Чтобъ видѣть иногда отрадой отъ страданья

И слышать мнѣ ее!.. Молю лишь одного!
Клянусь,—мнѣ болѣе не нужно ничего!
Не гнѣвайтесь! Къ мольбѣ приникните смиренной!
О, заклинаю васъ всевѣдущимъ Творцомъ,

Что видитъ у людей глубь мысли сокровенной,
Что зритъ на скорбь мою, съ которою челомъ,
Весь полный жаркаго и чистаго стремленья,
Я припадаю въ прахъ предъ вашею стопой

Въ порывѣ жгучихъ слезъ, съ сердечною мольбой:
Лишь слово молвите!.. Мнѣ въ немъ залогъ спа-
сенья!
Оно даруетъ жизнь, даруетъ радость мнѣ...
Вы словомъ можете меня убить вполнѣ

И ввергнуть въ бездну зла и гибели ужасной...
О, не губите-же меня рукой всевластной
И тою силою высокой и святой,
Что надо мной дана вамъ мощною судьбой!..»

Такъ молвилъ юноша, и старецъ со слезами
Прижалъ его къ груди безмолвно, и потомъ
Повелъ его онъ въ залъ, наполненный гостями.
Тамъ дочь его межъ нихъ съ окутаннымъ челомъ

Подъ свадебной фатой сидитъ передъ обрядомъ.
Рукою трепетной отецъ покровы съ ней
Снимаетъ въ этотъ мигъ съ безмолвнымъ роб-
кимъ взглядомъ.
Поставивъ юношу, онъ тихо молвилъ ей:

— «Ты знаешь-ли его»?.. Рахиль въ одно мгновенье,
Лишь тотъ приблизился, при взглядѣ на него,
Забывши все и всѣхъ, приходитъ въ восхищенье.
Она не въ силахъ скрыть восторга своего...

Къ нему на грудь она упала со слезами:
— «О, Яковъ! Это ты! Тебя узнала я!
Такъ много лѣтъ прошло разлуки между нами,
Такъ много лѣтъ прошло, какъ умерла семья,

Какъ мы родителей утратили съ тобою!..
Но помню я тебя—ты былъ... въ душѣ со мною!
О чемъ еще сказать? Разсказъ оконченъ мой:
Гдѣ говоритъ любовь,—пѣвецъ тамъ умолкаетъ.

Смываетъ жизнь людей рѣка временъ волной,
Любовь же въ вѣчности царитъ, не умираетъ.
И если солнца всѣ падутъ съ небесъ во прахъ,
Она межъ солнцъ одна останется нетлѣнной...

Пусть пламя гибели, неся и смерть, и страхъ,
Изъ адской глубины забрызжетъ по вселенной.
Она-же будетъ лить свой вѣчный свѣтъ въ вѣкахъ,
Какъ свѣтитъ и горитъ святымъ лучомъ въ сердцахъ.

И вотъ разрѣшена загадка; Моисей
Про все, что онъ узналъ, своимъ гостямъ вѣщаетъ
И рѣчь торжественно словами заключаетъ:
— «Вы знаете,—что Богъ связалъ рукой своей,—

То не расторгнется во вѣкъ людской рукой!
Мой сынъ, котораго я воспиталъ, училъ,
Предъ волей Божьею смирится пусть душою!
О, это знаю я... Въ него я душу влилъ...

А ты, мой юноша скорбящій, Яковъ милый,
Поди ко мнѣ на грудь отцовскую скорѣй!..
И отдохни, забывъ печали гнетъ унылый!..
Теперь мнѣ Богъ послалъ на радость трехъ дѣтей...»

Тутъ Яковъ увидалъ Рувимово волненье,
Борьбу его души и вскликнулъ въ то мгновенье:
— «О, нѣтъ, я не хочу печалью омрачать
Чужое счастіе и миръ души высокой!..

Пусть мучусь я одинъ,—вѣдь я привыкъ страдать...
Вамъ радость Богъ сулилъ, я-жъ путникъ одинокій»...
Рувимъ пришелъ въ себя; смущенье въ немъ прошло,
И строго молвилъ онъ, поднявъ свое чело:

— «Да будетъ Божій миръ владѣть душой моею,
Я волѣ Господа покорнымъ быть сумѣю
И твердо вынести, что Онъ мнѣ повелѣлъ...
Рахиль мою любить я буду всей душою...

Я знаю, что она была мнѣ лишь сестрою;
Сестрой и будетъ мнѣ... Я принялъ мой удѣлъ...
О, будьте счастливы! Съ сердечными слезами
О вашемъ счастіи я Господа молю!

Рахиль—ты мнѣ сестра! Ты—братъ мой! Вмѣстѣ
съ вами
Сердечную любовь я братски раздѣлю!
Сестра, дай руку мнѣ! Дай руку, братъ мой
милый!
Пусть небо васъ хранитъ своей святою силой!
Я къ свадьбѣ васъ веду, и буду счастливъ я
Любовью вашею—мой братъ! сестра моя!..»

Посвящается

милѣйшему

В. М. Терентьеву.

Діогенъ и Александръ.

Когда вездѣ искалъ напрасно человѣка
Съ угасшимъ фонаремъ философъ міровой
Въ прекрасной Греціи, прославленной отъ вѣка,
И тяжкій путь кончалъ съ поникшею главой,

Не находя нигдѣ, нигдѣ во всей вселенной,
Чего искалъ,—тогда въ пріютъ свой тихій онъ
Ушелъ и отъ людей въ пустынѣ сокровенной
Въ глубокую печаль душой былъ погруженъ

О жизни и страстяхъ съ ихъ суетной игрою,
Что къ рабству жалкому ведутъ людей порою;
Изъ бочки хижину устроилъ тамъ себѣ
Онъ безъ заботъ, смѣясь, наперекоръ судьбѣ,

Надъ всѣмъ. Но безъ заботъ, труда и утомленья
Нѣтъ въ жизни сладкаго зато отдохновенья,

И жизнь его была пустынна и грустна,
Какъ и его прiютъ: въ ней было безнадежно,

И чувство теплое не грѣло душу нѣжно,
Взамѣнъ любви была въ ней ненависть одна.
Однажды онъ сидѣлъ въ раздумiи глубокомъ
Въ своемъ причудливомъ жилищѣ одинокомъ,

Вдругъ слышитъ страшный шумъ. То грозно войско шло;
Оно упоено побѣдой было славной,
Торжественно блестя, и какъ его чело,
Былъ Македонiи предъ нимъ герой державный.

Властитель мiровой бросалъ орлиный взоръ,
Съ величьемъ падалъ онъ въ просторъ долинъ и горъ,
Къ Коринфу Александръ велъ войско величаво.
Какъ бы кометы лучъ за нимъ сiяла слава.

Народъ его встрѣчалъ ликуя, съ торжествомъ;
Осыпанъ путь его лавровыми вѣнками.
Онъ съ пылкаго коня сойдя, предъ мудрецомъ
Склоняетъ голову. Предъ грозными войсками

Съ печальной думою тотъ сумрачно глядитъ,
И высшему врагу пустыхъ волненій свѣта
Владыко міровой, садясь съ нимъ, говоритъ:
—Прими, о, Діогенъ, дань моего привѣта!

Ты въ цѣлой Греціи прославленъ мудрецомъ,
И много слышалъ я, идя съ войны, о томъ,
Какъ въ мірѣ ты блуждалъ. Почти меня бесѣдой:
Чего искалъ, мудрецъ, и что нашелъ,—повѣдай!..

Такъ молвилъ мудрому воитель міровой.
И отвѣчалъ ему врагъ суеты людской:
—Неправо въ мудрецы я возведенъ народомъ...
Великимъ ты слывешь такимъ же точно родомъ:

Легко межъ дураковъ считаться мудрецомъ...
Легко великимъ быть—гдѣ мелко все кругомъ...
О, царь! Чего искалъ я, совершивъ скитанья?
Искалъ я малаго, но не нашелъ въ пути:

Лишь человѣка я искалъ средь мірозданья,
Но то сокровище нигдѣ не могъ найти...
Въ долинахъ и поляхъ, по склонамъ выси горной
Я видѣлъ царство зла и низости позорной...

Лишь зависть видѣлъ я средь селъ и городовъ,
Злость, властолюбіе, и жадность, и пороки...
Ни искры божества нѣтъ въ сердцѣ у рабовъ,
Властители же ихъ и наглы, и жестоки...

Надъ чистотой души лукавство всюду гнетъ,
Фортуна къ хитрецу лишь только въ домъ идетъ...
Какъ будто бы раба, наука въ униженьи...
Корыстью зараженъ Платонъ, какъ будто самъ,

Нѣтъ человѣчности нигдѣ,—она въ забвеньи,
Лишь злоба съ глупостью въ союзѣ тѣсномъ тамъ...
. . . .
Я въ храмахъ чистоты искалъ благочестивой,

Но все въ когтяхъ страстей разнузданныхъ и тутъ.
Преслѣдованья духъ, духъ лицемѣрья лживый
Вполнѣ объялъ жрецовъ, которыхъ свято чтутъ...
Да, всѣмъ одинъ лишь адъ--заслуга роковая,—

Народу и жрецамъ, поверженнымъ въ развратъ...
. . . .
Я былъ въ судилищахъ, у ихъ отверстыхъ вратъ
Напрасно съ фонаремъ скитаясь и блуждая,

И на подножіи высокомъ предъ собой
Слѣпую видѣлъ я богиню тамъ съ вѣсами.
Поражена она полнѣйшей слѣпотой,
Не видитъ и судей съ ихъ грязными дѣлами,

Какъ тѣсной шайкою сплотившись, безъ стыда
Честь продаютъ они и попираютъ право...
И въ ужасѣ отъ нихъ я убѣжалъ тогда,
Стыдясь въ душѣ за нихъ... Налѣво и направо

Пороковъ тьма кругомъ толпилась тамъ и здѣсь...
Уже исполнился я жаждой бѣгства весь...
Отъ человѣчества всего спѣшилъ бѣжать я,
Съ его безправіемъ и съ правомъ поскорѣй...

Отъ самого себя... Вѣдь люди мнѣ же братья...
Съ ихъ омутомъ въ родствѣ и глубь души
моей...
О, грустно лишь въ одномъ себѣ во всей вселенной
И чистоту, и честь цѣнить душой надменной...

Любовь къ собратіямъ такъ жалко утопить,
Изъ сердца вырвавши, въ холодной, мрачной
Летѣ
И въ самолюбіи быть одному на свѣтѣ,
Прервавъ со всѣмъ живымъ связующую нить!..

Изъ городовъ и селъ бѣжалъ я въ поле, въ степи,
Гдѣ сумрачны лѣса и горъ крутыя цѣпи...
Животныхъ мирныя пасутся тамъ стада...
Отъ бѣшеныхъ людей я убѣжалъ туда.

Вдругъ, вижу я съ холма,—о, день ужасный это!—
Несмѣтныя войска, затмивъ сіянье свѣта,
Идутъ среди долинъ, среди ущельевъ горъ
И въ битвѣ пламенной встрѣчаются въ упоръ...

Какъ тучи бурныя столпились ополченья
И бросились въ огонь кроваваго сраженья...
Они кидаются въ ужасный, дикій бой...
Во образѣ людей то, мнилось, тигры были...

Съ нечеловѣческой,—звѣриною враждой
Кричали всѣ они, хрипѣли, злобно выли
И рвали съ бѣшенствомъ другъ друга на куски,
Какъ спущенныхъ звѣрей разнузданная стая...

Въ дымящейся крови по горло утопая,
Не знали отступа враждебные полки...
За трупомъ падалъ трупъ... Струями кровь алѣла...
Вотъ уничтожено изъ полчищей одно,

И побѣдителей ужъ войско порѣдѣло,
Но съ дикимъ торжествомъ воскликнуло оно...
А ты по трупамъ шелъ, вѣнчанный гордой славой,
Какъ вождь и господинъ людской рѣзни кровавой...

Тутъ въ страхѣ погасилъ я блѣдный свѣточъ свой,
Печальное лицо закутавъ съ головой...
Теперь пришли къ концу напрасныя скитанья...
Хотѣлъ благословлять, но, ахъ, теперь кляну...

За этой рѣчью вслѣдъ мигъ наступилъ молчанья,
И Александръ прервалъ словами тишину:
—«Ты правъ, мудрецъ, и всѣ укоры вѣрны эти...
Разладомъ гибельнымъ страдаетъ родъ людской,

Но будетъ иначе все скоро въ этомъ свѣтѣ,
Лишь только міръ земной всецѣло будетъ мой...
Какъ на Олимпѣ тамъ, такъ въ нашемъ мірѣ точно
Пусть власть одна царитъ незыблемо и прочно:

Всѣ силы грозныя, враждебныя тогда
Въ единство стройное сольются навсегда,
И будутъ духи зла всѣ преданы покою
Подъ всемогущею волшебника рукою...

Такъ сѣй же истину святую мощнымъ словомъ,
И на пути своемъ тернистомъ и суровомъ
Награду у меня проси за подвигъ свой»...
И циникъ отвѣчалъ, склонившись головой,

Съ улыбкой:—«Хорошо! Пріятна милость эта;
Обѣщанное я готовъ принять: лучей
Не заслоняй теперь ты солнечнаго свѣта
Отъ этой хижины,—отъ бочки ты моей.»

И царь безсмертныя сказалъ съ привѣтомъ,
Отъ бочки отойдя, гдѣ Діогенъ сидѣлъ:
«Когда бъ не Александръ я былъ на свѣтѣ этомъ—
Я бъ Діогеномъ быть хотѣлъ»...

Д у м а.

Какъ дорого мы цѣнимъ жизнь отъ рожденья!
Всего намъ дороже она...
Намъ данъ отъ природы инстинктъ сохраненья,
А жизнь небесами дана.

Мы смерти боимся, какъ пугала дѣти,
Мы бьемся за мигъ бытія.
И такъ-же какъ мы жаждетъ жизни на свѣтѣ
Всѣхъ созданныхъ тварей семья...

Природы законъ неизмѣненъ отъ вѣка,
Мы—силы стихійной рабы,
Но что-то другое въ душѣ человѣка
Есть выше стихійной борьбы.

Есть искорка неба, есть искра святая,
Что Господомъ Богомъ дана,

Намъ свѣтитъ она, изо мрака блистая,
Предъ нею и смерть не страшна.

Она -къ упованьямъ, къ завѣтной молитвѣ
Зоветъ изо мрака тѣней,
Подъ знаменемъ правды мы въ жизненной битвѣ
Падемъ какъ герои при ней.

При ней мы не знаемъ ни смерти, ни страха,
Мы полны священнымъ огнемъ,
Изъ области тлѣнья, изъ области праха
Мы къ Божьему свѣту грядемъ.

Хаосъ вѣковѣчный кипитъ во вселенной,
За жизнь безконечна борьба,
И къ жизни земной, проходящей и тлѣнной
Привязано сердце раба.

Но свѣтлая Божія искра сознанья,
Гдѣ благостный лучъ не угасъ,
Ведетъ насъ къ надеждѣ изъ мрака страданья,
Героями дѣлаетъ насъ.

Свой вѣчный, таинственный свѣтъ разливая,
Она упованье даетъ,

Что жизнь вѣковѣчная, жизнь міровая
За жизнью земною насъ ждетъ.

Такъ древле Израиля степью безлюдной
Столбъ огненный велъ и въ ночи,
Въ обѣщанный Богомъ край счастливый, чудный
Священные звали лучи.

Яблоня и Осина.

Я молвилъ яблонѣ, что́ вся въ плодахъ сверкала:
«Что ты безмолвна такъ, тиха въ сіяньи дня?»
—«Нѣтъ надобности мнѣ въ рѣчахъ,» — она сказала,—
«Плоды ужъ молвятъ за меня»...

Затѣмъ, стоявшую безплодною осину предъ собою
Спросилъ я: «что шумишь ты цѣлый день листвою?»
—«Когда-бъ мнѣ не шумѣть»,—та молвила въ отвѣтъ,
«Меня забылъ бы цѣлый свѣтъ»...

Богъ и народъ.

Молюся я Богу, и сердцу порой
Въ молитвѣ отрада святая,
И землю кроплю я горячей слезой,
Мольбу къ небесамъ возсылая.

Но свято душою чту Господа я,
Хоть Имъ я обиженъ, быть можетъ,
И жалокъ удѣлъ мой въ кругу бытія,
И душу кручина мнѣ гложетъ.

Но Господа Бога я пламенно чту
Всѣмъ сердцемъ и всею душою,
О времени лучшемъ лелѣя мечту
Въ смиреньи, съ молитвой святою.

Народъ мой! Я такъ-же люблю и тебя,
Хотя и тобой я обиженъ,

Хотя и страдаю я въ жизни, скорбя,
Ничтоженъ, и слабъ, и униженъ.

Но все-же, народъ мой, твой сынъ я и самъ
И связанъ сердечно съ тобою,
И все-жъ за тебя отъ души къ небесамъ
Исполненъ я теплой мольбою.

Божье всевѣдѣніе.

Твой разумъ ничтоженъ, мыслитель земной,
Ты тщетно лелѣешь стремленье
Извѣдать всѣ тайны пытливой душой:
Удѣлъ твой—одно заблужденье.

Не сыпь же превыспренно-гордыхъ рѣчей.
Знай, скромнаго полный сознанья,
Что вѣдаетъ скрытое все отъ людей
Одинъ Онъ, Творецъ міpозданья.

Онъ знаетъ Одинъ вѣковѣчныхъ свѣтилъ
Пути въ небесахъ и вращенье,
И свѣтлому солнцу Онъ самъ начертилъ,
И кроткой лунѣ ихъ теченье.

Одинъ, вездѣсущій, все вѣдаетъ Онъ:
Бездонную глубь океана,

Надъ ней безпредѣльный вверху небосклонъ.
И тучи, и нѣдра тумана,

Гдѣ-въ люлькѣ небесной покоится громъ,
Гдѣ молній перуны куются,
Откуда къ намъ сыплется дождь серебромъ.
И вольные вѣтры несутся;

Откуда идутъ къ намъ зима и весна,
Приходитъ заря золотая,
Гдѣ въ звѣздномъ чертогѣ луна
Серпочкомъ надъ міромъ блистая...

Одинъ только вѣдаетъ Онъ съ высоты
Земныя глубокія нѣдра.
Откуда выходятъ малютки-цвѣты,
Что Имъ-же разсыпаны щедро;

Откуда на нивѣ колосьевъ семья
Сосетъ животворные соки,
Одинъ только вѣдаетъ Онъ бытія
Всѣ тайны, что дивно глубоки.

И даль позабытыхъ минувшихъ вѣковъ,
И даль ожидаемыхъ нами,

И все, что таинственный, чудный покровъ
Скрываетъ у насъ предъ очами;

Великихъ событій безвѣстную цѣль
И весь механизмъ мірозданья,
Къ чему дней грядущихъ кропить колыбель
Былыми слезами страданья?..

Смирись-же со знаніемъ жалкимъ своимъ,
Но къ истинѣ полный стремленья,
Пади передъ Богомъ, склонись передъ Нимъ,
Прося у Него откровенья!..

Барыня-глупость.

Лишь только вполнѣ завершилъ мірозданье,
Какъ молвитъ легенда, Зевесъ,—
Вдругъ барыня-Глупость къ нему на свиданье
Явилась въ чертоги небесъ.

— «Обижена я, Громовержецъ, тобою!»—
Съ упрекомъ сказала она,—
«Дары ты разсыпалъ всещедрой рукою,
Вселенная ими полна:

Разсыпалъ славу и счастье земное
Въ веселомъ кругу бытія,
Тѣмъ разумъ, обилье другимъ золотое,
Одна лишь обижена я».

«Ну, ладно!»—промолвилъ Зевесъ добродушно,—
«Подарокъ я дамъ и тебѣ:

Все,—рано ли, поздно ли,—смерти послушно,
Умретъ по всеобщей судьбѣ;

Ты-жъ, Глупость, будешь безсмертна во вѣки»!
Исполнилъ Зевесъ уговоръ,
И барыня-Глупость живетъ въ человѣкѣ,
Издревле живетъ до сихъ поръ...

Жажда знанія.

«Этотъ ящикъ музыкальный,
Что прелестно такъ игралъ,
Ты испортилъ и на части
Разломалъ и разобралъ...

Эхъ, шалунъ неосторожный»!..
Такъ, сердясь, ворчитъ отецъ,—
«Ты ломалъ вещицу эту
И испортилъ наконецъ!..»

— «Нѣтъ»,—съ прямымъ, спокойнымъ взглядомъ
Грѣшникъ маленькій сказалъ,—
«Не нечаянно—нарочно
Я машинку разобралъ.

Тамъ звучало такъ прелестно,
И хотѣлось мнѣ узнать:

Что за музыка тамъ скрыта?
Что тамъ можетъ такъ играть?

Это былъ вѣдь твой подарокъ,
И сломать я могъ его.
Только жаль—собрать не въ силахъ,—
Не выходитъ ничего...»

И отецъ шутя смѣется:
«Долженъ я простить, мой сынъ,
Но впередъ при жаждѣ знанья
Ты изслѣдуй не один ъ.

Прежде мнѣ скажи объ этомъ,
Помогу охотно я,
Чтобъ не стала мнѣ въ убытокъ
Жажда знанія твоя...»

Мужъ и жена.

Мы съ супругою моею—
Будто сода съ кислотою:
Если мы не вмѣстѣ съ нею,—
Тихи мы порою тою.

Но сойдемся только разомъ,
Дѣло тутъ другого рода:
Зашипимъ какъ будто газомъ—
Кислота и вмѣстѣ сода.

Чѣмъ мы будемъ по смерти?

Никто изъ-за могильной тьмы
Вновь не являлся къ мірозданью.
Чѣмъ будемъ послѣ смерти мы
За нашей жизненною гранью?

Намъ ни одинъ мудрецъ земной
На тотъ вопросъ не дастъ отвѣта.
Ужели въ области иной,
Изъ лона суетнаго свѣта

Уйдя во тьму нѣмыхъ могилъ,
Ничѣмъ мы въ мірѣ тлѣнья станемъ,
Утративъ блескъ угасшихъ силъ,
Въ небытіе безслѣдно канемъ?

А простъ отвѣтъ: мы будемъ тѣмъ,
Чѣмъ были прежде до рожденья,
Но быть не можемъ мы ничѣмъ...
Вѣковъ минувшихъ поколѣнья

Такъ живы въ памяти у насъ,
Жива Эллада передъ нами,
И Римъ блестящій не угасъ,
И пирамиды съ именами

Ихъ фараоновъ, ихъ царей
Гласятъ потомкамъ изъ-за дали
Про жизнь минувшую людей;
Блестятъ исторіи скрижали

Дѣлами дальней старины...
Безсмертны прадѣды и дѣды...
Звучитъ какъ эхо громъ войны,
Звучатъ какъ эхо ихъ побѣды.

Итакъ, тѣлесный скинувъ прахъ,
Они все живы и не вянутъ,
И будутъ жить въ другихъ вѣкахъ,
Когда они чредой настанутъ.

Такъ вѣчно будемъ жить и мы,
Когда нашъ вѣкъ падетъ въ обломки,—
Изъ праха и могильной тьмы
Насъ къ жизни вызовутъ потомки...

Заплаканы глазки твои.

Заплаканы глазки твои, дорогая,
И взоръ отуманился твой.
Скажи, кѣмъ обижена ты, и какая
Печаль приключилась съ тобой?

Но плачетъ-ли милая, или смѣется—
Прекрасна она, все равно...
Такъ небо все-жъ небомъ для насъ остается,
Хотя бы и въ тучахъ оно...

Любитъ-ли?

Любитъ ли меня она?
Говоритъ мнѣ все объ этомъ:
Поцѣлуй ея съ привѣтомъ,
Милыхъ взоровъ глубина,

Вздохъ невольный и мятежный
И пожатье ручки нѣжной.
Лишь молчанiе тая,
Ротикъ не далъ мнѣ отвѣта.
Доказательство и это:
Значитъ, любитъ! Знаю я!

Хлѣбъ насущный.

Полны амбары по милости неба,
Полны въ избыткѣ своемъ золотомъ,
Только у бѣднаго часто нѣтъ хлѣба...
Вспомни, богатый, о томъ!

Купленъ цѣной онъ рабочаго пота,
Купленъ цѣною всѣхъ силъ бѣдняка.
Бѣдные молятъ, была бы работа,
Какъ ни была-бы тяжка...

Много усилій, а хлѣба немного...
Черенъ и хлѣбъ, да и доля черна,
Бѣдностью дѣти воспитаны строго,
Ихъ не балуетъ она.

Хлѣбу-же. бѣдныхъ, однако, всещедро
Благословеніе шлютъ небеса,

Добры земныя кормящія нѣдра,
Въ каждомъ зернѣ чудеса:

Хватитъ по ломтику всѣмъ, безъ сомнѣнья,
А старики будутъ сыты и тѣмъ—
Только-бы дѣти не знали мученья,
Хлѣба достало-бы всѣмъ...

Черствый у бѣдности хлѣбъ: оттого-то
Мочатъ слезами его старики.
Если-же силы отниметъ работа
Въ мышцахъ изсохшей руки,

На костыляхъ и согбенной спиною
Старость уже не способна къ труду,—
Тутъ подаяніе кормитъ порою
Хлѣбомъ насущнымъ нужду...

Полны амбары по милости неба,
Полны въ избыткѣ своемъ золотомъ...
Только у бѣднаго часто нѣтъ хлѣба...
Вспомни, богатый о томъ!..

Безъ креста.

I.

Могила вырыта. Кого положатъ въ ней?
Могильщикъ пѣсенку тихонько напѣваетъ
И съ нетерпѣніемъ ждетъ гостя поскорѣй.
Вотъ и шаги; песокъ при шумѣ ихъ спадаетъ

Отъ сотрясенія, а межъ рядовъ могилъ
Какъ будто-бы спѣшитъ покойникъ съ малой свитой.
Что значитъ? Для чего сюда онъ поспѣшилъ,
Какъ будто къ цѣли онъ торопится избитой?

II.

Вотъ и носильщики свалили гостя съ плечъ,
Онъ мирно спитъ въ гробу некрашеномъ, сосновомъ,
Домъ тѣсный мертвеца никто не могъ облечь
Ни шелкомъ, ни парчей, ни блещущимъ покровомъ.

Во слѣдъ идетъ вдова; она истощена
Отъ голода, нужды, со впавшими щеками,
Не служатъ слезы ей,—такъ жалкая бѣдна.
Вкругъ ней ребенка два и тощими руками
За платье держатся, льютъ слезы объ отцѣ,
И больше никого при бѣдномъ мертвецѣ.

III.

Здѣсь даже нѣтъ Того, кто радость утѣшенья
И милости святой всѣмъ страждущимъ даетъ,
Кто и отверженныхъ съ любовью всепрощенья
И съ милосердіемъ въ покой земли ведетъ;

На гробѣ даже нѣтъ священнаго символа
Спасенія людей, креста святого нѣтъ,
Служитель Божій тутъ не вымолвитъ глагола
Въ напутствіе тому, кто бросилъ этотъ свѣтъ.

IV.

Распятый. Гдѣ-же Ты? Носильщики, кончая
Работу наскоро, здѣсь шутятъ межъ собой;
Слышна и пѣсенка могильщика пустая,
Какъ будто-бы въ отвѣтъ на тихій стонъ съ мольбою

Вдовы съ ея дѣтьми... Слезамъ разлуки вѣчной
Звучитъ навстрѣчу смѣхъ и грубый, и безпечный.
Спустили въ яму гробъ, стоптали плотно прахъ,
Уже проворная лопата въ ихъ рукахъ

И холмикъ сдѣлала... Все кончено, готово,
И вотъ они кричатъ нахально и сурово:
— «Довольно! Плакать вамъ и выть приспѣетъ часъ.
Давайте намъ разсчетъ! Ждать нѣкогда намъ васъ!..»

V.

И вотъ они ушли безъ слезъ скорѣй со смѣхомъ,
Чтобы предаться вновь обыденнымъ потѣхамъ.
Здѣсь человѣка-ли въ могилу погребли,
Иль бѣшеннаго пса зарыли въ глубь земли?

Несчастная вдова! Подъ бременемъ мученья
Не о преступникѣ-ль ужасномъ плачешь ты,
Которому самъ Богъ не могъ-бы дать прощенья,
Не могъ-бы сжалиться къ злодѣю съ высоты?

VI.

— Нѣтъ, лучшаго Господь не создалъ во вселенной!
Вся жизнь его была—рабочій день одинъ.
Для насъ онъ день и ночь свершалъ свой неизмѣнный,
Свой непосильный трудъ подъ бременемъ кручинъ...

О, незнакомы вы съ тѣмъ тягостнымъ мученьемъ,
Что терпятъ бѣдняки съ покорностью къ ярму!
Могли-ль мы мертвеца почтить надгробнымъ пѣньемъ?
И даже крестъ мы не могли купить ему!..

VII.

Какъ! Правду-ль слышу я? Оставьте угрызенья,
Отрите слезы вы! Почту я мертвеца,
И даромъ я ему пошлю благословенье:
Не Божій-ли глаголъ порой въ устахъ пѣвца?

Не только съ алтаря Господь вселенной правитъ,
Онъ сходитъ на землю средь плачущихъ дѣтей.
Не только жрецъ Его въ блестящей ризѣ славитъ,
Но даже вѣтерокъ изъ шепчущихъ вѣтвей.

VIII.

Жена! твой мужъ носилъ тяжелый крестъ при жизни,
Къ престолу Судіи, Владыкѣ своему,
Его повергнетъ онъ въ таинственной отчизнѣ,
И провѣщаетъ Богъ-Отецъ тогда ему:

—«Приди, мой вѣрный рабъ! Тебя здѣсь ждетъ награда!»
Да, пусть надгробный клиръ не пѣлъ надъ мертвецомъ,
Пускай онъ погребенъ безъ пышнаго парада,
И рѣчь надгробная не сказана при томъ,

Но слезы ваши тамъ объ немъ, жена и дѣти,
Какъ перлы чудные блеснутъ въ загробномъ свѣтѣ!..
Пусть образа тутъ нѣтъ надъ гробомъ въ этотъ часъ...
Спаситель видитъ насъ, незримо между насъ...

Онъ самъ страдалъ одинъ, міръ окропивши кровью,
Ко всѣмъ отверженнымъ исполненъ Онъ любовью...

Когда Онъ на крестѣ въ мученьи умиралъ,
И погребли Его,—толпа не провожала,
Благословенія священникъ не давалъ,
И тōлько Мать одна тогда надъ Нимъ рыдала...

Вездѣсущіе Божіе.

Богъ въ высотѣ!
Яркихъ свѣтилъ милліонъ надо мною,
Неугасимыя солнца толпою,
Странствуя въ небѣ, вѣщаютъ мечтѣ:
Богъ въ высотѣ!

Богъ въ глубинѣ!
Бурнаго моря кипучія волны,
Нѣдра земли скрытымъ пламенемъ полны,—
Все говоритъ о Создателѣ мнѣ:
Богъ въ глубинѣ!

Богъ вдалекѣ!
Бурные вѣтры дубраву и колосъ
Въ полѣ волнуютъ; далекій ихъ голосъ
Славитъ Творца надъ волною въ рѣкѣ:
Богъ вдалекѣ!

[177]

Богъ! Ты со мной!
Что мнѣ искать Тебя въ выси лазурной,
Между звѣздами, въ пучинѣ-ли бурной?
Въ сердцѣ моемъ слышу голосъ святой:
Здѣсь Ты, со мной!..

Черезъ несчастье—счастье.

Два друга встрѣтилися гдѣ-то,
Пробывъ въ разлукѣ много лѣтъ,
Они исполнены привѣта,
И вотъ конца разспросамъ нѣтъ.

«Ну, какъ ты, милый, поживаешь?
«Теперь откуда и куда,
«Здоровъ-ли? Гдѣ-то обитаешь?
«Я слышалъ, ты женился?»—«Да».—

«О, поздравляю всей душой!»
—«Не торопись... Моя жена
«Съ противной фуріей лихою
«И тѣломъ, и душой сходна.»—

«Ахъ, вотъ несчастіе какое!
«Я о судьбѣ скорблю твоей!..»

—«Постой... Приданное большое
«И капиталъ я взялъ за ней.»—

«А, капиталъ! Я радъ! Прекрасно!..»
—«Постой! не поздравляй напрасно:
«Я на него купилъ овецъ,
«Но овцы тѣ большою частью

«Все падали, и по несчастью,
«Все стадо сгибло, наконецъ».—
«Ахъ, Боже мой, бѣда какая...»
—«Постой, бѣда тутъ небольшая:

«Я продалъ шерсть съ нихъ съ барышомъ.»—
«О, счастье въ случаѣ такомъ!..»
—«Ну, не совсѣмъ... тутъ счастья мало:
«Сгорѣлъ до тла мой цѣлый домъ,

«А въ немъ и деньги капитала,
«Да и бумаги всѣ при томъ...»—
«Вотъ горе страшное! О, Боже!»
—«Молчи: бѣда не такъ страшна».—
«Какъ не страшна?»—«Да съ домомъ тоже
«Сгорѣла къ счастью и жена...»

Бесѣда философа съ Богомъ.

Разъ къ Господу чудакъ философъ
Съ мольбой наивной и простой,
Весь полный мiровыхъ вопросовъ,
Рѣшился дать ему такой:

—«Прости за мой вопросъ нескромный,
Что теменъ такъ душѣ моей;
Я знаю цѣлый мiръ огромный
Ты сотворить успѣлъ въ 6 дней,

А чтобы крошку человѣка,—
Творенье малое создать,
Конца труда велишь отъ вѣка
Ты девять мѣсяцевъ намъ ждать?..

—«Ты глупъ, замѣчу не въ обиду,
Ужъ не взыщи»,—тутъ былъ отвѣтъ,

—«Ты судишь о вещахъ по виду,
Когда объ нихъ понятья нѣтъ...

Тебѣ міровъ созданье чудно,
А мнѣ творить ихъ ничего,
Но человѣкомъ сдѣлать трудно
Хоть человѣка одного.

***

Я создалъ Францію. милліонамъ
Тамъ далъ я силу бытія,
Но встрѣтившись съ Наполеономъ,
Его не передѣлалъ я.

Германію, что обезьяну,
Какъ говорятъ, изобрѣла,
Легко безъ всякаго изъяну
Моя десница создала.

Лишь канцлеръ Бисмаркъ, графъ желѣзный,
Не измѣненъ нисколько мной.
И трудъ пропалъ мой безполезный.
Вотъ потому въ странѣ земной,

Младенцевъ новыхъ создавая,
Я девять мѣсяцевъ держу,
Чтобъ допекались, созрѣвая,
Пока Я путь имъ укажу.

Какъ будто-бы въ котлѣ жаркое
Держу подъ прессомъ ихъ, въ тѣни,
Въ утробѣ матери, въ покоѣ,
Чтобъ вышли лучшими они...

И если сынъ земли порою
Выходитъ въ сферу бытія
Съ недопеченною душою
Не виноватъ, конечно, Я...

Не виноватъ Я передъ свѣтомъ,
Тутъ замѣшался сатана,
А то, вѣрнѣй всего, что въ этомъ,
Должно быть, женщины вина...»

Висла и Плейса.

(На смерть князя Іос. Понятовскаго).

Висла.

Я сына славнаго вспоила,
Среди геройскихъ сыновей
Избранникъ онъ; въ немъ мощь и сила.
Онъ въ битвѣ средь чужихъ полей.
Вотъ бой затихъ; съ полей сраженья
Идутъ соратники домой.
Но гдѣ же Іосифъ? Ополченья
Проходятъ мимо... Гдѣ жъ герой?
Потоки! Гдѣ мой сынъ любимый,
Питомецъ славы и войны?
Гдѣ онъ, герой, руководимый
Звѣздою отчей стороны?

Плейса.

Мой взоръ питомца Вислы встрѣтилъ,
Гдѣ кровь струилась на войнѣ...
Какъ Марсъ, отваженъ, гордъ и свѣтелъ
Онъ былъ на боевомъ конѣ.
Онъ храбро бился надъ волною
Вверху прибрежной крутизны;
Но отъ людской руки герою
Погибнуть не далъ Богъ войны:
Герой нашелъ, упавъ съ обрыва,
Могилу влажную въ волнѣ,
Оставивъ славу горделиво
Въ залогъ родимой сторонѣ...

Висла.

Такъ палъ герой?.. Вы, струи, волны,
Рыдайте, пойте вы грустнѣй.
Плещите съ вѣстію своей
О берега, печалью полны,
Всѣмъ странамъ. Пусть и долъ, и боръ
Зеленый скинутъ свой уборъ,

Одѣвшись трауромъ печали...
Неси, о, вѣтеръ, изъ-за дали
Ты вѣсть ужасную свою:
Іосифъ славный палъ въ бою...

Плейса.

Моя волна! звучи ты нѣжно
Струей хрустальной безмятежно...
Гдѣ польскій вождь вкусилъ покой,—
Тѣхъ мѣстъ не омрачай тоской.
Цвѣти, прибрежье, въ честь герою,
Что блещетъ славой мировою...
Зефиръ! Чуть трепеща крыломъ,
Порхай нѣжнѣй на мѣстѣ томъ,
Что не забудется вѣками,
Здѣсь гробъ героя подъ волнами...

Переселенцы.

Готовъ корабль, играютъ паруса,
Журчитъ волна, попутный вѣтеръ вѣетъ,
Сочувственно синѣютъ небеса,
И солнца лучъ морскую глубь лелѣетъ.

На пристани толпящійся народъ...
Прощальныя лобзанья и рыданья...
Сейчасъ корабль скользнетъ по лону водъ
Въ далекій край, прервавъ тоску прощанья...

Разлуки мигъ... А вы, а вы куда?
Вы, бѣдняки! Какъ блѣдны ваши лики!
Отмѣтили ихъ горе и нужда,
Ясна печать, слѣды скорбей велики...

А все-жъ, куда спѣшите вы
Отъ родины въ далекій край изгнанья?

Съ отчизною прощаетесь, увы...
Вы ищете вдали обѣтованья...

Вы ищете цѣленья отъ скорбей
Въ чужой странѣ, сказавъ прости отчизнѣ;
Родной очагъ покинувъ и друзей
Для новыхъ благъ, для новой лучшей жизни...

Но вы народъ своей родной страны,
Вы связаны и плотью съ ней и кровью,
И вы служить отечеству должны,
И чтить его съ покорною любовью...

Вы—нація! Но въ дальніе края
Отъ родины бѣжите въ край изгнанья...
Такъ я сказалъ. Тутъ синяя струя
Плеснула вдругъ въ послѣдній мигъ прощанья.

Корабль, отплывъ, ушелъ въ далекій край,
Сквозь паруса мерцаетъ солнце свѣтомъ,
И слышится мнѣ съ палубы: прощай!
И слышится мнѣ будто-бы отвѣтомъ:

«Взгляни на насъ,—какъ мы изнурены,
Какъ были мы въ странѣ родимой нищи,

Какъ были мы влачить ярмо должны
Изъ-за куска насущной, скудной пищи...

И даже трудъ, тяжелый трудъ сверхъ силъ
Не всѣмъ изъ насъ доступенъ былъ порою...
Тяжелый рокъ здѣсь многихъ угасилъ,
И многіе здѣсь подъ землей сырою...

Прощай, прощай! Мы можемъ ли назвать
Отечествомъ страну, гдѣ мы страдали?
Гдѣ милости чужда намъ благодать,
Лишь камни гдѣ намъ вмѣсто хлѣба дали...

Прощай, прощай! Небесъ далекихъ сводъ
Не взглянетъ ли добрѣй на насъ, быть можетъ?
Пускай судьбой отверженный народъ
Довольныхъ здѣсь и сытыхъ не тревожитъ.»

Такъ слышится прощальный мнѣ привѣтъ,
Корабль исчезъ въ лазуревомъ просторѣ,
Синѣетъ даль, закатный меркнетъ свѣтъ,
И тихо ночь окутываетъ море.

Нашъ вѣкъ.

О, гордый разумъ нашъ, кичливый, величавый!
Предъ суетой твоей, пустою, внѣшней славой,
Предъ позолотою мишурною твоей,
Скрывающей внутри народныя страданья,

Не облегченныя съ начала мірозданья,
Порой мнѣ кажется, что лучше для людей
Вернуться къ старинѣ, ко днямъ патріархаль-
ньмъ,
Когда священная царила простота?

Не лучше-ль было жить? Въ стремленьи идеаль-
номъ
Въ вѣка минувшіе уносится мечта.
Но то лишь призракъ пустого обольщенья...
Мы можемъ-ли опять вернуться къ старинѣ

И бросить всѣ плоды великаго ученья,
Чтобъ съ дикарями стать простыми наравнѣ?
Цивилизаціи блистательнымъ побѣдамъ
Мы можемъ ли сказать: долой! Не нужно васъ!

И возвратиться вспять къ невѣжественнымъ дѣдамъ?
Цивилизаціи богатый весь запасъ,
Усильемъ геніевъ добытый и вѣками,
Мы можемъ-ли попрать съ безпечностью ногами?

О, нѣтъ! Къ прошедшему теперь возврата нѣтъ!
Впередъ, впередъ зоветъ мышленья яркій свѣтъ!
Впередъ зоветъ людей святая мощь науки,
Но только пусть она цѣлитъ людскія муки

И разольетъ свой свѣтъ вездѣ для всѣхъ людей,
Не украшая міръ лишь внѣшней позолотой,
Но пусть исполнится великою заботой,
Чтобы огонь ея блистающихъ идей

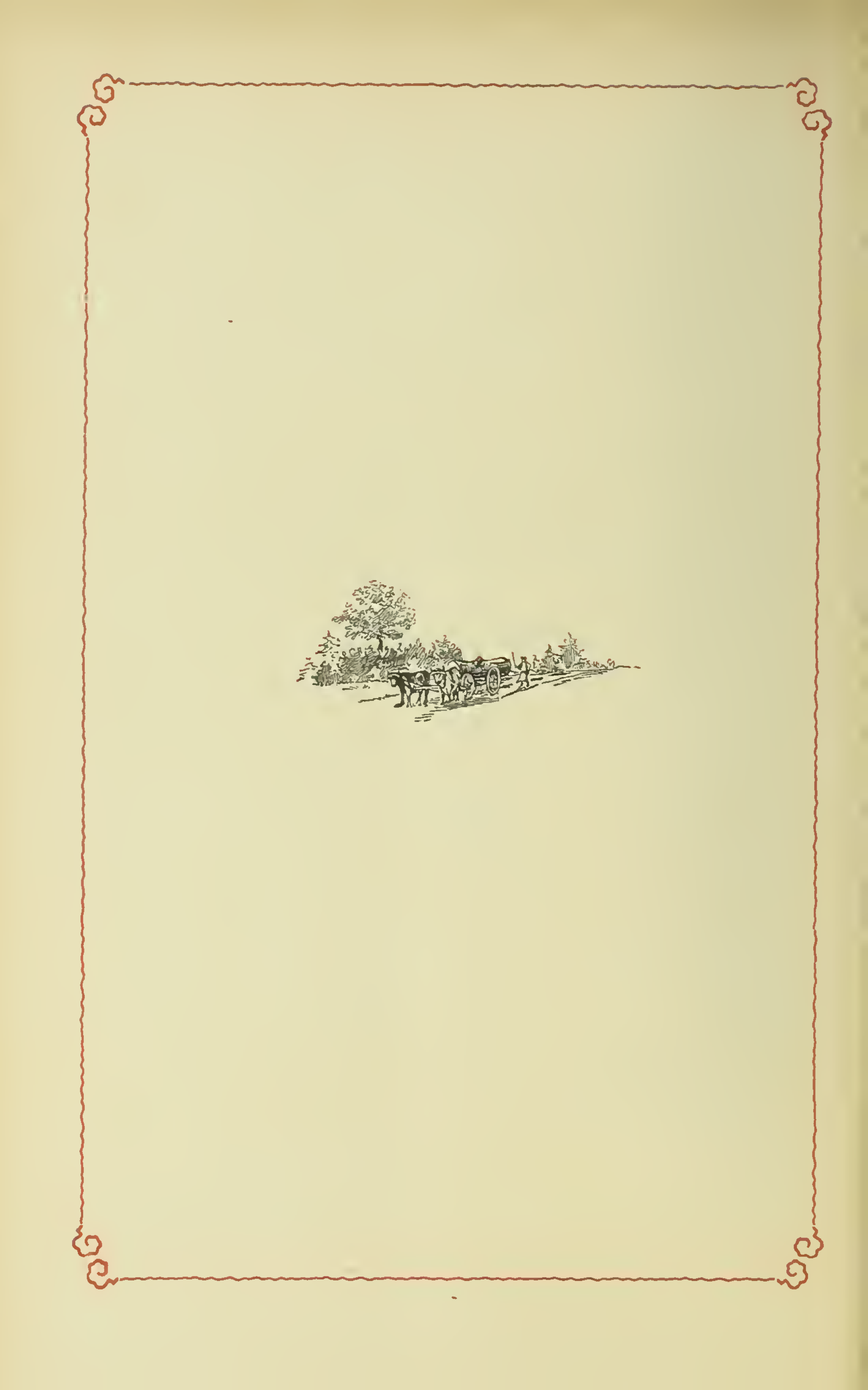
Не фейерверкомъ былъ, съ его игрой потѣшной,
Что ослѣпляетъ насъ, но пусть во тьмѣ кромѣшной
Она прольетъ свои отрадные лучи
Во тьмѣ невѣжества, въ сіяющей ночи.

Пускай она въ нашъ міръ, облитый братской
кровью,
И потомъ трудовымъ, и горькихъ слезъ рѣкой,
Привѣтно поглядитъ младенцу къ изголовью
И горькой старости отрадный дастъ покой.

Когда весь гнетъ скорбей, какъ бремя, въ вѣч-
ность канетъ,
И успокоится отъ бѣдствій человѣкъ,
Вкусивъ любовь и миръ, лишь въ эти дни на-
станетъ
Счастливый, золотой, грядущій, новый вѣкъ!

Посвящается
моему якорю спасенія
Э. Д. Мейеру.

Харбинъ,
въ маѣ 1904 года.



Птичка.

Знаю я чудную птичку одну,
Всѣ ее гонятъ по свѣту,
Били и гнали ее въ старину,
Гонятъ въ эпоху и эту.
Только прогнать невозможно ее...
Птичка въ презрѣньи у люда,
Лишь погляжу—удивленье мое:
Какъ не убили покуда?

Мучаетъ всякій ее, а она
Въ жизни отъ этихъ мученій
Крѣпнетъ и силъ обновленныхъ полна,
Новыхъ надеждъ и стремленій.
Всюду готовятъ ей тягостный гнетъ,
Но неизмѣнна надеждѣ,
Птичка свободно и громко поетъ
Старую пѣсню, какъ прежде.

Цѣлились въ птичку стрѣлковъ цѣлый рой,
Но хоть стрѣляли и мѣтко,—
Птичекъ другихъ убивали порой
Острыя стрѣлы нерѣдко,
Перышко вырвать у птички одно
Стрѣлъ неисчислимыхъ стоитъ.
Кѣмъ тебѣ, птичка, спасенье дано?
Кто тебя въ жизни покоитъ?

Молви, пѣвунья, какая въ тебѣ
Чудная сила святая,
Что охраняетъ въ бѣдѣ и борьбѣ?
Ножки-ль, моя дорогая,
Ножки-ль спасаютъ скакунью отъ бѣдъ?
Крылышки что ли такія,
Въ мірѣ которымъ подобныхъ и нѣтъ?
Можетъ быть, птички другія

Ихъ не имѣютъ? Дай въ глазки взгляну:
Нѣтъ ли въ нихъ чуднаго свѣта?
О, заглянулъ бы я въ ихъ глубину,
Божьимъ огнемъ ты согрѣта?
Иль изъ матеріи что ли другой
Ты во всемірной отчизнѣ,

Вѣчно спасаясь отъ гибели злой,
Вѣчно наполнена жизни?..

* * *

„Правда, высокъ мой свободный полетъ,
Правда, что въ битвахъ тверда я,
Но мнѣ не счастье слѣпое везетъ,—
Есть тутъ причина другая.
Вотъ почему я прочна и крѣпка
Въ мірѣ невзгодъ и страданья:
Вѣра святая во мнѣ глубока,
Тверды мои упованья.

* * *

„Вѣрь мнѣ, что крылья мои не прочнѣй,
Въ жизни съ другими сходна я,
И не красивѣй сіянье очей,
Но справедливость святая
Есть у меня, и храню я въ себѣ
Вѣчнаго права сознанье,
Твердо вынослива въ вѣчной борьбѣ
Переношу я страданье.

Мнѣ ни почемъ и нужда и печаль,
Я лишь смѣюсь надъ стрѣлками

И уношусь надъ народами вдаль,
Смѣло лечу надъ вѣками...
Богъ мой! Народъ мой! Вотъ пѣсня моя,
Старая пѣсня святая,
Ей, какъ мелодія, средь бытія
Вторитъ «Аминь» отвѣчая...

Легко другимъ давать совѣтъ.

Легко другимъ давать совѣтъ
Не нужно и ума.
Кишитъ совѣтчиками свѣтъ,
И ихъ повсюду тьма.

Но самому себѣ подать
Подчасъ совѣтъ благой,—
Чужда такая благодать
И мудрецу порой....

Въ своемъ самолюбіи.

Въ своемъ самолюбіи выше людей
Себя мы нерѣдко возносимъ,
Почтенья ко мнимой гордынѣ своей
У нихъ мы настойчиво просимъ.

Но тѣмъ мы себя унижаемъ самихъ,
Тщеславясь дѣлами своими...
Что-жъ надо, чтобъ сдѣлаться выше другихъ,
Въ величіи стать между ними?

Ты хочешь ли чести и славы святой
Высоко надъ міромъ и вѣкомъ?
Гдѣ такъ человѣчности мало простой,
Воистину стань человѣкомъ.

Пусть благіе сіяютъ законы.

Пусть благіе сіяютъ законы.
Если-жъ грубая сила нужна,—
Мало въ ней ото зла обороны,
И защита ея не важна:

Все же будутъ вездѣ преступленья,
Все же будетъ гнѣздиться порокъ.
Эти кары и мѣры храненья
Не похожи-ль на крѣпкій замокъ?

Какъ бы ни были крѣпки запоры,—
Лишь задремлетъ хозяинъ въ ночи,
Къ намъ домашніе ловкіе воры
Подобрать ухитрятся ключи...

Въ предѣлы дальніе.

Въ предѣлы дальніе я указалъ, что всюду
Законы естества со всей ихъ простотой
Царятъ незыблемо, а сказочному чуду
И мѣста въ мірѣ нѣтъ... А все же гласъ святой

Изъ глубины души таинственно вѣщаетъ,
Что чудо Божіе въ самомъ законѣ томъ...
Пусть геній знанія намъ ярко освѣщаетъ
Какъ совершаются въ порядкѣ ихъ простомъ

Всѣ таинства, загадки и явленья,
Но и законъ простой вѣдь міру Богомъ данъ,
И въ свѣтѣ зиждется все волей Провидѣнья...
Пускай разсѣется незнанія туманъ,

И сказки старыя пусть намъ смѣшными станутъ,
Но этихъ сказокъ всѣхъ чудеснѣй простота

Законовъ міровыхъ... Во вѣки не увянутъ
Цвѣты поэзіи, и чувство, и мечта...

Нѣтъ, геній знанія не врагъ небесъ коварный,
А сынъ святыхъ небесъ, благой посланникъ ихъ,
Чтобъ людямъ освѣщать звѣздою лучезарной
Стремленіе впередъ на ихъ стезяхъ мірскихъ.

Онъ въ клирѣ ангеловъ предъ Божіимъ престо-
ломъ,
Любимый сынъ небесъ, самъ Богъ даетъ ему
Святыя искорки, чтóбъ надъ туманнымъ доломъ
Онъ людямъ сѣялъ ихъ въ невѣжество и тьму.

Дѣти и Пасынокъ.

Вы говорите, что вашей отчизнѣ
Преданы всею душой.
Странно ли? Ею вы вскормлены въ жизни,
Матерью будто родной.

Добрую мать обожаетъ ребенокъ,
Лучшею пищей она
Кормитъ его и лелѣетъ съ пеленокъ,
Поитъ, заботы полна.

Въ бархатъ и шолкъ одѣваетъ съ любовью
И у постельки не спитъ,
Чтобъ вѣтерокъ не порхнулъ къ изголовью,
И отъ пылинки хранитъ.

Послѣ-жъ, когда онъ, подросши предъ свѣтомъ,
Явится въ сферѣ людской,

Женитъ его, надѣляя при этомъ
Доброй и щедрой рукой.

Деньги, почетное въ мірѣ служенье
Сыну готовитъ она
И о грядущемъ хранитъ попеченье,
Съ люльки заботы полна.

Счастливы, счастливы дѣти,
Доброй отчизны своей!
Гдѣ вы найдете на свѣтѣ
Страны для сердца милѣй?..

Что-же, однако, при этомъ
Пасынокъ скажетъ порой,
Пасынокъ, презрѣнный свѣтомъ,
Мачихѣ съ роду чужой?

Онъ, что не кормленъ, не поенъ,
Ходитъ въ грязи, босикомъ,
Будто онъ ласкъ недостоенъ,
И подъ ея кулакомъ?

Мачихой онъ не любимый,
Вѣкъ, надъ которымъ гроза,

Презрѣнный, вѣчно бранимый
И за глаза, и въ глаза

Долженъ страдать по неволѣ
Между счастливыхъ дѣтей,
Сколько и муки, и боли
Терпитъ онъ въ долѣ своей!..

Вотъ двое людей.

Вотъ двое людей: умъ и сердце въ одномъ—
И вовсе ихъ нѣтъ въ человѣкѣ другомъ,
Но первому въ жизни, увы, не везетъ,
Другой беззаботно, счастливо живетъ.
Скажите-же: въ лонѣ земномъ бытія,
Кто жалче изъ нихъ, кто завиднѣй, друзья?

* * *

Себя самихъ поцѣловать,
Въ лицо себѣ-же наплевать
Намъ невозможно, и при этомъ
Себѣ оцѣнки мы должны
Искать всегда со стороны,
Среди собратьевъ передъ свѣтомъ.

Смерть-парикмахеръ.

Смерть-парикмахеръ на ярмаркѣ свѣта
Вѣчно торопится съ бритвой своей.
Много ей дѣла: во многія лѣта
Не успѣваетъ обрить всѣхъ людей.

Вотъ потому-то она сѣдиною
Мылитъ намъ волосы, чтобы отъ ней
Мы не ушли, а покуда косою
Брѣетъ другихъ поскорѣй.

Звѣзды и люди.

Лишь дымкою сумерки ночи
Одѣнутъ небесный эфиръ,
И звѣздъ брилліантовыхъ очи
Таинственно взглянутъ на міръ.

Порою мы молвимъ взирая,
Какъ звѣзды горятъ въ небесахъ:
Быть можетъ, есть жизнь міровая
И тамъ на далекихъ звѣздахъ.

А въ это мгновенье житель
Звѣзды, отдаленной отъ насъ,
Взглянувъ на земную обитель,
Быть можетъ, промолвитъ подчасъ:

Есть жители тоже, пожалуй,
На этомъ ничтожномъ міркѣ,
Что въ безднѣ пылинкою малой
Затерянъ межъ звѣздъ вдалекѣ

---

[209]

Наше время.

Не вѣрь всеобщей болтовнѣ,
Что лучше было все и краше
Въ давноминувшей старинѣ,
И стало хуже время наше.

Все это пустяки одни,
И болтовня одна къ тому-же:
Минувшіе не лучше дни,
И наши времена не хуже.

Не такъ ли солнце и луна
Сіяютъ дружески надъ нами?
И какъ при дѣдахъ все полна
Земля роскошными красами.

Не потому ли плохъ нашъ вѣкъ,
Что нынче мы живемъ на свѣтѣ?

О, если такъ, то, человѣкъ,
Тебя унизятъ мысли эти!

Пока насъ манитъ прелесть дѣвъ,
Струя вина блеститъ въ бокалѣ,
Жжетъ поцѣлуй, не надоѣвъ,
О, времена, не хуже стали!

А кто не можетъ пить вина,
Не можетъ больше цѣловаться,
Для тѣхъ, конечно, времена
Настали тяжкія, признаться...

Сосѣдъ направо,—молви мнѣ:
Ты пьешь и красоты лобзаешь?
Сосѣдъ налѣво,—не вполнѣ
И ты все это презираешь?

Смѣюся я, смѣешься ты,
Смѣется онъ, ха, ха! Понятно:
Въ винѣ и въ чарахъ красоты
Намъ всѣмъ отрады ждать пріятно.

Итакъ, кто этотъ вѣкъ бранитъ,
Тотъ заблуждается. Къ тому-же

Я думаю, судьба сулитъ
Намъ и грядущее не хуже.

Кого веселье, радость, смѣхъ
Всегда въ пути сопровождаютъ,
Всѣ времена добры для тѣхъ
Пускай столѣтья протекаютъ,

Любовь въ груди своей храни,
Съ ней сердце старости не знаетъ
Веселье, шутки не гони,
А жизнь ихъ всюду посылаетъ.

Съ души отбрось тяжелый гнетъ
Угрюмой сухости брезгливой,
Въ твоемъ бокалѣ да блеститъ
Вино струей своей игривой!

Веселье не бѣжитъ вина
Оно въ родствѣ съ заздравной чашей,
Приправой лучшею дана
Намъ радость для трапезы нашей.

Она готова въ каждый домъ
Проникнуть, гдѣ той гостьѣ рады,

Гдѣ шуткой, пѣсней и виномъ
Ее почтутъ въ часы отрады.

Бокалы вспѣнимъ-же, друзья,
Въ заздравномъ чоканіи громкомъ,
Вкушая сладость бытія,
Примѣръ собой дадимъ потомкамъ

Жить общей жизнью міровой.
Пускай и внуки въ вѣкѣ новомъ,
Какъ мы, за чашей круговой
Помянутъ дѣдовъ добрымъ словомъ.

Библія и евреи.

Еврейскій народъ мой! Народъ дорогой!
Ты съ Библіей сходенъ священной:
И ты, какъ она, въ старинѣ міровой
Древнѣй всѣхъ племенъ во вселенной.

Звучитъ въ нашемъ мірѣ на всѣхъ языкахъ
Библейскій глаголъ въ переводѣ,
Повсюду и ты въ земнородныхъ странахъ,
Разсѣянъ ты въ каждомъ народѣ.

Но мало понявшихъ во всей полнотѣ
Глаголы библейскіе эти,
Не такъ-же ли рѣдко въ людской суетѣ
Тебя понимаютъ на свѣтѣ?

Вѣка за вѣками проходятъ во слѣдъ,
А Библія древне святая

Струитъ по вселенной незыблемый свѣтъ,
Въ нетлѣнномъ сіяньи блистая.

Гремящихъ событій хаосъ и война,
И бури народныхъ волненій—
Ничтожны предъ нею, нетлѣнна она
Предъ ликомъ людскихъ поколѣній.

Навѣки начертаны Божьимъ перстомъ
Глаголы святаго завѣта,
Они не сотрутся въ волненьи пустомъ
Шумящаго, буйнаго свѣта.

Таковъ-же и ты, дорогой мой народъ!
Могилы встаютъ на могилахъ,
Несутся столѣтья, но бремя невзгодъ
Тебя уничтожить не въ силахъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Державы и царства встаютъ на землѣ,
Вздымаясь, какъ бурныя волны,
И падаютъ снова по прахѣ и мглѣ,
Минутнымъ сіяніемъ полны.

А ты невредимъ, тотъ-же ты, какъ и былъ,
Терпя и гоненья и битвы,
И къ Богу возносишься яснымъ челомъ
Подъ звуки библейской молитвы.

Какъ библія, такъ-же, народъ мой родной,
Ты теплишь божественный пламень,
Вы крѣпче желѣза въ юдоли земной,
И оба вы тверже, чѣмъ камень!

Пока существуетъ нашъ міръ до конца,
Хоть все на землѣ скоротечно,
Но вы не сотретесь съ земного лица,
Безсмертны вы будете вѣчно!

Народъ мой! Ты Библію свято храни
И вѣрь: подъ библейскою сѣнью
Настанутъ грядущіе свѣтлые дни
Въ вѣкахъ твоему поколѣнью.

Она во спасенье отъ Бога дана
Была и предку и дѣду,
Потомкамъ твоимъ-же даруетъ она,
Быть можетъ, надъ міромъ побѣду.

Въ дни юности.

Въ дни юности я голодалъ бывало,
Безъ хлѣба быть случалось часто мнѣ,
Отъ сапога подошва отставала,
Ну, словомъ, дѣло дрянь вполнѣ...

Я былъ безъ дровъ порой зимой холодной,
Но чувства жаръ въ душѣ моей горѣлъ,
Огонь любви мятежной и свободной
Въ нетопленной квартирѣ пламенѣлъ.

Теперь живу и сытый и довольный,
Но я усталъ, угасла и любовь,
Какъ бремя жизнь, и я съ тоской невольной
Грущу о дняхъ, когда кипѣла кровь...

Мысли.

I.

Какъ вы ни боритесь среди мірозданья,—
Все бренна, измѣнчива жизни краса,
А день ликованья, какъ день и страданья
Имѣетъ лишь двадцать четыре часа...

II.

Богъ мужа сотворилъ, потомъ
Жену онъ создалъ изъ ребра,
Насколько вышло тутъ добра,—
Молчатъ уста мои о томъ...

III.

Ты говоришь: постой, о сладкое мгновенье!
Но тщетно! у него иное назначенье:
Въ немъ отражается ходъ жизни міровой,
Оно во слѣдъ другимъ бѣжитъ своею чередой.

IV.

Любовь и поэзія съ чувствомъ сердечнымъ
Блуждаютъ, союзомъ скрѣпленные вѣчнымъ,
Являются къ намъ вмѣстѣ въ счастливый часъ,
И вмѣстѣ опять исчезаютъ отъ насъ.

V.

Молчаливы и скрытны всегда вы, а я
Говорю и живу, ничего не тая.
Подъ цензурою вы предварительной вѣчно,
У меня-же душа безцензурна, безпечна...

VI.

Жизнь безплодно идетъ. На житейскомъ пути
Для чего мы, рождаясь, блуждаемъ?
Людей—мы ничего здѣсь не можемъ найти,
Только Бога и міръ мы теряемъ.

VII.

Жизнь отравить кому-нибудь порой—
Для злыхъ людей вершина наслажденья,
Но еслибъ знали вы всю горечь слезъ мученья,—
Затрепетали бы душой...

VIII.

Я—человѣкъ и мнѣ дано зерно участья
Въ кругу всеобщихъ золъ и призрачнаго счастья.
Что спѣсивецъ кверху носъ свой задираетъ?
Или онъ на солнцѣ пятна открываетъ?

IX.

Никого не назовите
Вы счастливцемъ въ этомъ свѣтѣ:
Сколько сладкимъ ни кормите,—
Все не сыты будутъ дѣти...

X.

Такъ теченье жизни всѣ мы совершаемъ:
Чѣмъ мы начинаемъ, тѣмъ-же и кончаемъ.
Человѣкъ—мозаика. Взгляните—что онъ:
Чувство, мысль, направленье, воззрѣнья и тонъ.

XI.

Гордецъ! Подумай ты, однако,—
Напрасенъ взглядъ кичливый твой:
Вѣдь и охотничья собака,—
Такой-же рабъ, какъ песъ цѣпной...

XII.

Сонъ—сладкая смерть, за которою ждемъ
Мы вновь воскресенія съ будущимъ днемъ.

XIII.

Природа, сотворивъ звѣрей,
Была, какъ видно, къ нимъ щедрѣй,
А къ людямъ мачихой была
И только двѣ ноги дала.

XIV.

Двѣ вещи на свѣтѣ приводятъ порой
Меня къ превеликой досадѣ:
Что люди идутъ впереди предо мной,
А также и сзади...

XV.

Человѣку деньги нужны цѣлый вѣкъ,
Но и деньгамъ нуженъ тоже человѣкъ.

XVI.

Все, что разумно, то дѣйствительно для свѣта,
То правда въ будущемъ, такъ и во время это,

Но что дѣйствительно, то до сихъ поръ, увы,
Не все рѣшаетесь признать разумнымъ вы...

XVII.

Должны мы поспѣшать: всѣмъ смерть сулитъ
нам ъ рокъ...
И пишемъ потому мы много тысячъ строкъ...

XVIII.

Жизни путь предъ нами
Золото равняетъ,
А любовь цвѣтами
Нѣжно усыпаетъ.

XIX.

Слава—пышный и яркій всемірный цвѣтокъ,
Чудный блескъ въ лепесткахъ его милыхъ,
Только жребій, съ нимъ связанный въ жизни,
жестокъ ..
То цвѣтокъ, что растетъ на могилахъ...

XX.

Ты на жизненный путь погляди:
Сколько тамъ колесницъ впереди...
Тѣ, чей грузъ увеличенъ судьбою,

Гдѣ положено благо нашей жизни полнѣй,
Хоть тяжела она, но несутся скорѣй
Всѣхъ легчайшихъ въ дали предъ тобою.

XXI.

Кто деньги фальшивыя дѣлаетъ,—намъ
Внушаетъ на свѣтѣ презрѣнье,
А кто изъ-за денегъ фальшивымъ сталъ самъ,—
Нерѣдко тому поклоненье...

Медленная смерть.

Я всюду вижу смерть... Не съ сказочной косой,
Не въ видѣ страшнаго костляваго скелета,
Но ходитъ медленной, незримою стопой
Она за нами вслѣдъ на шумномъ лонѣ свѣта.

Какъ много страшныхъ ранъ наноситъ намъ она
Украдкой, медленно!.. Что рана—то утрата
Надежды сладостной, чарующаго сна,
Иль упованія, расцвѣтшаго богато.

Лишь горстью перваго ударится песокъ
О дорогой намъ гробъ въ зіяющей могилѣ,
Когда хоронимъ мы того, кого любили,
То смерть намъ говоритъ, тотъ звукъ глухой жестокъ,

Вотъ лицемѣрный другъ, предавшій насъ лукаво
Въ тотъ мигъ, когда ему мы предались душой;
Любимой женщины обманъ ехидно злой,—
Все это смерть души налѣво и направо...

Какъ много лопнувшихъ надеждъ и неудачъ,
Когда завѣтныя мечты горятъ напрасно,
И словно пустоцвѣтъ, все блекнетъ, что прекрасно,—
О, это ходитъ смерть—невидимый палачъ...

А равнодушіе безсмысленно-тупое
Въ средѣ людской на твой сердечный вѣщій зовъ,
Когда въ тебѣ горитъ призваніе святое,
И всѣхъ людей обнять, какъ братьевъ, ты готовъ?

То медленная смерть, то тлѣнъ души свободной,
Твоихъ завѣтныхъ грезъ, и если сѣмена
Святой идеи ты разсыплешь въ грунтъ безплодный,—
Не коситъ ли ихъ смерть, злорадностью полна?

А униженія, а бездны оскорбленій,
Когда съ невѣжествомъ въ борьбѣ слабѣетъ геній

И долженъ уступить въ безсиліи ему.
Не смерть ли это насъ зоветъ отъ свѣта въ тьму?

И, наконецъ, увы, дыханіемъ могилы
Средь жизненной борьбы навѣетъ вдругъ тебѣ
Невѣріе въ себя и въ собственныя силы,
Увы, печальное сомнѣніе въ себѣ...

Затѣмъ наступитъ день—и время прикоснется
Своими пальцами твоихъ волосъ, и тамъ
Слѣдъ снѣга бѣлаго найдется—
И смерть все ближе къ намъ...

* * *

Я, если счастіе имѣлъ
Безъ воли собственной въ отчизнѣ
Найти нечаянно удѣлъ
И въ ней вкусить начало жизни,—

Ее любить обязанъ я
Сердечной полною любовью.
И съ люльки въ лонѣ бытія
Я связанъ плотью съ ней и кровью.

И не любить мой край
Мнѣ было бы, конечно, странно,
Когда въ немъ все предо мной
Такъ мудро, щедро и гуманно.

Горжусь родимой стороны
Я благодѣнствіемъ и славой,

[227]

И къ ней всѣ помыслы полны
Любовью чистой, нелукавой;

Горжусь, что въ пору новыхъ дней
Въ ней колыбель моя стояла...
И что-жъ? Любовь такая къ ней
Ужели подвигъ? Нѣтъ, ни мало...

Но подвигъ вотъ: чей край родной
Любви горячей недостоинъ,
Но если за него ты въ бой
Идешь и жизнь несешь, какъ воинъ,

Не шлешь проклятія ему
За невниманье, за презрѣнье,
Тогда какъ сердцу твоему
Взамѣнъ даетъ онъ лишь мученье...

Всѣ тебя обижаютъ.

Всѣ тебя обижаютъ на свѣтѣ,
Оскорбить и унизить спѣшатъ
Чуждой вѣры злорадныя дѣти,
А порою и свой-же собратъ.

У тебя обвинителей много,
Нарѣканьями полонъ весь свѣтъ,
Всѣ тебя осуждаютъ такъ строго,
И нигдѣ-то защитника нѣтъ.

Не напрасно обидчивъ душою
Ты, скорбящій, гонимый народъ
Подозрительный, съ думой больною
Въ вѣчномъ омутѣ бѣдъ и невзгодъ.

Даже солнышко въ небѣ высокомъ
Въ свѣтозарномъ сіяньи лучей

Въ заговорѣ съ властительнымъ рокомъ:
Озаряя счастливыхъ людей,

Мало свѣта тебѣ посылаетъ.
Нѣтъ и рѣчи уже о лунѣ,
Что у солнца свой свѣтъ занимаетъ
И подвластно ему въ вышинѣ...

Кто тебѣ позавидуетъ въ свѣтѣ,—
Пусть онъ жизнью твоей поживетъ,
И для пробы мученія эти,
Ставъ на мѣсто твое онъ возьметъ,

Твой гонитель, тебя попирая,
Наслаждается жизнью твоей;
Всѣ права твои, жизнь трудовая,—
Для него лишь игрушка страстей...

И тебѣ онъ завидовать можетъ?
Пусть-же все онъ возьметъ на себя,
Что тебя и гнететъ, и тревожитъ,
Что ты въ жизни выносишь скорбя!..

Встрѣча.

Предъ царствомъ грядущимъ мятели и вьюгъ,
Покидая нашъ сѣверъ холодный,
Перелетная птичка спѣшила на югъ,
Свой полетъ совершая свободный.

Ей навстрѣчу попался могучій орелъ.
— «Эй, пѣвунья»! съ поднебесья рѣчь онъ завелъ,—
— «Здравствуй, крошка! Куда и откуда»?
«Я лечу въ дальній край благодатный, иной,

Въ царство вѣчной весны отъ зимы ледяной
Здѣсь рѣка не замерзла покуда».
— «Не встрѣчала ль потомка въ окрестныхъ странахъ
Ты отъ славнаго встарь поколѣнья,

Отъ народа, что древле носилъ на крыльяхъ
Я, свершая Господни велѣнья»?

— «А; я знаю о комъ говоришь ты: о томъ
Бѣдномъ, жалкомъ народѣ, что всюду кругомъ
Обижаютъ, гнетутъ, презираютъ,
Даже бьютъ... На него я сержусь и сама...»

— «А за что?» «У него бѣдныхъ птичекъ въ дома
Очень рѣдко, я знаю, пускаютъ».
— «Э, не странно, дружокъ, безъ тебя у него
Много, много питомцевъ найдется,

Безъ тебя прокормить ему много кого...
Вообще-то ему какъ живется?»
«Охъ, ужъ лучше не спрашивай! скверно ему,
Всюду ждетъ его мука изгнанья,

Вѣдь, скорбей и нападокъ выноситъ онъ тьму,
Терпитъ горе, стѣсненье, страданья...»
. . . .
Тутъ орелъ тихо птичку за крылья беретъ,
Къ небесамъ совершая съ ней вмѣстѣ полетъ,

Говоритъ онъ: «свидѣтелемъ нынѣ
Передъ Богомъ ты будешь, какъ древній народъ,
Имъ излюбленный, страждетъ подъ игомъ невзгодъ,
Въ угнетеньѣ, нуждѣ и кручинѣ...»

Нелюбимый жилецъ.

(Изъ Румынской жизни).

Жилецъ хозяевамъ не милъ,
И вотъ рѣшили такъ устроить,
Чтобъ самъ жилецъ ихъ поспѣшилъ
Семью отъѣздомъ успокоить;

Чтобъ надоѣло самому
Здѣсь жить мучительно, тревожно,—
Давай устраивать ему
Всѣ каверзы, какія можно:

Въ каморкѣ, гдѣ живетъ бѣднякъ,
Постели нѣтъ и безъ затѣи
Онъ спитъ на стульяхъ кое-какъ,
Ихъ на ночь сдвинувъ поплотнѣе.

Но крѣпкій сонъ Богъ далъ ему,—
Благословясь онъ сладко грезитъ,
Какъ вдругъ въ полуночную тьму
Къ нему хозяинъ въ двери лѣзетъ:

«Давайте стулъ! онъ нуженъ мнѣ!»
Кричитъ онъ, вырвавъ стулъ нахально,
И на полъ валится во снѣ
Бѣднякъ съ испугомъ моментально.

Что-жъ? Можно на полу прилечь,
Когда судьба ужъ такъ послала,
Хотя не топлена и печь,
А полъ холодный грѣетъ мало.

Зима сурова, холодна,
Но вотъ едва лишь разсвѣтаетъ,
Вдругъ изъ открытаго окна
Холодный вѣтеръ продуваетъ.

Открылъ хозяинъ: и зимой
Ему, должно быть, очень жарко.
А вотъ къ жильцу ведро помой
Въ дверь, какъ нарочно, льетъ кухарка.

Бѣднякъ поставитъ самоваръ,
Погрѣться чаемъ онъ мечтаетъ.
Уже струится рѣзвый паръ,
Какъ вдругъ хозяйка прибѣгаетъ

И самоваръ скорѣй беретъ....
Такъ въ этомъ родѣ все ведется,
А горемыкѣ въ свой чередъ
Одно лишь—съѣхать остается...

* * *

Такъ ты, Еврей, мой бѣдный братъ,
Свой жалкій вѣкъ влачишь въ отчизнѣ
Среди гоненій и утратъ,
Лишенный благъ домашней жизни,

И словно ждутъ, полны враждой,
Твои сограждане-тираны,
Чтобъ ты покинулъ край родной
И убѣжалъ въ чужія страны...

Чтобъ скрылся добровольно самъ
Ты предъ неравною борьбою,
Съ сердечнымъ стономъ къ небесамъ,
Съ горячей, грустною мольбою...

Не для того ль позора, зла
Тебѣ несутъ такъ много, много,
Чтобъ изъ родного ты угла
Бѣжалъ, отрясши прахъ съ порога?..

Когда на свѣтъ.

Когда на свѣтъ родился я,
Вступая въ сферу мірозданья,
То впечатлѣнья бытія
Я встрѣтилъ плачемъ безъ сознанья.

Теперь свершаю жизни путь,
И въ ней нерѣдкія мгновенья
Мнѣ объясняютъ чѣмъ-нибудь
Мой плачъ, невольный въ мигъ рожденья...

* * *

Счастье насъ уноситъ въ даль
Быстролетными крылами,
А несчастье и печаль
Мы несемъ покорно сами.

Превращенія.

Когда я къ возлюбленной милой моей
Парю сладострастной мечтою,
Желалъ бы тогда я быть вѣчно при ней
И жить только ею одною.

О, еслибъ я, дивныя чары тая,
Колдунъ былъ изъ сказки чудесной,
То въ образахъ разныхъ явился бы я
Къ владычицѣ сердца прелестной.

Хотѣлъ бы я розаномъ стать и у ней
На персяхъ служитъ украшеньемъ,
И, сорванный съ вѣтки царицей моей,
Былъ полонъ бы я упоеньемъ.

Хотѣлъ бы я зеркаломъ быть, чтобъ она
Въ часъ утра при блескѣ разсвѣта

Вперяла въ меня, красотою полна,
Прелестные взоры привѣта.

Въ часы превратиться хотѣлось бы мнѣ
Волшебною, чудною силой:
Какъ маятникъ, сердце мое въ тишинѣ
Безсмѣнно стучало бы милой.

Хотѣлъ бы я стать въ милой ручкѣ иглой
Не ржавой, не ломкой: украдкой
Ее уколовши, я въ мигъ золотой
Попробовалъ крови бы сладкой...

Я мягкой пуховой подушкой бы сталъ,
Когда-же она къ изголовью
Приникнетъ челомъ, я въ ушко бы шепталъ—
Какъ полонъ я страстной любовью...

Ставъ мѣсяцемъ скромнымъ, я ей изъ окна
Лобзалъ бы уста и ланиты,
Когда отъ лучей въ обаяніи сна
У ней не нашлось бы защиты...

Мнѣ сдѣлаться было бы сладко письмомъ.
Исполненъ огнемъ вдохновенья,

На нѣжной груди я отъ міра тайкомъ
Вкушалъ бы весь рай упоенья.

Тогда- я у сердца ея въ тишинѣ
Спросилъ бы, въ любви замирая:
— «Когда же отвѣта надѣяться мнѣ
На чувство, моя дорогая?»

Суровый отказъ-же, услышавъ отъ ней,
Я сталъ бы звѣркомъ во мгновенье.
Молчу про названье, но въ мірѣ людей
Всѣмъ вѣдомо это творенье.

Поймать, не противясь, я далъ бы себя,
Погибель я встрѣтилъ бы смѣло
Подъ милою ручкою, страстно любя,
Погибнуть нѣтъ слаще удѣла!..

Мать и отецъ.

Бѣдность—несчастная мать преступленій
Въ родѣ грибовъ ядовитыхъ: въ тѣни
Въ сферѣ нужды, нищеты и лишеній
Тамъ зарождаясь выходятъ они.

Да, преступленія—бѣдности дѣти.
Кто-же имъ въ мірѣ прійдется отцомъ?
То золотое богатство на свѣтѣ
Въ пышной одеждѣ съ блестящимъ вѣнцомъ.

Вотъ ихъ отецъ, что руки всемогущей
Бѣдности жалкой не хочетъ подать,
И забываетъ семьѣ неимущей
Радости свѣтлой пролить благодать.

Это отецъ ихъ... Казня преступленья,
Онъ проклинаетъ своихъ-же дѣтей,
Бѣдности жалкой не давъ утѣшенья,
Не указавъ ей дороги честнѣй.

[241]

Похороны.

(изъ М. М. Долицкаго *).

Будто муха по ткани ковра дорогой,
Туча медленно въ небѣ всползаетъ;
Мрачно, влагой чревата она дождевой,
Взоръ внимательно книзу бросаетъ.

Тамъ поэта собранье немногихъ людей
Провожаетъ на вѣчность къ покою,
Тихо движется гробъ вдоль дороги своей,
Окруженный немногой толпою.

Туча плачетъ надъ гробомъ, какъ будто съ тоской
И какъ будто съ сердечной любовью,
Мертвеца провожая на вѣчный покой,
Солнца лучъ словно свѣтится кровью.

---

*) Прим. М. М. Долицкій (или Дойлидскій) милый и симпатичный Еврейскій поэтъ.

Еле двигаясь, женщина сзади идетъ,
Вся согбенная скорбью ужасной,
На лицѣ отпечатокъ страданія гнетъ,
Слезы льются съ ланитъ у несчастной.

И одежда разодрана такъ-же у ней,
Какъ и сердце.... Предъ нею рыдая,
Семь оборванныхъ, горемъ убитыхъ дѣтей
Чуть плетутся, отца провожая.

Неподвижно-спокоенъ усопшій поэтъ,
Но, быть можетъ, онъ слышитъ душою
Плачъ и горе дѣтей... Меркнетъ солнечный свѣтъ,
Туча гробъ окропляетъ слезою.

Воетъ вѣтеръ, могильный покровъ мертвеца
Дуновеньемъ своимъ развѣвая,
Изъ-подъ складокъ его виденъ очеркъ лица,
И улыбка на немъ, какъ живая...

А всмотритесь: въ немъ молодость даже видна
Со своей неувядшей красою.
Въ волосахъ его темно-курчавыхъ она,
Мнится, будто застыла росою.

Да, безвременно умеръ покойный поэтъ,
Рано, рано разверзлась могила!
Туча плачетъ—за капелькой капля вслѣдъ,
Провожатыхъ чтобъ болѣе было....

Да, онъ въ юности умеръ—несчастный поэтъ,—
Не убитъ на дуэли кровавой,
Не отъ страсти погибъ, не отъ ревности, нѣтъ,
Не погубленъ коварно отравой.

Былъ онъ отъ роду бѣдный, безвѣстный Еврей,
Свой народъ полюбившій такъ много.
Жилъ въ чертѣ онъ осѣдлости вѣчной своей,
Гдѣ позволено, въ родѣ острога....

Тамъ, какъ птичка, онъ съ пѣсней своею сидѣлъ,
Лучшихъ дней отъ судьбы ожидая.
Тамъ онъ пѣсни свои вдохновенныя пѣлъ,
Какъ и братья его голодая.

Какъ на кладбищѣ роза алѣетъ порой
Тамъ, гдѣ соки даетъ ей природа,
Такъ расцвѣлъ со своей вдохновенной душой
Онъ на почвѣ родного народа.

Древней націи бѣдной, любимой своей
Былъ онъ вскормленъ и вспоенъ слезами,
А отъ нихъ и поэзія свѣтлыхъ идей
Разрослась въ его сердцѣ цвѣтами.

Самъ голодный, собратьямъ голоднымъ своимъ,
Самъ несчастный, онъ пѣлъ для несчастныхъ,
На нарѣчьи несчастномъ разсыпалъ онъ имъ
Много пѣсенъ святыхъ и прекрасныхъ.

Много плакалъ поэтъ, и скорбѣлъ, и стоналъ
О народныхъ мученьяхъ и горѣ,
Со слезами сердечную кровь проливалъ,
Много вылилъ и—умеръ онъ вскорѣ...

О, иди-же къ покою навѣки, поэтъ,
Гдѣ несчастные всѣ отдыхаютъ!...
Здѣсь не первымъ изъ плачущихъ былъ ты, о нѣтъ,
Не послѣднимъ изъ тѣхъ, что рыдаютъ...

Многимъ плачущимъ быть и еще суждено—
Необъятно родимое горе,
Много слезъ поглотитъ и рыданій оно,
Будто рѣки бездонное море...

Много будутъ еще кровью сердца писать
Сценъ тяжелыхъ изъ жизни народной,
Много, много Евреямъ еще проливать
Теплой крови своей благородной!

Ливнемъ падаетъ туча съ небесъ тяжело,
Гробъ съ усопшимъ подвозятъ къ могилѣ,
Плачетъ горько вдова, солнце въ небѣ зашло,
Слезы дѣтскія очи затмили...

Муха.

(изъ Румынской жизни).

Ребенкомъ бывши, помню, разъ
Дурную выбралъ я игрушку,—
И вспомнить стыдно мнѣ сейчасъ:
Поймалъ я бѣдненькую мушку.

Ей оторвалъ одно крыло,
При этомъ мушка трепетала.
Не думалъ я, какъ тяжело
Созданью бѣдненькому стало.

Затѣмъ, я злой рукой моей
Другое оторвалъ ей тоже,
А мушка билась все сильнѣй...
Прости за звѣрство это, Боже!

Затѣмъ, ей лапки оторвалъ,
Головки вслѣдъ за тѣмъ не стало,

Такъ я бѣдняжку истерзалъ,
Но туловище трепетало...

Потомъ вдобавокъ мукамъ всѣмъ,
Я, продолжая быть тираномъ,
Чтобъ жертву задушить совсѣмъ,
Накрылъ несчастную стаканомъ...

* * *

Народъ Еврейскій! и тебя
Вѣкъ такъ-же мучили и гнали,
А ты все-жъ трепеталъ, скорбя
Въ своихъ мученьяхъ и печали...

Какъ будто бы ребенокъ злой
На искалѣченную мушку,
Смотрѣли на тебя порой,
Устроивъ звѣрскую игрушку...

И дѣти гордыя земли
Тебя въ родной твоей отчизнѣ
Терзали, мучили и жгли...
Въ тебѣ-жъ такъ много силъ и жизни,

Трепещешь ты и до сихъ поръ...
И что-жъ осталось грубой силѣ?
Чтобы себѣ-же на позоръ
Тебя и вовсе задушили!...

ПОСВЯЩАЕТСЯ

моимъ единовѣрцамъ въ Румыніи.

О, горе моего народа!
Оно разносится кругомъ
Все ближе, будто съ небосвода
Въ своихъ раскатахъ страшный громъ.

Когда пройдутъ года, быть можетъ.
И сердца нервный трепетъ мой
Мнѣ время исцѣлить поможетъ.
Тогда, быть можетъ, я душой

Не такъ мятежно и недужно,
Но добръ, и крѣпокъ, и здоровъ,
Для выраженья сколько нужно
Въ рѣчахъ найду и нужныхъ словъ.

Ихъ такъ, какъ нужно, сочетаю,
Когда пройдетъ довольно лѣтъ,

Поры я этой ожидаю,
Но только не теперь, о, нѣтъ!

Покуда сердце стонамъ внемлетъ,
Какъ будто грому въ небесахъ,
Я нѣмъ, печаль меня объемлетъ,
Печать молчанья на устахъ...

Въ день рожденія.

День рожденья. Въ механикѣ жизни моей
Сорокъ три колеса изломалось—
Не понятно ни мнѣ, никому изъ друзей,
Какъ машина все цѣлой осталась...

Долго-ль въ дѣйствіи будетъ машина моя
И колесъ еще сколько имѣетъ?
Кто-же знаетъ? Объ этомъ не знаю и я,
И никто объяснить не сумѣетъ...

Тутъ безсильны и знанье, и разума свѣтъ,
Не даетъ мнѣ и вѣра отвѣта,
Ибо въ мірѣ такого механика нѣтъ,
Чтобы могъ намъ отвѣтить на это...

—

Ночные гости.

(Эпизодъ изъ моей жизни въ Румыніи).

Звонко полночь давно прогудѣла вдали,
Воцарился покой, и надъ міромъ легли
Тѣни тихой, таинственной ночи.
Я забылъ о скорбяхъ и о грустномъ быломъ,
Вѣялъ сонъ надо мной благодатнымъ крыломъ
И смежалъ утомленныя очи.

Мнѣ пригрезился радостный вѣкъ золотой,
Я забылъ о несчастіяхъ націи той,
Бѣдной націи, міромъ гонимой,
Сынъ которой и я; грезилъ я, что почетъ
Всюду къ братьямъ моимъ и любовь къ нимъ влечетъ
Всѣхъ согражданъ въ отчизнѣ любимой...

Такъ отрадно я грезилъ въ тиши, въ полуснѣ,
Вдругъ зловѣщій звонокъ раздался въ тишинѣ,
Буйно, дерзко покой нарушая...

Кто бы могъ быть! Не часъ ни друзьямъ, ни врагу...
Никакого и гостя я ждать не могу.
Иль, быть можетъ, депеша какая?

Да откуда-жъ? При томъ въ эту позднюю тьму?
Кредиторъ? Да вѣдь я не въ долгу никому,
И не ждать-же теперь почтальона...
Вздрогнулъ я, всталъ и робко сказалъ у дверей:
«Кто такой?» И въ отвѣтъ слышу голосъ: «Скорѣй
Отворите! Во имя закона!»

Тутъ я отперъ. Блеснулъ яркій свѣтъ предо мной.
Полицейскіе грозно предстали толпой.
—«Вы—еврей...» мнѣ при этомъ сказали,
—«Вы еврей... Не содержите-ль вы на дому
Потихоньку собратьевъ? И вотъ потому
Сдѣлать обыскъ у васъ приказали...»

При мерцаньи фонарномъ, во мракѣ ночномъ,
Всѣ углы осмотрѣли и скромный мой домъ,
И со спящей жены одѣяло
Потрудились сорвать, не стыдясь ничего,
И спѣша убѣдиться, что въ складкахъ его
Тамъ Еврея она не скрывала...

Пробужденная свѣтомъ и стукомъ отъ сна
Застонала въ ужасномъ испугѣ она,
Умоляя меня о защитѣ...
Но увы, чѣмъ бѣдняжку бы я защитилъ?
Самъ незванымъ гостямъ, весь дрожа, говорилъ
Я покорно: «Ищите, ищите!»

Обыскали жилье отъ угла до угла,
Не нашли никого, лишь на печкѣ спала
Въ дальней кухнѣ старушка больная,
Что пріѣхала сына въ тотъ день хоронить,
Жизни собственной дряхлой истлѣвшую нить
Какъ продлить въ этомъ мірѣ не зная.

Испугали старушку, воскликнувъ тогда:
«А! Нашли! Укрывательство здѣсь, господа.»
И, не слыша ни жалобъ, ни стона,
Взяли дряхлую,—Боже, ее сохрани!
И меня вмѣстѣ съ ней, говоря, что они
Поступаютъ «во имя закона...»

* * *

Эта страшная ночь будетъ памятна мнѣ
Со зловѣщимъ звонкомъ роковымъ въ тишинѣ...
Все въ ушахъ эти буйные звуки,

Оробѣвшей жены умоляющій крикъ,
И старушки испуганный, мертвенный ликъ
Вспоминаю, исполненный муки...

И когда задремлю я въ ночной тишинѣ,
И волшебныя грезы польются ко мнѣ
Блескомъ звѣздныхъ лучей съ небосклона
О любви и о братствѣ въ семьѣ міровой,—
Я боюсь, что услышу звонокъ роковой
И угрозу: «во имя закона!..»

Генiй человѣчества.

Господь, въ безконечныхъ пространствахъ витая,
Парилъ въ океанѣ лучей,
Предъ Нимъ за звѣздою звѣзда золотая
Катилась чредою своей.

Какъ вешнiя тучки, зефиромъ гонимы,
За хоромъ играющiй хоръ,
Носились со стройной хвалой херувимы,
Наполнивъ небесный просторъ.

Въ гармонiи арфъ, ко блаженству призывныхъ,
На радужныхъ, чудныхъ крылахъ
Толпы серафимовъ, архангеловъ дивныхъ
Носились вокругъ въ небесахъ.

То было еще до созданiя мiра,
Въ которомъ мы нынѣ живемъ,

И Богъ вопрошалъ въ этихъ безднахъ эфира
Безплотныя силы о немъ:

«Создать ли намъ міръ и на новой планетѣ
Великое племя людей,
Что къ Богу стремилось бы въ жизненномъ свѣтѣ
Съ молитвой душою своей?

Безплотные духи всѣ, полны молчанья,
Приникли къ Творцу своему.
Была имъ невѣдома цѣль мірозданья,
И мнилось имъ даже: къ чему?

Къ чему въ этой вѣчной гармоніи стройной
Еще новый міръ въ небесахъ
Съ породою новыхъ существъ безпокойной,
Которымъ отчизна—ихъ прахъ?

Никто не отвѣтилъ изъ горнихъ селеній,
Молчалъ весь небесный эфиръ,
Лишь геній одинъ, человѣчества геній,
Отвѣтилъ: «твори новый міръ»!

То геній грядущихъ судебъ человѣка,
И Богъ въ свѣтозарныхъ лучахъ

Вѣщалъ:—«а ты будешь отъ вѣка до вѣка
Носить этотъ міръ на плечахъ?»

«Да! буду!» отвѣтилъ съ рѣшимостью геній,
И Богъ этотъ міръ сотворилъ.
Съ тѣхъ поръ милліоны прошли поколѣній
Въ кипѣніи жизненныхъ силъ,

А міръ на плечахъ несмѣняемоноситъ
Нашъ геній, свершая обѣтъ,
И будетъ вовѣки носить и не сброситъ,
Пока существуетъ нашъ свѣтъ...

Знаніе и міръ.

У насъ блестящіе умы,
Но словно гимназисты мы,
Что въ первый классъ въ житейской школѣ
Лишь поступили, и давно ли

Читаемъ только по складамъ,
А между тѣмъ и здѣсь, и тамъ
Критиковать уже дерзаемъ
Профессоровъ мы свысока,

Хотя, къ стыду сказать, пока
Мы ихъ еще не понимаемъ.
Конца таинственному нѣтъ,
А намъ доступны лишь бездѣлки,
Великъ и необъятенъ свѣтъ,
А мы такъ слабы и такъ мелки!

Небесный погромъ.

Посвящается народу моему.

Въ голубой высотѣ звѣзды вмѣстѣ съ луной
Противъ солнышка разъ возмутились.
Зависть что ли была ихъ досады виной,
По другой ли причинѣ озлились—

Кто-же знаетъ? И въ жизни земной иногда,
Гдѣ заблещетъ сіяющій геній,
Тамъ къ нему возгорится слѣпая вражда,
Часто полная злобныхъ стремленій.

Всѣ на солнце накинулись злобно онѣ,
Грустно солнышку свѣтлому стало,
И оно ко владыкѣ небесъ въ вышинѣ
Съ горькой жалобой тотчасъ предстало:

«Повелитель! Что въ царствѣ творится твоемъ,
Гдѣ тебѣ все должно быть подвластно!

Мирныхъ гражданъ, какъ я, и трудящихся въ немъ
Обижаютъ и гонятъ ужасно...

Защити и мою успокой ты печаль!»
Но отвѣтилъ Владыка любовно:
— «Солнце! Милое солнце! тебя мнѣ и жаль,
Только само въ бѣдѣ ты виновно...

Слишкомъ щедро сіянье ты льешь съ высоты,
Яркимъ блескомъ другихъ унижая.
Всѣхъ своимъ превосходствомъ разгнѣвало ты,
Многимъ слава завидна такая...

Ну, такъ вотъ что: Я въ ссылку отправлю тебя,
Хоть на время стушуйся во тьмѣ ты.
И затмилося солнце, невольно скорбя,
Но исполнивъ Господни завѣты.

Тѣнь окутала міръ во мгновенье одно,
Вышли звѣзды, ликуя толпою,
И сказали, что нынѣ имъ царство дано
Вмѣсто солнца надъ жизнью земною.

Вмигъ исчезло все золото яркихъ лучей,
Даже горъ потемнѣли вершины,

Клики страха, тревоги сильнѣй и сильнѣй
Стали слышны изъ нѣдра долины.

Всѣ скорбѣли о солнцѣ, никто не смотрѣлъ
На ликующихъ звѣздъ вереницы,
Пріунылъ человѣкъ, звѣрь въ лѣсу присмирѣлъ,
Въ темной чащѣ нахохлились птицы,

Воцарилась тоска подъ наплывомъ тѣней,
Страшно стало померкшему полю.
И Господь принужденъ былъ изъ ссылки скорѣй
Снова выпустить солнце на волю...

Вновь заискрился радостно свѣтъ золотой,
И съ молитвой цвѣты закивали,
Снова птички звенѣли по чащѣ лѣсной
И созданія всѣ ликовали.

Такъ легенда гласитъ о далекомъ быломъ.
Каждый разъ какъ увижу затменье,
Вспоминаю я этотъ небесный погромъ
И его міровое значенье...

Луна.

Отчего на тверди чистой
Одинокая луна,
Въ міръ кидая свѣтъ серебристый,
Безучастна, холодна?

Оттого, что лишь дозоромъ
Выплываетъ въ небеса,
Ужъ давно усталымъ хоромъ
Смолкнутъ жизни голоса.

Міръ какъ будто бы кладбище,
Стихнувъ дремлетъ родъ людской,
Человѣкъ ушелъ въ жилище
И вкушаетъ въ немъ покой.

Словно саванъ погребальный,
Въ полѣ стелется туманъ,

И луна съ тоской печальной
Въ міръ глядитъ изъ горнихъ странъ.

Безучастны люди къ жизни,
Вкругъ безмолвіе легло...
Для чего-жъ земной отчизнѣ
И луна пошлетъ тепло?

Если сердце не согрѣто
Чувствомъ, пламенемъ идей,
Безъ тепла и безъ привѣта
Тамъ и небо для людей...

* * *

Кто выносливѣй: Богъ ли въ святыхъ небесахъ,
Или племя Израиля въ области тлѣнья?
О, конечно, Израиль, низверженный въ прахъ,
О, выносливѣй онъ безъ сомнѣнья!

Отъ народа—избранника лишь одного—
Отъ Израиля терпитъ Господь неизмѣнный,
А Израиль подъ игомъ ярма своего
Отъ несчетныхъ народовъ вселенной...

Бьютъ Израиля всюду, спѣшатъ колотить.
Стонъ его грустно сердце тревожитъ.
Отчего? Оттого, что другимъ заплатить
Онъ монетою той же не можетъ.

Мщеніе *).

Шелъ онъ въ блузѣ разорванной, старой своей,
Пьяный, съ дикимъ блуждающимъ взоромъ,
Натыкаясь на стѣны, толкая людей,
Не гнушаясь стыдомъ и позоромъ.
Грязь лилась по лохмотьямъ его панталонъ,
Попадалъ иногда въ лужи грязныя онъ,
Бормоча будто съ бредомъ несвязнымъ.
И предъ видомъ его безобразнымъ
Съ тротуара прохожіе всѣ поскорѣй
Торопливо сходили съ дороги своей.
Изъ подъ старой фуражки на бѣдномъ,
На затылкѣ державшейся чуть козырькомъ
Кровь изъ раны запекшись текла ручейкомъ
По щекамъ его впалымъ и блѣднымъ:
То при встрѣчѣ съ желѣзнымъ фонарнымъ столбомъ.
Объ него, какъ въ туманѣ, хватился онъ лбомъ.
Шелъ онъ дальше, руками махая
И кому-то въ бреду угрожая:

---

*) съ французскаго.

«Нѣтъ! Ты лжешь, негодяй! Быть не можетъ!
О, нѣтъ!»
Такъ онъ грозно шепталъ съ озлобленьемъ,
А глаза, что безъ смысла смотрѣли на свѣтъ,
Съ ихъ свинцовымъ тупымъ выраженьемъ
Наполнялись слезами горячими вдругъ.
Онъ, рыдалъ, ни на что не взирая вокругъ,
Обтирая въ тоскѣ одинокой
Эти слезы ладонью широкой.

II.

Должно быть страшное свершилось что нибудь,
Необычайное, чтобы Андрей, извѣстный
Заводу цѣлому, какъ слесарь, добрый, честный
И уважаемый, вдругъ измѣнилъ свой путь,
Начертанный судьбой... Къ труду усердный вѣчно,
Въ компаніи друзей, встрѣчающихъ безпечно
Весельемъ и виномъ разсчетный день порой,
Онъ не пилъ никогда и съ милою женой
Тотъ вечеръ проводилъ далеко отъ завода,
Въ родной семьѣ. И такъ прошло четыре года.
Зачѣмъ-же онъ вино крѣпчайшее нынче пилъ
Стаканами, объятъ какой-то темной силой?
За завтракомъ ему пріятель сообщилъ:

— Твоя жена тебя обманываетъ милый!
У ней любовникъ есть—Тазо пріятель твой,
Зайди, когда не ждутъ, нечаянно домой
И ты застанешь ихъ... Съ волненьемъ, съ содраганьемъ
Услышалъ эту вѣсть въ отчаяніи Андрей.
Онъ вѣрить не хотѣлъ, исполненный страданьемъ.
— Ты врешь, проклятый лжецъ! О, докажи скорѣй!
Не то убью тебя!—Когда я вру—убей...
Узнаешь завтра самъ. И у Андрея руки
Тутъ опустились. Весь полный страшной муки,
Объятый чарою гнетущей и хмѣльной
Въ полубезумьѣ онъ отправился домой.

III.

Когда домой онъ возвратился,
Такъ нѣженъ былъ привѣтъ Люси:
— «Ахъ, что съ тобой? Ты измѣнился!
Ты блѣденъ! Господи спаси!
Ты боленъ, милый! Что съ тобою?»
И съ лаской нѣжною рукою,
Любви заботливой полна,
Тутъ мужа обняла она,

Ласкаясь на колѣни сѣла,
Въ глаза внимательно смотрѣла.
«Скажи, мой милый, что болитъ?»
— Охъ, тяжко мнѣ! онъ говоритъ,—
Оставь меня! Я такъ страдаю!..
Она-жъ съ заботою своей
Лепечетъ: «милый! Хочешь чаю?»
— Нѣтъ! лучше лягу я скорѣй!
Работалъ много я, быть можетъ...
Пройдетъ на утро—сонъ поможетъ...
Скорѣй постель устрой ты мнѣ...
Усталъ!... Она повиновалась,
И легъ Андрей, но волновалась
Душа страдальца въ тишинѣ.
Какъ будто вдавшись въ бредъ гнетущій,
Онъ палъ со стономъ на кроват
И въ первый разъ на сонъ грядущій
Жену забылъ поцѣловать.
Трехлѣтній сынъ его взобрался
Къ нему смѣясь—онъ приласкалъ
И обнялъ шею. Мрачно: «Прочь!»
Сказалъ, ребенка онъ толкая,
Возьми! Настала тишь ночная,
Но не уснулъ отецъ всю ночь.
И не спала Люси; порою

Къ его груди припавъ головою
Шептала трепетно она:
«Не лучше-ль, милый?» Въ мракѣ ночи
Ему заглядывала въ очи,
Любви заботливой полна.
И думалъ онъ: «О, неужели
Она способна.... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!...
Какъ искрененъ ея привѣтъ!...»
И въ пять часовъ онъ всталъ съ постели,
Чтобы начать свой трудъ дневной.
Умылся, въ путь направясь свой.
Люси хотѣла встать при этомъ,
Но «спи»! онъ молвилъ ей съ привѣтомъ.
Поцѣловалъ ее Андрей
Затѣмъ ребенка и скорѣй
Ушелъ, промолвивъ у порога:
— «Приду къ двѣнадцати часамъ
Я завтракать», себѣ-же самъ
Замѣтилъ:—«ранѣе немного...»
Въ глазахъ темнѣло, голова
Кружилась, онъ сошелъ едва.
Потомъ зашелъ онъ въ мастерскую,
Взялъ молотокъ, притомъ сказалъ,
Что боленъ. Всѣ кто увидалъ
Въ немъ блѣдность страшную такую,

Въ болѣзнь не вѣрить не могли.
Товарища онъ скоро встрѣтилъ,
Что безъ работы былъ. Зашли
Въ трактиръ. Хозяинъ тутъ замѣтилъ,
Какъ много, страшно пилъ Андрей,
Все становясь мрачнѣй, блѣднѣй.
Онъ пьяный вышелъ на дорогу,
Но освѣжился понемногу
Холодной, свѣжею водой
И вотъ пришелъ къ себѣ домой.

IV.

До квартиры своей на шестомъ этажѣ
Онъ въ волненіи страшномъ взобрался уже.
Вотъ и въ двери свои постучался,
Но никто отпереть не являлся.
— Это я, отвори мнѣ! промолвилъ Андрей,
Отвори мнѣ Люси! И сквозь стѣнку дверей
Тутъ послышалось въ это мгновенье,
Что плакаръ запираютъ... Чуть слышимый стукъ
И желѣзной заслонки движенье.
Чу, шаговъ торопливыхъ послышался звукъ.
«Обожди на минуту... немного...»
Вотъ и дверь отперта; у порога

Появилась жена и спокойно ему
Говоритъ: «здѣсь такъ много народу въ дому...
Я боюсь, чтобы кто не забрался...»
Потому я и дверь запираю всегда...
— И отлично ты дѣлаешь! Да!
Мрачно мужъ отозвался.
Онъ внимательно комнату всю оглядѣлъ.
Ничего... Но ему показалось,
Что плакаръ въ этотъ мигъ самъ собой зазве-
нѣлъ,
И какъ будто въ немъ что-то скрывалось.
Да... Ему не солгали... мужчина былъ тутъ,
И укрыться въ плакаръ одинъ лишь пріютъ,
А плакаръ длинный ящикъ желѣзный
Съ проведенной изъ комнатной печки трубой;
Такъ во Франціи строютъ, и что большой про-
водникъ
Проводникъ для тепла и полезный.
— Что-то холодно мнѣ..... Истопи поскорѣй!
Повелительно молвилъ Андрей.
— «Какъ, теперь? Кто-же топитъ, мой милый?»
— Затопи! съ сердцемъ, съ большею силой
Онъ вскричалъ. Поблѣднѣла при этомъ жена.
— «Ты бы легъ и одѣлся...» сказала она,
«А въ постелѣ согрѣться скорѣе...»

— Затопи! Такъ хочу! Истопилъ бы и я,
Но хочу, чтобъ работа была здѣсь твоя!..
Онъ ехиднѣй сказалъ и грознѣе.

V.

Будто въ лихорадкѣ бѣдная дрожала,
Неподвижно, нѣмо передъ нимъ стояла,
И, сверкнувъ глазами, закричалъ Андрей:
— Да затопишь что ли? Затопи скорѣй!
Или есть причины у тебя, быть можетъ,
Чтобъ меня не слушать? Это не поможетъ!
Бѣшено при этомъ сжалъ онъ кулаки.
Полная тревоги, полная тоски,
Времени хоть каплю выиграть желая,
Взявши дровъ немного, тихо очищая
Отъ золы рѣшетку, щепокъ и углей
Положивъ рукою трепетной своей...
Тутъ остановилась женщина.—Ну, что-же?
Зажигай скорѣе!—О, помилуй Боже!
Что-жъ съ несчастнымъ будетъ,—думала она,—
Что въ плакарѣ запертъ! Трепета полна,—
Бѣдная стояла, рукъ не поднимая...
— Да зажжешь ты что ли? бѣшенствомъ пылая,
Яростно онъ вскрикнулъ и что было силъ
Трепетную жертву за руки схватилъ,

Бросилъ на колѣни и заставилъ живо
Спичкою зажженной запалить топливо...

VI.

Печь раскалилась въ минуту, и въ ней
Искры бросая, дрова затрещали.
Въ комнатѣ все становилось душнѣй.
Полная муки, тоски и печали
Все на колѣняхъ стояла она,
Какъ привидѣнье нѣма и блѣдна,
Словно надъ нею всесильная чара.
Чу! прозвучалъ въ тишинѣ изъ плакара
Слабый, чуть слышный, подавленный стонъ.
— Ну, помѣшай-ка, чтобъ жарче горѣло!...
Молвилъ Андрей, и въ глазахъ заблестѣло
Страшное пламя... Ужасенъ былъ онъ.
Къ печкѣ Люси наклонилась печально.
Повиновалась она машинально,
Словно пружина незримая въ ней
Ходъ совершила помимо сознанья.
Печь накалялась сильнѣй и сильнѣй,
А у Люси гнетъ тяжелый страданья
Отнялъ и чувство, нѣма и блѣдна,
Уголья въ печкѣ мѣшала она.

До-красна жаркая печь раскалилась,
Сдѣлался краснымъ и самый плакаръ...
Невыносимый, удушливый жаръ!...
Чѣмъ-то горѣлымъ запахло, помнилось...
— Слышишь ли,—жаренымъ пахнетъ.—Андрей
Молвилъ съ улыбкой зловѣщей своей.

VII.

Безъ чувства упала Люси во мгновенье,
Но мужъ ее облилъ холодной водой,
И было ужасно его озлобленье:
— Не рано ли въ обморокъ падать? Постой!...
Тутъ грубо поставилъ ее предъ собой
Онъ на ноги, ей указавши рукою
На дверцу плакара,—теперь отвори
И что тамъ такое лежитъ,—посмотри!
Какъ будто сомнамбула, ключъ повернула,
У дверецъ желѣзныхъ плакара она,
Ихъ будто пружина въ тотъ мигъ распахнула,
Трупъ юноши выпалъ со стукомъ... Черна
Была обгорѣлая кожа... Съ нимъ рядомъ
Упала Люси... Помутившимся взглядомъ
Андрей на обоихъ недвижно взиралъ.
— Такъ правда!.. Такъ правда!.. онъ тихо шепталъ...

Ты и я.

Ты смерти боишься,—я жизни сильнѣй,
Ты Бога боишься, я—больше людей.
Тебя устрашаетъ ударъ кулака,
Ужаснѣе мнѣ остріе языка.

Боишься ты бѣдности, я же, другъ мой,
Богатства сильнѣе боюся душой.
Труда ты боишься, но праздности я...
Не равны ль боязни—моя и твоя?...

Природа и люди.

Мы такъ равнодушны къ страданьямъ другихъ,
Насъ трогаетъ мало ихъ скорбь и несчастья,
И даже бѣдствія близкихъ своихъ,
Съ кѣмъ сродны душой, мы глядимъ безъ участья.

Не дорогъ намъ собственный даже собратъ,
Товарищъ, соратникъ въ бою мірозданья.
А какъ не глядѣть безучастнѣй стократъ
Природѣ на наши людскія страданья?

Она милліонами насъ создала
Какъ будто по прихоти творческой силы,
И сыплетъ она безъ конца, безъ числа
И дѣтскія люльки и старцевъ могилы.

Небрежна она, создавая людей,
Хотя ея трудъ,—намъ загадкой и тайной,

Но. средства созданья ничтожны у ней
Съ ихъ силой стихiйной, съ игрою случайной.

Въ величьи глядимъ мы на мiръ свысока,
Полны о себѣ мы высокаго мнѣнья.
Но, видно, природа за нами пока
Еще не признала такого значенья...

Легко ей родить насъ, легко и убить:
Довольно пустого мiазма, микроба,
Чтобъ жизни прервать скоротечную нить,
Созданiе спрятать подъ крышею гроба...

Такъ чѣмъ тутъ гордиться? Довольно порой
Отъ боли зубной потерпѣть намъ мученье,
Чтобъ отдалъ полъ царства владыко-герой,
Мудрецъ-же свое умозрѣнье,
Лишь только-бъ найти исцѣленье
Отъ этой болѣзни пустой...

Борьба души.

Когда подумаю въ тиши,
Наединѣ съ самимъ собой,—
Мнѣ кажется, что двѣ души
Заразъ мнѣ посланы судьбою.

Онѣ живутъ въ груди моей,
Какъ бы въ одной каморкѣ вмѣстѣ,
Той хочется любить людей,
А эта жаждетъ зла и мести.

Одна готова день и ночь
Благословлять и слать молитву.
Другая дружбу гонитъ прочь
И цѣлый міръ зоветъ на битву.

Та съ бурею зоветъ грозу,
А эта свѣта солнца хочетъ,

Та теплую кропитъ слезу,
А эта демонски хохочетъ...

Одна заводитъ съ небомъ рѣчь,
Полна прощеньемъ и любовью,
Другая свой разящій мечъ
Багрить готова алой кровью.

Предъ чѣмъ преклонится одна,
То свергнетъ дерзостно другая...
Такъ жизнь борьбою душъ полна,
Въ насъ пламя чувства разжигая...

Еврей и его члены.

Зачѣмъ мнѣ голову Богъ далъ?
Не для разумнаго мышленья,
Но чтобы я ее склонялъ
Предъ грозной силой въ день гоненья.

Не для того далъ свѣтъ очей,
Чтобъ видѣлъ я все, что прекрасно,
Но чтобъ горячихъ слезъ ручей
Изъ нихъ струился ежечасно...

Не для защиты отъ враговъ
Мнѣ сотворилъ Господь и руки,
Но чтобъ ломать я былъ готовъ
Ихъ отъ отчаянія и муки...

А сердце?... Съ тѣмъ ли, чтобъ могло
Оно любовью страстной биться?
Нѣтъ! Чтобы я, склонивъ чело,
Молиться только могъ, молиться!...

Восковая натура.

Исторіи міра въ скрижали взгляни:
Иные народы—какъ будто каменья—
Дробятся, осколками сыплясь, они
Подъ молотомъ грознымъ судьбы и гоненья.

Евреи-же воску подобны скорѣй:
Чѣмъ больше ударовъ на нихъ разразится,
Тѣмъ вѣчно они и плотнѣй и дружнѣй,
Тѣмъ племя еврейское больше сплотится...

О, воскъ благородный! сплощайся-же ты
Подъ молотомъ грознымъ скорбей и страданья,
Чтобъ ярче блеснуть посреди темноты,
Свѣчею безсмертья среди мірозданья!...

---

* * *

Друзья! Напрасны утѣшенья,
Что въ лампѣ жизненной моей
Елея много для горѣнья,
Для свѣлыхъ радостныхъ лучей...

Мнѣ чужды утѣшеній чары.
Надеждъ безпечныхъ вы полны:
У вашихъ лампъ резервуары
И непрозрачны, и темны.

Вамъ неизвѣстно—сколько масла
Таятъ они, и чуждъ вамъ страхъ,
Чтобъ очень скоро не погасло
Ихъ пламя свѣтлое впотьмахъ.

Но полонъ думой я печальной:
У лампы жизненной моей
Резервуаръ, увы, хрустальный:
Я вижу—въ немъ къ концу елей...

Картина поздней осени.

Тускло звѣзды свѣтятъ въ небѣ,
Въ мутной, темной вышинѣ,
Словно думаютъ о хлѣбѣ,
Будто голодны онѣ...

Лѣсъ печаленъ облетая,
Грусти глушь его полна:
Роза лѣса золотая
Не въ закладъ ли отдана?

И дрожитъ подъ тучей мглистой
Перезябшій голый боръ,
Сбросивъ пестрый, золотистый,
Густолиственный уборъ.

Въ сонмѣ тучъ печально бродитъ
Блѣднолицая луна,

И на грустный ликъ походитъ
Человѣческій она.

Тамъ, гдѣ вѣтеръ тучи носитъ
Выше горъ земныхъ вдали,—
То какъ будто хлѣба проситъ
Странникъ неба у земли.

Но напрасно! Что-же можетъ
Дать просторъ нагихъ полей?
Мать-земля здѣсь не поможетъ
И семьѣ своихъ дѣтей!...

Тощій волкъ напрасно ищетъ
Корма скуднаго тайкомъ,
И холодный вѣтеръ свищетъ
Пѣснь о голодѣ людскомъ.

Даже солнце въ небѣ мглистомъ
Грустно смотритъ на народъ,
Словно бывъ капиталистомъ,
И оно теперь банкротъ...

Словно солнце грустно стало,
Что его безсиленъ свѣтъ,

Золотого капитала
У него для міра нѣтъ...

Вѣтеръ буйный, вѣтеръ вольный!
Поскорѣе-же неси
Вѣсть о томъ, какъ людъ бездольный
Всюду страждетъ на Руси...

Эту вѣсть неси въ палаты,
Гдѣ пируютъ богачи,
Про деревни и про хаты
Имъ украдкой прошепчи...

Призадумаются Крезы,
Пусть при пѣсенкѣ такой
И кусочекъ отъ трапезы
Бросятъ въ міръ нужды людской!...

Жизнь—театръ.

Нашъ міръ—театральная сцена большая,
А люди при жизни—актеры на ней,
Всѣ пьесы *случайность* творитъ роковая,
А роли даетъ намъ наклонность *страстей*

Въ игрѣ декораціи *время* мѣняетъ,
Судьба рукоплещетъ или шиканье шлетъ,
Смерть занавѣсъ старымъ порядкомъ спускаетъ,
Исторія снова на сцену зоветъ.

Кто непремѣнно.

Кто непремѣнно въ жизни бракъ
Необходимостью считаетъ,
Тотъ басню мнѣ напоминаетъ
Про то, что былъ одинъ чудакъ:

Въ глухомъ пути, вдали отъ свѣта
Веревку разъ нашелъ онъ гдѣ-то
И, пожалѣвши, чтобъ она
Совсѣмъ напрасно не пропала,
Повѣсился, подумавъ мало,
А кстати тутъ была сосна.

[289]

Прощаніе съ М....

Прощай, М.... моя родная!
Тебя оставить я готовъ,
На вѣки прелесть покидая
Всѣхъ розъ твоихъ и всѣхъ цвѣтовъ.
О, дорогая, будь здорова!
Прощай! Не возвращусь я снова.
Да, *дорогая* ты вполнѣ:
Ты *стоила* такъ *много* мнѣ!
Мой долгъ—теперь съ тобой проститься...
Тебѣ желаю счастья...

Здорова будь, моя святая!
Хотя отъ святости твоей
Не много видывалъ добра я,
Весьма немного для людей!..
Съ твоимъ зловоньемъ я прощаюсь,
Что мнѣ наскучило вполнѣ,
Отъ ѣдкой пыли удаляюсь,
Порой слѣпившей очи мнѣ.

Прощаюсь съ мостовой твоею,
Гдѣ я въ грязи тонулъ по шею,

И будто бы въ болотѣ вязъ,
Гдѣ ноги я ломалъ не разъ.

Съ тобой прощаюсь я въ кручинѣ,
Мнѣ жаль всего, душа скорбитъ,
И каждый твой булыжникъ нынѣ
На сердцѣ у меня лежитъ.

Мнѣ жалко братьевъ всей душою,
Что злобно прогнаны тобою,
Я съ плачемъ проводилъ ихъ въ даль,
Но тѣхъ, что милостью твоею
Остались,—больше я жалѣю...
О, право, тѣхъ мнѣ больше жаль!

Купцовъ, кому благоволенье
И привилегіи даютъ
Права не покидать пріютъ,—
Мнѣ больше жаль! За нихъ мученье...

Охотнорядскихъ мясниковъ
Они окружены толпами,

И ножъ отточенный готовъ
Всегда блеснуть надъ ихъ главами.
Нетолько паспорта одни
Они готовы, Богъ храни,
Всегда отмѣтить штампомъ краснымъ,
Но головы и спины ихъ
На выѣздъ написавъ на нихъ,
Съ тупымъ презрѣньемъ безучастнымъ
И къ благородству, и къ всему,
Что не понятно ихъ уму.

Здорова будь, гора крутая,
«Зарядьемъ» названная, ты,
Гдѣ лица мертвыя, мелькая,
Полны торговой пустоты.

И будетъ вся торговля эта
Пустѣй, все каждый день пустѣй...
Зарядья бѣдственный Еврей!
Несчастенъ ты на лонѣ свѣта!
Нѣтъ, человѣческимъ перомъ
Не передать твоихъ мученій...

Исполненъ грустныхъ размышленій,
Теперь склоняюсь я челомъ

Предъ нашей синагогой новой.
Прощай! Могу ль не пожалѣть:
Велѣніемъ судьбы суровой
Ты превращаешься въ *мечеть!*

Парю я въ горнюю обитель
Мольбою въ пламенныхъ слезахъ:
Твой Староста и твой Хранитель
Ужель все видитъ въ небесахъ?

Ужели онъ на все взираетъ?
Прощай! Тебѣ рука моя,
А съ ней и сердце, что страдаетъ,
Тебѣ всецѣло отдалъ я!...

Я съ сокрушеньемъ и мольбою
Смиряюся предъ Богомъ силъ.
Прощай! Одинъ изъ насъ съ тобою,
Должно быть, это заслужилъ!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.